

Аляксандр Тамковіч

Женщины

www.kamunikat.org

Моей жене Ирине

Когда я только приступал к работе над этим проектом, журналист Саша Федута посоветовал начать его очерком о моей маме, которой, к сожалению, уже нет. Мысль хорошая. Поначалу так и собирался сделать, но потом понял, что в этом нет смысла. В данных интервью есть именно то, о чем хотелось сказать.

И еще. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность Ирине Соколовой, которая посодействовала интервью, которое и открывает эту книгу.

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ

8 июня я записал вариант интервью. А 20 октября Светлана Александровна передала свой, и он по сути совершенно другой. Авторскую лексику и пунктуацию решили сохранить полностью.

- Начнем с детства. Ваша жизнь настолько «раскручена», и мы, кажется, знаем о ней все.

-(Смеется.) Я не очень люблю читать о себе, это все равно, что слушать свой голос – никогда не нравится. Поэтому всегда благодарна и восхищена героями своих книг, тем, как они часто предельно откровенны – иногда мне кажется, что я бы так не смогла. (Задумывается.) Да, наверное, они честнее меня. Я иногда ... и даже часто припрятаваю свою жизнь... может, в силу публичности. Нельзя же все время жить на сцене, в собственном театре.

Отец мой – белорус из Полесья, а мать – украинка. Родилась 31 мая 1948 года в Ивано-Франковске, где в то время служил отец. Там он и женился на красивой украинке. А на фронт отец ушел со второго курса журфака или, как он тогда назывался – КИЖ (коммунистический институт журналистики). Помню, папа рассказывал, что когда они возвращались с летних каникул, то половины преподавателей уже не было – их посадили за это время. А еще он вспоминал молодого преподавателя по истории журналистики Марка Соломоновича Зерницкого. И надо же! Когда я поступила в БГУ на факультет журналистики, то на первой же лекции этот Марк Соломонович Зерницкий спросил: « Это был ваш отец? Я его хорошо помню – талантливый парень!» И тогда я поняла, как здорово встречать людей, которые помнят наших родителей молодыми. Об Ивано-Франковске отец (он еще жив, к счастью) до сих пор вспоминает с ужасом, потому что советских освободителей, которыми они себя считали, бандеровцы (украинские лесные братья) не только стреляли, но и резали по ночам ножами, рубили топором. Тогда это были бандиты, а сейчас народные герои. Мы выросли в одной истории, а живем в другой – это уж ладно! У нас еще есть время, но нашим родителям какво? Погибали от пуль и ножей за одну историю, а дожив до

глубокой старости, умирают в другой. История в движении. И если что-то есть в ней вечное, то это – добро. Вот еще один отцовский рассказ. Мне не было года и я умирала от рахита, потому что местное население ничего не продавало советским офицерам и их семьям. А меня могло спасти только козье молоко (так говорил врач). И тогда мой отец вместе со своими друзьями пошел в женский монастырь. Заперт. Стучали - не открывают. Тогда по спинам своих товарищей отец перебрался через стену монастыря. Нашел настоятельницу и стал перед ней на колени: « Пусть я – враг. Меня убейте! Но спасите ребенка... Вы же люди Бога...» Настоятельница долго молчала, а потом сказала: «Ты больше сюда не приходи, а твоей жене мы будем давать каждое утро пол-литра козьего молока». Вот эти пол-литра молока и оставляют нас людьми в любом кошмаре... даже в самом страшном – в гражданской войне. И эту историю я пишу, выслушиваю и сохраняю в человеческих голосах. Живую «очеловеченную» историю.

Несколько лет назад я была в Ивано-Франковске, когда японское телевидение «Энич-кэй» снимало обо мне фильм. Потрогала стены монастыря...

В Беларусь наша семья вернулась после 50-х. Отец работал журналистом, затем лектором в Полесском обкоме партии. Уже готовили его документы на должность секретаря обкома партии, и тут обнаружилось, что мама родная сестра сидит в лагере. Вся вина ее была в том, что она осталась на оккупированной украинской территории (как будто люди сами остались, а не доблестная советская армия их бросила на произвол судьбы), и до войны преподавала в школе немецкий язык. И когда немцы заходили в их деревню, то ее просили вести с ними переговоры: «У нас партизан нет. У нас только старики и дети». Ее знание языка спасло деревню, но не спасло ее после войны. После войны особисты с ней говорили на русском: « Зачем ты учила немецкий? Знала, что начнется война?» Это теперь кажется смешно... через шестьдесят лет... А тогда отцу сказали: или разводишься с женой, или ... клади партбилет... Отца спас его военный друг Лобанок, в то время секретарь ЦК. Он помог отцу сохранить партбилет и уехать в деревню директором школы. Отец

мой из верующих коммунистов, хранит партбилет до сих пор, но он очень любил мою мать. И любовь победила. Это был второй мой урок на человека... Я поняла окончательно, когда выросла и много думала об этом: человеком можно остаться всегда. Хотя как-то услышала от одного из своих героев (и это есть у меня в книге): «Человека в человеке немного. Ножку венского стула в задний проход, как мне – и человека нет. Мне мочились и кричали в ухо: называй «своих друзей... умных вспоминай». И я вспоминал...». Этот человек 17 лет отсидел на Колыме, и я ему не оппонент. Он был там и узнал то, что человеку знать не надо. Мне, наверное, просто в жизни везло: мое сердце учили добром... В детстве я была застенчивая, и моя украинская бабушка учила меня: «Ты людей не бойся...Ты смело иди к человеку, но будь в его душе, как в храме...»

А тема оккупации – это большая и еще закрытая у нас тема. Я когда-то немного о ней сказала и, помню, как на меня обрушились именитые партизанские командиры: не тронь святое. А я сказала о том, что с детства слышала: как боялись днем немцев, а ночью партизан. Как сразу же после войны пошли эшелоны с «оккупированными» на Север... Как мне одна минская подпольщица рассказывала, что после войны ее вызвали в школу, где учился ее сын и попросили: «... не обижайтесь, но мы вашего сына переведем в другой класс. Этот класс самый лучший в школе, а ваш сын все-таки жил «под немцами».

Если ты был в оккупации, значит, ты с клеймом. А если ты постирал белье немецким солдатам, чтобы заработать денег и покормить голодающих детей, то ты – пособник врага.

Людмила Михайловна Кашечкина, минская подпольщица, героиня французского Сопротивления, без слез не могла вспоминать, как она после войны вернулась и узнала, что ее муж сидит. А она приехала вся в орденках, вместе с мужем они были в минском подполье. Она пошла к следователю НКВД, который вел дело ее мужа, и это был тот самый следователь, который вел его дело до войны, и он ей кричал: «Французская проститутка!». Если до войны ее мужу в НКВД сломали одно ребро, то после войны, когда его снова взяли и пока она его оттуда выцарапала, ему

сломали второе ребро и отбили почки. Ей вернули больного старика.

С белорусской стороны у нас почти не осталось родственников – бабушка, мать отца, погибла в партизанах от тифа, два брата отца пропали без вести где-то на фронте, две семьи дальних родственников сожгли в их домах за связь с партизанами... Я выросла в послевоенной белорусской деревне и помню, как мало там было мужчин. В памяти одни старые женщины, может быть, они были молодыми, но казались мне старыми ... от слез, от беды, от работы. С тех пор я любой деревенской старухе готова в ноги поклониться – как иконе.

Мы часто говорим «народ – герой», «народ – победитель», но никто не любит вспоминать, как народ унижали. Это еще темные страницы нашей истории. Нам открыли только одну грань – героическую. Может быть, я когда-нибудь напишу о том, как было жить в партизанском отряде красивой девушке... и что было с ней, если она понравилась командиру... Это надо было выполнять, как приказ... А если нет... Могли и убить... Поэтому только одного партизанского командира за это и судили... Да и судили только потому, что брат той девушки был Герой Советского Союза. Из Москвы. Но делу не дали огласки, у Победы должно быть красивое лицо...

Так что видите – у меня нет моей биографии, отдельной от моих книг.

- Тема ваших книг: мифы и человек... страдания и человек... зло и человек... Можно так сформулировать ваш замысел?

- Что я делаю тридцать лет? Из книги в книгу пишу, скажем так, автобиографию Утопии... коммунистической идеи. Историю красного человека. И эту историю рассказывает сам человек, палач и жертва одновременно. Я думаю, что вся наша беда в том, что палач и жертвы – это одни и те же люди. Гениальная большевистская задумка, я бы не приписывала эту идею только одному Сталину: сначала – палач и жертва, а потом этот же палач превращается в жертву и идет теми же путями ада. И судить некого. Идею что ли судить? Но она же в голове конкретных людей... Часто хороших, очень хороших людей... родных.

Я помню, как те же японцы приехали к моим родителям. Первый вопрос отцу: «Вы коммунист?»

- Был и остаюсь коммунистом. Ничего лучше красного знамени нет. Да, конечно, были ошибки...

- А вот ваша дочь антикоммунистка. Как вы к этому относитесь?

- Я ее люблю... горжусь... Но мы с ней всегда спорим. Она не любит Лукашенко, а я голосую за него. Он сохраняет прежнюю страну...

Я тоже люблю своего отца, но мы с ним не слышим друг друга. Диалог не получается. Хотя он – учитель истории и сам признается, что на его памяти историю уже переписывали четыре раза. У нас непредсказуемо не только будущее, но и прошлое. Все равно он хочет остаться в своем времени... дожить в нем... Все-таки был он «советский человек», и у него были свои представления о ценностях жизни, о героях и мучениках. И не так легко ему выйти из-под наркоза идеи, и, давайте будем честны, социалистическая идея не так уж проста и примитивна, как нам казалось – в ней есть и правда и романтизм... и кровь и Кольма. И вообще, я все чаще думаю, какие мы были романтики двадцать лет назад: нам казалось, что рухнет кремлевская стена и мы – свободны. А выходит, что все дело не в идее, а человеке. Опять все упирается в человека. В культуру. Если Флобер говорил о себе, что «я – человек-перо», то я – человек-ухо. Разговариваю с людьми, слушаю улицу, наши ночные бдения на кухне и вижу в одном человеке два человека.

Пример из «У войны неженское лицо». Женщина плачет и тихо рассказывает... как после войны не могла ходить в мясные магазины, видеть разделанное мясо, потому что она на войне была санинструктором и видела, как от человека остается полведра теплых ошметков... И о том, какие странные животные лошади... как лошадь никогда не может наступить на мертвого человека, и как по-человечески они стонут, когда ранены... и плачут... Господи! Да в каждом ее слове – глубина Достоевского. А потом с ней, с этой женщиной, мы заговорили о Горбачеве, Ельцине... И это уже совсем другой человек, враз попростевший и поглупевший, смиренный и испуганный: мы песочек маленький... мы не виноваты...

Когда-то я знала, что страдание возвышает человека, теперь я в этом не уверена. Страдание отдельно, а жизнь отдельно. И все опять повторяется... война... диктатура... Сидим с моей подругой (дипломатический работник) в моем деревенском доме (когда-то купила, чтобы жить среди природы и естественных людей, среди животных, наконец - потому что природа и животные там, где Бог – это совершенно). Так вот сидим мы с ней... Заходит во двор сосед – пчеловод, рыбак, цветной рассказчик – и, увидев американку, сразу о политике: мол, Лукашенко любит народ и защищает его от американцев... и от русских... Все нас грабят, а мы вот хорошие. Гостыя спрашивает: «А это ваш двор напротив?»- «Да». «А почему там такая грязь и навоз на улице выбрасываете из коровника... И забор хороший не поставите, хотя лес кругом? Кто виноват? Русские или американцы...» Сосед обозлился.... Чтобы ответить, надо думать, а думать не приучили. Их учили только верить. Будешь верить – получишь пайку.

И я иду за этим человеком... за «соседом по времени»... пусть останется в слове не обнаженная идея и холодные события, а эта пропущенная история (она обычно исчезает в великом) наших чувств - во что верили, чего боялись... Какими мы стали...

-Все знают, что вас долго не печатали в советское время и уже 13 лет не печатают при нынешнем режиме. Вас судили за честную книгу об Афганистане. От всего этого можно устать. Вы никогда не жалели, что стали писателем? Что вам помогает идти?

- Ответ будет банальный... банальный и простой... Помогает любовь. Я люблю вглядываться в просто жизнь, в просто человека. Я люблю жить. Люблю жить до азарта. Иногда подойду утром к окну и радость – еще одно утро... еще один рассвет... И я слышу крики чаек над Свислочью. И вот солнце всходит...

Я пишу... Вернее, хочу писать такие книги, чтобы каждая была как бы написана новым человеком. Мне не интересно делать то, что я уже умею делать, поэтому свои книги пишу подолгу – 7-8 лет. За тридцать лет написала только четыре книги, но они переведены на десятки

разных языков во всем мире. Существует уже больше ста изданий. Я книги не пишу, я ими проживаю жизнь. Это и мой путь. Я даже не знаю, кем бы я была, не стань журналисткой, то есть я добываю материал журналистскими методами, но делаю из него литературу. Если бы я не писала, то, думаю, стала бы учительницей. Мой прадед был учителем ... учился вместе с Якубом Коласом. Отец и мать учителя... То, чем я сейчас занимаюсь, тоже в какой-то степени учительство. Я еще из тех «бывших» писателей, которые не боялись брать на себя риск просветительства и не превращали литературу в игру. В знаки. Это хорошо, что я прошла хорошую журналистскую школу – в «Сельской газете», в журнале «Неман». Учила не газета, учили люди. Мне повезло на учителей: Алесь Адамович – с его европейским и толстовским взглядом на мир, Василь Быков, Вячеслав Кондратьев... гениальный русский режиссер Анатолий Эфрос... Нет! Я счастливый человек! Мне нравится жить, и мне все время встречаются люди, которые любят жить... Счастье — это целый мир. Нам о нем не говорили... и мы о нем мало знаем. О том, сколько в этом мире уголков, окон, дверей, ключиков. Складских помещений. Это потрясающий мир, у нас очень смутное представление о нем. В книге «Цинковые мальчики» солдат, вернувшийся из Афганистана, так об этом говорит: «Когда у меня родился ребенок, я так нюхал эти пеленки... Так бежал домой, чтобы услышать этот запах. Это был запах счастья».

Это так важно. Нам надо перебить запах смерти, среди которого мы выросли.

Но я не люблю, когда слышу: вы мужественная, на вашем месте... Когда у меня от рака умирала сестра в тридцать пять лет, и я ближе познакомилась с хирургами-онкологами, то навсегда освободилась от всякой своей особенности. Попробуйте ребенку сказать, что он смертельно болен... попробуйте это сказать его матери! Просто у нас профессия с повышенной долей риска... И я – не герой! В том же Афганистане, куда я поехала и откуда вернулась абсолютно свободным человеком, был случай, когда я пошла с нашей делегацией раздавать игрушки и вещи в наш госпиталь. Идет мне навстречу молодая афганка с ребенком на руках, я отдаю ему плюшевого

мишку, он берет его зубами. Спрашиваю: «Почему зубами?» Женщина сдергивает с него одеяльце и я вижу – ребенок без рук и без ног. «Это твои... русские сделали...» - кричит она. И я... Я падаю в обморок... Или когда наших ребят ложками сгребали с брони, чтобы хоть что-то родное положить вместе с землей в гробы, которые отвезут их матерям... Да, я могу это без конца продолжать... Как одна из матерей уже в Минске стучала в беспамятстве в цинковый гроб: «Ты ли там, сынок? Ты ли там, сынок? Гроб такой маленький, а ты был под два метра...» Когда ее познакомили со мной, она, захлебываясь слезами, выла, именно выла, а не плакала: «Напишите правду... Их даже стрелять не научили, а отправили на войну. Он не в тир ходил, а дачу генералу ремонтировал. И его «отстреляли в первый же месяц, как куропатку...» И я это написала... и меня судили за эту книгу, что я «оклеветала» советских героев. Как будто не было одного миллиона афганцев. Я прихожу в суд... и кого я там вижу среди тех, кто подал иск? Я вижу там эту мать... Спрашиваю у нее: «А вы почему тут? Я написала правду, о которой вы говорили...» Она мне отвечает ... как зомби... «Мне не нужна твоя правда, мне нужен «сын-герой». Это самое страшное для художника. Конфликт с властью ... с царем... он был всегда, художник к нему не готов. А что сказать этой матери? Даже смерть сына не открыла ей глаза...не сделала свободной...

-А с каким чувством вы живете сегодня?

- Да я вот уже час вам об этом рассказываю. Дописываю книгу «Время sekond hand (история красного человека)»

Что с нами произошло за эти двадцать лет, когда кончилась красная цивилизация. Мы в постсоветском пространстве... Перескажу слова художника Ильи Кабакова, которые люблю: раньше мы боролись с чудовищем, веря, что все изменится, когда мы его победим. Мы победили чудовище – оглянулись, а надо жить с крысами, то есть вместо одного монстра, вылезли полчища монстров. И жить мы с ними не умеем. Вместо идеи теперь говорят о долларе... о «мерседесе»... Не стыдно стало хвастаться (русский олигарх), что у него позолоченный унитаз. И никто не скажет вслух, что это

стыдно. Что стыдно молчать, когда президент, как председатель захудалого колхоза, орет и унижает принародно премьера... и говорит «я построил», «я купил»...

Когда приезжаешь в Беларусь, ощущение такое, что было путешествие на машине времени. Русская элита тоже не осмыслила происходящее, а мы и подавно. Ничего нового не появилось. Только лозунги времен «старой» «Нашай нівы». Ни новой упаковки, ни новых подходов. На митинги оппозиции ходят одни и те же люди (как правило, активисты), и их количество не растет. Культ потребления... страна превратилась в желудок. Сегодня можно заработать. В той же деревне держать по несколько свиней или коров. Думали, что люди бросятся учиться свободе, а они бросились жить. Вульгарный период. Все хотят все попробовать: евроремонт, путешествия в пляжное зарубежье и т.д. Недавно была в одном строительном магазине, а там работает мой знакомый. Он рассказывал, что они открыты даже по выходным дням. Люди сегодня не на площадях, а в строительных магазинах. Помните 90-е... люди ходили по магазинам, как по театрам. Новая одежда... еда... вещи... Я наблюдала такую картину: одна женщина вышла ошеломленная на улицу: гранату бы сюда. Логика проста – она купить не может, а хочется. Агрессия вечной жертвы.

Лукашенко – более сложная фигура, чем некоторые думают. Он действительно остановил время... а наша нация крестьянская, она боится перемен. Нас ждут трудные времена, как у тех, кто опоздал в истории. Но я – не политик, я – художник... Летописец... Я стараюсь честно писать время...

Материал подготовлен 23 октября 2007 года.

Марина БОГДАНОВИЧ

Ее знают как одну из самых яростных и искренних оппозиционерок, но наш разговор с Мариной Богданович не об этом. «Спидинфо», наверняка бы, сказал, что о сексе. Я же хочу сказать более деликатно - о любви.

- В чем суть женского счастья?

- А разве может счастье быть женским или мужским?

Для меня счастье, когда не болеют близкие, когда я понимаю, как могу, мягко направляя, помочь своим детям развить способности. В том, что умею держать удар, не терять чувство собственного достоинства. В любимых книгах, хорошей музыке. Счастье получать результат в работе, особенно когда он достигается за счет интеллектуального превосходства, самоорганизации, умения мотивировать людей. Счастье, это то, что я каждое утро просыпаюсь с радостью, улыбаюсь. Иногда на улице могу попрыгать на одной ноге, часто мурлыкаю что-то себе под нос. Счастье, что люблю жизнь и все, что она посылает мне принимаю с благодарностью. Счастье, что научилась прощать. Что немного умнею, хотя и переживаю, когда обо мне говорят люди, которые ничего не знают. Но, судя по растущему качеству врагов, начинаю что-то в этой жизни делать осмысленно, не обращая внимания на мнение авторитетов. Счастье, что Бог дал сил и разума не сломаться, когда было трудно и тяжело. Выстоять самой во всех ситуациях, вырастить и воспитать детей.

А вот для моей дочери Маши счастье - это когда мама дома, мы вместе читаем книги или смотрим, обнявшись, телевизор.

Счастье – это своеобразная мозаика. Помнишь, в нашем детстве были такие трубочки -калейдоскоп: смотришь, вертишь, складываются разные узоры.

Для кого-то с годами они стали картонками с насыпанными цветными стеклышками, а для меня это невообразимо красивые узоры, которые складываются из множества бриллиантиков, кристалликов необыкновенной чистоты. Я до сих пор отношусь так же радостно и

искренно к жизни, точно знаю и всегда верю, что следующий поворот трубочки сложит узор еще красивее.

Мой детский интерес сохранился.

- Насколько я помню, у вас двое детей...

- Совершенно верно.

Сыну Паше уже двадцать один год, дочери - десять.

Они у меня абсолютно разные.

Причем все люди, которые меня давно знают, в курсе, что я специально выходила второй раз замуж, чтобы родилась дочь.

Наверно потому, что мой папа эстонец, а эстонцы сохранили особое отношение к дому, традициям. Для меня мое жилище, мои близкие очень важны, ведь я стержень семьи, ее мозг, хранительница семейного очага.

Но при этом запросто могу управлять коллективом в 500 человек. Руководить избирательной кампанией республиканского уровня, оставаться спокойной в любой, самой опасной ситуации, играть на фортепиано, любить оперу, читать книги по философии, проводить пресс-конференции, требовать и заставлять подчиняться очень жестких и важных мужчин. При этом следует помнить, что я хорошо умею готовить курицу, печь печенье.

Прочие дела этому не мешают, жаль только времени на все катастрофически не хватает.

Вот сегодня я пришла в партийный офис и рассказываю, что вчера, когда меня в очередной раз забирал ОМОН, звонила дочь, у нее какие-то проблемы. Я, естественно, предложила поговорить об этом позже. Прихожу домой - дочь заплаканная, она натерла ногу, а я с ней не стала разговаривать. Переживаю из-за этого.

- Если можно, насчет количества браков, пожалуйста, подробнее...

- Я выросла в обычной советской семье, где были четкие моральные устои. Если ты влюбляешься и хочешь заниматься сексом, то должен быть штамп в паспорте. Обязательно.

Я была студенткой политехнического института. Меня туда отправили «присматривать» за старшим братом, который был уже на пятом курсе. Как он мне однажды сказал: ты выглядела такой недотрогой, что к тебе было страшно подходить.

Но в реальности все было не совсем так. Со стороны сильного пола была куча знаков внимания. А если вспомнить, что на втором курсе участвовала в показах моделей, то поклонников более чем хватало.

На третьем курсе вышла замуж. Через год у меня родился сын.

Представьте: я студентка дневного отделения, маленький ребенок, муж Игорь (тоже студент), плюс по ночам подрабатываю санитаркой.

Мы поехали с мужем вместе по моему распределению и вскоре расстались. Я всю свою жизнь ставлю себе высокую планку, расту, развиваюсь и не приветствую, когда человек рядом с тобой остается на одном и том же уровне. Разводились фундаментально, с третьего раза. На развод подавала я.

Сейчас понимаю, каким это было для него оскорблением, ибо мужчинам особенно больно, когда их оставляют женщины. Причем уходят не к другому мужчине, а предпочитают остаться одной. Слава Богу у него потом было все хорошо. С тех пор он со мной не разговаривает. Говорят, что ненавидят те, кто любит до сих пор.

И еще один мой принцип: я уйду от мужей, ничего из совместного нажитого не забрав, только самое для меня ценное - детей. И еще ни разу не пожалела, что так уходила.

Безусловно, в моей личной жизни есть много тайн.

...Тогда мне было всего двадцать пять лет. Молодая красивая женщина с высшим образованием. Была депутатом городского Совета, членом президиума.

То есть постоянно находилась на виду. Compliments, цветы, знаки внимания. Конечно же, принимала их с радостью, но сердце занял только один мужчина. Причем так надолго, что ни 10 ни 15 лет наших сложных отношений не унесли чувства. Я благодарна Богу за то, что смогла испытать настоящую любовь.

Наверное, поэтому не увела его из семьи. Не захотела делать несчастной другую женщину. Это было бы нечестно, хотя бы потому, что я была моложе ее на 15 лет. И могла еще раз устроить свою личную жизнь. А она, привыкшая к комфорту жизни за мужем, большим начальником, - нет.

Я никогда не уступаю сильному. Независимо от того, кто это - президент, омоновец или бандит. Но многое прощаю и могу уступить тем, кто слабее меня. Пытаюсь сбежать от любви и, наверное, от себя, вышла второй раз замуж.

Второй муж был моложе на восемь лет. Двухметровый красавец. Владимир прекрасно рисует, из очень хорошей семьи.

Два года он меня встречал с работы и провожал домой. В два часа ночи топал через весь город. Это не «серенады под луной», это поступки.

Мы замечательно прожили около пяти лет, но на большее меня не хватило.

Когда дочери было четыре месяца, стала предпринимателем, пошла на рынок торговать, кормить семью. Через два года решила получить второе высшее образование. Второй развод – мое решение, я опять ушла. Почти 10 лет мой второй муж ждет, что я к нему вернусь.

...В этом году я работала на выборах в России. Работа требовала максимальной сосредоточенности, из подчиненных нужно было выжать максимальный результат. И я его получила.

Даже когда меня забирает ОМОН, я думаю о дезодоранте и пилочке для ногтей в моей сумочке. Я понимаю, что меня могут избить, но считаю, что опускаться до плохого внешнего вида просто не имею права.

- Уверен, что они тоже понимают, что вы не только оппозиционерка...

- На тех, кто с другой стороны, я смотрю спокойно и всегда придерживаюсь точки зрения, что они такие же люди, как и те, ради которых я выхожу на площадь, организовываю митинг, протестую.

Те, кто с нами борется, - все разные.

Часть из них считают себя патриотами, которые защищают страну от американцев, желающих «поставить Беларусь на колени».

Другие - совершенно адекватные люди. Они улыбаются, когда я шучу, реагируют на мои слова и поступки. И да простят меня феминистки, часто в отношениях с силовиками я пользуюсь тем, что женщина.

Даже если меня задержали и выпускают из милицейского уазика, то всегда жду, когда откроют дверь, подадут руку.

Кстати, часто я заставляю вспомнить о мужской сущности и многих коллег-оппозиционеров.

- Получается?

- Безусловно.

Некоторые говорят, что не могут на меня реагировать только как на соратника в политической борьбе. Мне нравится, когда мне целуют руку, и не нравится, когда говорят: «Мужественная женщина Марина Богданович... Мужчина в юбке...»

- Извините за вопрос. А как насчет романов в данный момент?

- Все нормально.

Только нужно учесть, что я принципиально против каких-либо отношений на работе.

Последний мой роман связан с хорошим человеком. Он финансовый директор крупной канадской компании, сейчас живет и работает в Москве.

Ждал, пока закончится моя работа на выборах, и сделал предложение. Я приехала в Москву. Замечательно там прожила три дня, а потом вернулась в «проблемную» Беларусь, где многие мои коллеги были арестованы.

Так наши отношения прекратились. Жаль. Каждое утро он звонил, специально для меня подносил трубку к музыкальному центру, где звучали мои любимые мелодии. Телефонные звонки, подарки, цветы и музыка. Очень достойный уважения человек с интересным кругом общения, лично знаком со многими мировыми музыкантами, с обожаемым мной Джо Кокером.

- И вы от всего этого отказались?

- Да. Нормальные женщины меня просто не понимают.

- Если можно еще раз, пожалуйста, сформулируйте, зачем вы пришли в политику?

- Сложно ответить коротко. Часто труднее самому себе объяснить, почему поступаешь нелогично, выбирая дорогу, которая труднее.

Мой путь в политику - с самого детства, играя с мальчишками в войну, была смелой и бесстрашно дралась, защищая своих.

В школе, в ситуациях, когда возникали конфликты и обижали слабых (сейчас бы сказали «не крутых»), всегда становилась на их сторону.

Не помню, где прочла о том, что самая лучшая хитрость – не пользоваться хитростью. А жить по своему моральному закону: помогать другим, не причинять зла. Ведь те, кто следует этому без притворства и ухищрений, живу гораздо счастливее, чем те, кто достигает успеха вследствие невежества других.

В нашем обществе власть десятилетиями держалась на пассивности и отстраненности людей от участия в политической, общественной жизни. Кровью, жизнью близких, поломанными судьбами нас заставили быть равнодушными, истребили во многих сострадание, соучастие к окружающим. Заставили принять как данность то, что все решения власти можно только «одобрять». Что поощряется только отсутствие собственной позиции, что за нее бьют, лишают карьерного роста, круга общения. Поэтому в политику шли или согласованные, с хорошей биографией карьеристы, либо люди, лишённые принципов, желающие прожить за счет других.

В 1991-м в политику пришли «безбашенные». Я одна из них. Наивно предполагала, что наступили перемены. А это был лишь передел власти.

Став молодым депутатом городского Совета, долго не понимала, что от меня нужно только лишь симпатичное личико да соглашательская позиция.

Бумеранг отсутствия гражданского общества, «советского одобряем-о» настиг меня и в оппозиции. Мои принципы, собственная, отличная от других позиция принесла результат. Одно знаю точно. Являясь непосредственным участником событий в Беларуси, Приднестровье, Молдавии, Казахстане, России, Азербайджане, участвовать в переделе собственности в пользу власти желающих, путем революций, крови и гибели людей – не хочу. Поэтому и главной виной правителей всех постсоветских режимов считаю отсутствие системной работы по созданию условий для развития у людей ответственности за свою жизнь, жизнь в собственном доме, городе, стране. За желание собственной власти, объясняемое «добрыми намерениями».

Теми намерениями, которые в конечном итоге приведут к разного цвета революциям. Революциям, которые во все времена человеческой истории приносили кровь, боль и слезы.

Материал записан 24 мая 2005 года.

www.kamunikat.org

Наталья ГАЙДА

Меньше всего хочется кого-то обидеть, ибо на белорусской сцене немало тех, кто хорошо поет, а восприятие творчества, как известно, является делом субъективным. Но здесь вряд ли кто-то будет спорить. Приношу извинения за банальность, Гайда есть Гайда. Впрочем, наш разговор с народной артисткой республики больше не о творчестве, а о жизни.

- Женщин всегда сложно спрашивать о дате рождения...

- Я этого совсем не скрываю. 1 мая 1939 года. Свердловск, нынешний Екатеринбург, столица Урала. Родилась в Международный день солидарности трудящихся и всегда с удовольствием его отмечала.

Естественно, папа ушел на фронт. Мама, Ксения Исидоровна, училась в Уральской консерватории, но ей пришлось учебу бросить - ребенок все-таки. Она работала в местной филармонии, а в 1944 году, когда появилась возможность отправить меня к бабушке, так и поступила. Мое детство прошло в Казахстане, точнее в Семипалатинске.

Папу звали Виктор Францевич Гайда. Мой дедушка оказался в России во время первой мировой войны. Он по национальности мадьяр. Наша фамилия полувенгерская-получешская. Родился в Будапеште. К русским попал в плен, вступил в партию большевиков. Он был совершенно потрясающим закройщиком обуви. Как рассказывал дедушка, в семье он был семнадцатым ребенком и не хотел учиться. Тогда родители предложили освоить ремесла. В Семипалатинске дедушка работал в артели «Обувь», был стахановцем. Помню газетную вырезку, где писалось, что Франц Иванович Гайда имеет производственный стаж 38 лет и выполняет план на 150-170 процентов. Это русский вариант его имени-отчества. На самом деле дедушку звали Ференц Иохан Гайда.

После войны, в 1946 году, родился брат Константин. Я довоенная, он послевоенный.

С фронта папа вернулся с двумя ранениями, но слава Богу живой. Он был геологом, работал в Караганде, потом раны дали о себе знать и папа перебрался в Семипалатинск заместителем директора геолого-разведочного техникума. В Семипалатинске я проучилась почти до десятого класса, когда отца перевели в Иркутск. Там получила среднее образование и дважды ездила поступать в Москву. Столица меня «не признала». Посмотрела по справочнику. В Свердловске были консерватория и юридический институт. Решила пойти в юридический. С надеждой, что когда-нибудь поступлю в консерваторию.

- Вас довольно сложно представить юристом...

- В Москве я поступала на вокальный факультет консерватории и отделение музыкальной комедии ГИТИСа. Было сложно. Шесть суток в поезде, приезжаешь и сразу должна «прослушаться». Но еще сложнее было от того, что очень талантливых людей с периферии, я не говорю о себе, просто не брали. Создавалось впечатление, что предпочтение отдавалось москвичам. И это не случайно. Они приходили нарядные, хорошо подготовленные. У меня в душе остался осадок какой-то несправедливости. К тому же на юрфак поступала подружка Вика, которая призвала вместе бороться со злом.

Потому я и решила посвятить себя юриспруденции.

Таких вузов в СССР было всего лишь три. Туда брали только по рекомендации райкомов партии, то есть людей уже поработавших на солидных должностях.

Для таких, как я, было вечернее отделение. Первую сессию сдала на отлично, и в Москву отправили просьбу о моем переводе на дневной стационар. Пришел положительный ответ, но оговаривалось, что я должна успешно сдать весеннюю сессию. Сдала ее на все пятерки.

Со второго курса уже училась на основном факультете. Много выступала в самодеятельности. Там меня заметили, и уже через год была на вечернем отделении оперного пения Свердловской консерватории. Утром и днем училась «на юриста», а по вечерам - «на певицу».

После окончания юридического института около года поработала юрисконсультантом в областном отделении связи.

Тогда в консерватории мне сказали: если хочешь заниматься серьезно, бросай все. Так и поступила. В консерватории, начиная с четвертого курса, меня тоже перевели на стационар. Вскоре стала солисткой Свердловского оперного театра. И с этой минуты моя судьба связана только с пением. Местный театр музыкальной комедии тоже дважды приглашал, но не вышло.

В консерватории вышла замуж. Муж Юрий Бастриков – народный артист Беларуси. В 1965-м нас почти одновременно пригласили солистами в Государственный театр оперы и балета Свердловска, где проработали четыре года. А в 1969 году ГАБТ (Государственный академический Большой театр) Беларуси объявил конкурс на баритона. Муж его выиграл. Так я оказалась в Минске, как приложение к нему. Успела спеть только в «Богеме» Мюзету, а также Франкиту в «Кармен», и меня сразу же пригласила Свердловская киностудия, где снимали телевизионный художественный фильм по оперетте Оффенбаха «Званный вечер с итальянцами». Я уехала сниматься.

А когда вернулась, уже было подписано распоряжение о создании в Минске Театра музыкальной комедии, куда меня и пригласили.

- Ходили слухи, что его «создали под Гайдю»...

- Это только приятный комплимент, и не более. Тогда я сказала мужу – судьба. С моим «легким» голосом для самовыражения в опере возможностей мало. А в музыкальной комедии много всего, в чем можно выразить себя помимо пения, там больше драматургии, танца, пластики. Когда муж побывал на первом спектакле, он резюмировал: «Это твое!»

В театре музыкальной комедии уже пою 36 лет. Если же брать вообще сценическую работу, то в следующем году будет «золотой» юбилей – 50 лет на сцене. Ровно столько будет первой записи в моей трудовой книжке, которая гласит, что я являюсь солисткой эстрадного оркестра.

- Дочь тоже пошла по вашим стопам?

- Нет.

Она очень одаренная, окончила школу с золотой медалью. Но особой тяги к чему-то конкретно не было. Дочь не знала, куда поступать. Спросила у меня совета. Я ответила, что если пока есть сомнения, лучше всего пойти поработать. Настя послушалась. Через полгода она сказала о музыкально-педагогическом институте.

После него одиннадцать лет отработала в школе и гимназии, хотя ей и предлагали остаться в институте. Сейчас учится в аспирантуре. Есть внучка, ждем внука. Именно внука, ибо это уже сказали доктора.

У меня к счастью или к сожалению только один ребенок.

- Почему «к счастью или к сожалению»?

- По многим причинам. В первую очередь здоровье. Врачи запретили больше рожать.

Несмотря на то, что у меня Настя только одна, все время ощущаю свою вину перед дочерью.

Слишком мало уделяла ей времени и внимания. Бывало так, что я ее просто не видела бодрствующей. Когда уходила в театр, она уже убежала в школу, а когда поздно вечером заканчивался спектакль, дочь спала. По утрам муж вставал и готовил ей завтрак. Меня берег.

Условия выживания у дочери вообще были спартанскими. С двух с половиной лет мы оставляли ее одну дома, ибо были вынуждены идти в свои театры. На циферблате часов показывали, что, когда нужно делать, прятали спички повыше и уходили.

...До девяти лет нашу внучку муж не оставлял одну дома, а на мои напоминания про дочь говорил – тогда время было другое. Внучку зовут Арина, она занимается тэйквандо. Ей тринадцать лет. В момент нашего разговора она возвращается из Германии, где были соревнования. Везет золото, выиграла все три боя. Молодец! Хорошая девочка!

Зять Дима, папа Арины, из семьи военных. Он окончил наше суворовское училище, а до этого учился с Настей в одной школе. В 6-7 классах у них был роман. После восьмого поступил в суворовское, а потом уехал в Киев в военное училище. Через несколько лет Дима старшим лейтенантом приехал служить в Минск, и они поженились. Вскоре в звании капитана он уволился в

запас. Работал в фирме, которая занимается связью, у него золотые руки.

- Ваше понимание счастья?

- Счастье - это что-то непостоянное. Например, мгновения творческого или эмоционального подъема. Это, если говорить о некоем контрасте и делить все на абсолютные противоположности, типа черное и белое.

Если же говорить о жизненном процессе вообще, то, на мой взгляд, это благополучие, здоровье твое и твоих близких.

Счастье – это любовь. Любить и быть любимым.

- Предлагаю немного заняться арифметикой. Вы когда-нибудь считали, сколько спели ролей?

- Да. Больше сотни.

Спектаклей было гораздо больше, ибо некоторые из них идут много лет, а то и десятилетий. Их, при необходимости, можно сосчитать. Дело в том, что у меня есть подаренная мамой книжечка в бархатном переплете, где фиксируется все от первого дня поступления в театр и до сегодняшнего момента.

Естественно, там нет моих концертных выступлений, а их было немало. Особенно много в советское время. Тогда помимо непосредственной работы в театре у меня были плановые сольные выступления. Сначала это были отделения в концертах, потом отдельные концерты. Я тогда много гастролировала. Часто сотрудничала с филармонией. Иногда с эстрадными бригадами ездила по всему Союзу. Довелось даже побывать на Камчатке и Сахалине. Время тогда было очень интересное. Сейчас, к сожалению, такого нет. Такое ощущение, что это никому не нужно.

Тогда мы занимались приобщением к классическому искусству, прежде всего, детей.

Сейчас доминирует лишь эстрада, которую большинство людей видят по телевизору и слышат по радио, особенно в сельской местности. Увы, классики там почти нет. Растет поколение, которое с детства с ней не знакомо, а это очень грустно.

- Вы - русская. Трудностей с белорусским языком не было?

- Никаких. Я и сейчас в театре Янки Купалы играю именно на белорусском языке.

Я приехала в Беларусь в 1969-м, а в 1973-м уже играла Павлинку.

- С женщинами, повторюсь, не принято говорить о возрасте, потому сразу приношу извинения. Хотелось бы узнать, как вы отнеслись к тому, что стали пенсионеркой?

- Должна отметить, что пережила некий социальный переход совершенно спокойно. Более того, я к нему готовилась и сама отказалась от «молодых героинь». На художественном совете тогда меня не поняли и даже сказали, что это «капризы примадонны», но я проявила настойчивость.

- Вы застали переход от советского к суверенному. Для многих он был болезненным...

- Для нашего театра нет. В названии есть слово «государственный». Раньше статус театра был общереспубликанским, теперь нас передали на баланс Мингорисполкома. Материально мы не потеряли. Поддержка театру оказывается достойная, имею в виду закупки театрального реквизита, инструментов и т.п. Нам даже завидуют.

- Некоторые считают, что изменился зритель?

- Вообще все в жизни меняется. И мы, и художественные взгляды, и пристрастия. Зритель разный и наша задача – удивить и увлечь каждого.

Материал подготовлен 23 декабря 2006 года.

Ирина ГРУШЕВАЯ

Я умышленно почти не стал ее спрашивать про черныбыльские и социальные программы, ибо это очень большая тема, а Ирина Грушевая, наверное, занимается ею вместе со своим мужем Геннадием дольше всех в стране - почти 20 лет. Одних только детей на оздоровление за рубеж они за эти годы отправили более полумиллиона. Не будет преувеличением сказать, что благотворительность давно уже стала одной из основных черт ее характера. О том, как и почему все произошло, рассказано в этом интервью.

- Я родилась 1 сентября 1948 года в Симферополе. Ириной назвали, потому что в переводе это означает «мир». А еще у меня есть сестричка Люся, Людмила Львовна, которая родилась в 1943-м в Сибири, где лежал в госпитале мой отец Лев Михайлович после тяжелого ранения, полученного в первые дни войны. История нашей семьи типична для XX века, когда на протяжении 100 лет судьба бросала людей с места на место. Маму звали Клара Карловна. Ее семья из-под Риги. В начале прошлого века по стальной реформе всю их деревню переселили в Сибирь, в Большеулуйский район Кемеровской области. Условий никаких, другой климат. Потом город переименовали в Сталинск, затем опять в Кемерово. Мама родилась в Кемерово, а сестра в Сталинске, что по сути одно и то же. Под Кемерово была целая латышская деревня Кандата. В нашем доме говорили по-латышски, но мы дети, кроме нескольких слов и двух песенок, к сожалению, ничего не запомнили. Мое желание понимать и говорить на других языках, наверное, отсюда. К слову, перед войной мама попала под сталинские репрессии, так как была дочерью врага народа. Ее отца за латышское происхождение отправили в лагерь и казнили. С отчимом произошло то же самое. Она иногда вспоминала, как в те годы приходили из НКВД и искали у латышей какие-то богатства, хотя жили все впроголодь. На всю жизнь ей запомнилось, как тогда она утаскивала у деда немного муки, разбавляла ее водой и

лепешку приклеивала к «буржуйке». До самой смерти вспоминала, что ничего более сладкого в своей жизни не ела. Потом жила в Крыму, где почти не растет рожь и пшеница. Приезжая в Минск, она не могла надышаться запахом свежего хлеба. Он для нее был самым святым деликатесом. Не надо много рассказывать про украинский голодомор. Достаточно лишь представить эту картину.

У отца совсем другая история. Он родился в Беларуси, где-то в районе Калинковичей. Его папу в 1918 году расстреляли белогвардейцы, за то что тот был председателем Реввоенсовета. Осталось семеро детей. Отца определили в детдом. Каким-то образом он попал в Крым. И там рос вместе с другими детьми. Одного его друга помню очень хорошо. Его звали Колька Мокроусов. По смешному стечению обстоятельств их детдом был именно на улице Мокроусова. После детдома отца вместе с Колькой Мокроусовым направили в Ленинград в речное училище. Но это были настоящие романтики, по рекам плавать не хотелось. Они поехали гораздо дальше, в Мурманск, и устроились работать на траулер. Четыре года отец рыбачил в Баренцевом море. Никаких связей с родными не было. Они восстановились лишь спустя долгое время.

За полгода до начала войны отца призвали в армию. И несколько месяцев по ночам перебрасывали в Беларусь. Война застала в районе Бреста. С боями они отступали. Отец получил медаль «За отвагу». Редкий случай, это солдатская награда, а он был офицером. В октябре отца ранило в грудь. Уже лежал снег. Пуля прошла через легкое и застряла в средостении. Его отправили в госпиталь в тыл. Мама в первые дни войны окончила медучилище. Она мечтала стать учительницей, но ей, как дочери врага народа, поступать в вуз не разрешали. Отправили на фронт, но по дороге всю группу забрали в госпиталь, развернутый в Кемеровской области. В этом госпитале отец маму и высмотрел.

Извлекать пулю медики не стали. Специально приехавший для этих целей профессор ему так и сказал: если хочешь жить, живи с пулей в груди. Прожил с ней еще тридцать лет, и она же его, в конце концов, убила. Пуля закапсулировалась, немного двигалась, была видна на всех снимках. Когда уровень развития медицины уже

позволял ее извлечь, операция была невозможна. Отец перенес два инфаркта. Сердце не выдержало бы анестезии. Последние одиннадцать лет он был прикован к постели. Каждый день мама ему буквально дарила. Всю жизнь она пробыла медсестрой. И на работе в менингитном отделении, и дома. После войны родители переехали в Симферополь. Крымский климат был для отца лучше сибирского. Он был верующим коммунистом.

- Не понял?

- В смысле - идейным. Верил в идеалы коммунизма. В социальном плане был абсолютно неприспособленным. Сегодня я понимаю, что это результат пребывания в детском доме. Бабушка все время обвиняла его в неумении жить. Мы жили на окраине Симферополя, в хибарке. Двенадцать квадратных метров. Пять человек. Условия были нищенскими, а рядом всюду росли нормальные каменные дома. Отец ходил в военкомат. Там ему советовали подыскать себе ничье жилье, которого после войны было немало. Он так и делал. Но каждый раз оказывалось, что кто-то туда въезжал раньше нас. То есть отец находил, а вселялись те, кто был попроворнее и имел нужные знакомства. Отец был открытым, искренним и честным, а многие вокруг жили совсем по другим правилам. Наверное, что-то в моем характере от него. Уже в седьмом классе организовала группу девочек, которая была чем-то вроде тимуровской команды. Мы нашли семью старого беспомощного художника, который вместе с женой доживал свой век. Копали огород, я читала ему книжки. То есть уже тогда было какое-то желание помогать другим. Помню, на моем письменном столе слова со словами «Трудно тебе - помоги другому» и «Человек, помогай себе сам!». Так через всю жизнь и несу эти истины. Признаюсь, не всегда получается самой себе помогать. Тогда узнаешь, что есть друзья. Родные и любимые. Тогда понимаешь, что благотворительность - это как эстафетная палочка, которую надо передать. Состояние благодарности побуждает тебя тоже передавать эту энергию любви дальше - другим. И в них тот же зажигается огонь. Я многих таких «огненных» людей встречала. Очень не хотела быть педагогом, но стала. После минского иняза.

- Почему не крымский?

- Он, кстати, находился в нескольких сотнях метров от нашего дома. Выбор Минска был случаен и не случаен. Училась в школе хорошо. В девятом классе стала участницей движения, которое было внутри комсомола, но боролось с его бюрократизацией и формализмом. В некотором смысле это отзвук молодежных движений на Западе, пытавшихся старые «запылившиеся» модели жизни общества заменить более живыми, подвижными. В 1968 году там это действительно привело к серьезным демократическим переменам. Возникновению коммунаровских отрядов способствовала хрущевская оттепель. Они появились по всему Советскому Союзу.

В наш отряд входили ученики девярых, десятых и одиннадцатых классов. У отряда был девиз – «Наша цель – счастье людей. Мы победим, иначе быть не может!». Этаким коммунистический романтизм. Все шло от души, не по указке сверху. 1962 год. Директор школы многое нам разрешал, даже собираться в подвале. Мы там разрисовали альбами парусами (как в известной повести А.Грина) все стены, пели песни под гитару, девчонки мечтали о принцах и капитанах кораблей. Но этим все далеко не ограничивалось. Мы занимались конкретными делами. Например, у нас была операция «РА», то есть радость людям. Суть вот в чем. Заранее договаривались с каким-нибудь детским садом. Приходили туда ночью и из снега лепили разные фигуры, обливали их водой, а утром дети широко раскрывали рты и глаза от удивления. Или ходили в госпиталь, выступали перед солдатиками с концертами. Ездили в деревню Зуя, что в 18 километрах от Симферополя, и там работали на виноградниках. Сами организовали этакий лагерь труда и отдыха. Сегодня в Беларуси просто немислимо, чтобы школьники нечто делали без учителей.

Так мы продержались два года. Как раз до начала брежневской стагнации. Когда я заканчивала школу, коммунаровского отряда уже не было. В одиннадцатом классе заболела. Так странно, что ни один врач не мог поставить диагноз. У меня начались очень сильные постоянные головные боли. Круглые сутки. Мне было шестнадцать лет. Положили в одну больницу, в другую.

Приходили друзья, навещали, я пыталась учиться. На всякий случай удалили миндалины. Головная боль меня измучила. У нее даже цвет был - зелёный. А весь тот год был каким-то серым и проходил под знаком болезни. Когда в очередной раз меня выписали из больницы, то «от бабды» написали - водянка головного мозга. Я взяла медицинскую энциклопедию и прочла, что с таким диагнозом живут не дольше восемнадцати лет. Никаким смертельным холодом на меня не повеяло.

Моя мама была мудрым человеком и ко всему относилась спокойно. Например, в детстве я была очень маленькая и совсем не росла. Мама даже думала, что я лилипутка, но водить по врачам и заставлять принимать какие-то гормоны не стала. Это было до восьмого класса. Потом за одно лето выросла на целых двадцать сантиметров. Сейчас считаю если не среднего роста, то что-то вроде этого. Точно так же было и с этим страшным диагнозом. Можно спорить, насколько правильна такая модель поведения, но в моем случае она была верной. Не было заиканности на болезни. Мама просто выбросила эпикриз.

Медики решили, что мне нельзя заниматься умственной работой и, значит, куда-либо поступать вообще. Школьный аттестат выдали по итогам года, без привычных экзаменов. Естественно, во все близкие вузы мне путь был закрыт. Я хотела стать психологом, но таких факультетов было на весь СССР только два, в Москве и Ленинграде (так тогда назывался Санкт-Петербург). Конкурс там был совершенно сумасшедший. Я решила не рисковать, но непременно стать студенткой, даже если отведено жить всего несколько лет. Именно в тот год вступительные экзамены у будущих психологов появились по математике, физике, химии, где я была не сильна. Хорошо шел немецкий язык, а тут как раз по телевизору показали Минский институт иностранных языков. Туда и решила ехать, хотя рядом был свой. Романтика.

Надо отдать должное моим родителям, которые разрешили поступление за тысячи километров от дома. К тому же больному ребенку. Даже не знаю, смогла бы я сделать что-то подобное. В Минск приехала вместе с сестрой. Голова болела так, что читать сама не могла.

Сестра читала, я слушала и писала. Набрала полупроходной балл и «пролетела». Еще одно неприятное совпадение - в тот год было два выпускных класса, десятые и одиннадцатые. Конкуренцию это увеличило значительно. Я приехала из другой республики, естественно, меня первую и пробросили. Отец тогда уже был прикован к постели и написал Машерову просьбу, где указал, что воевал именно за Беларусь. В итоге до первой сессии стала свободным слушателем, чтобы была возможность посещать лекции, а потом и студенткой. Разумеется, никакого общежития и стипендии не было. Жила сначала на вокзале. По ночам все время там ходил милиционер, смотрел, чтобы в зале никто не ночевал. Сломалась на третий день и на занятиях разрыдалась. Однокурсницы узнали от меня, в чем дело, и предложили тайно жить с ним в общежитии, спать на раскладушке. Так я узнала, что такое женская солидарность. Через несколько месяцев заселение разрешили официально. В Беларуси головные боли прошли. И с тех пор их не было. Наверное, была какая-то аллергия...

- Как вы познакомилась с Грушевым?

- Это судьба. Он учился в БГУ, на последнем курсе философского факультета. Мои подруги про него говорили так: симпатичный молодой человек с затуманенным философией взглядом. Он был самым молодым. Единственным студентом без трудового стажа, так как это было на их факультете обязательным условием. Сегодня я знаю, что он не мог не убедить приемную комиссию. Я только закончила с отличием и была оставлена на кафедре немецкого языка. Ближился Новый год. Девочки из комнаты общежития, где я раньше жила, хотели его встретить в компании с мальчиками, но никаких близких друзей у них не было. И здесь во мне сработали гены благотворительности, так как лично мне это абсолютно было не нужно. Поехала в общежитие БГУ к каким-то своим знакомым. Стали там все выяснять. Желающие нашлись. Один из них сказал, что захватит с собой друга. Это был Гена. В отличие от тех, кто поднимался на четвертый этаж по пожарной лестнице, он каким-то образом сумел убедить суровую вахтершу пропустить его к нам. Сидели на одном стуле, ели из одной тарелки. Судьба.

Расписались в октябре 1972 года. В следующем году родилась Марина. Еще через пять лет появился Максим. Чувствую себя виноватой перед детьми. Они были сиротами при живых родителях. Это моя самая большая боль. Появился «большой ребенок» по имени Чернобыль. В некотором смысле он нас «украл». Это не было выбором. Такое чувство, что за нас кто-то все решил.

- Может, это и стало счастьем?

- Ни в коем случае!

Состояние счастья - качество личности. Счастье не может возникнуть ниоткуда. Оно должно прийти из тебя. Себя считаю очень счастливым человеком. И должна отработать. Я заплатила за это высокую цену и знаю, что счастье - не сироп, не сладкий бисквитный торт. Это неведомая энергия, которая тебя питает, возвышает, мотивирует, заставляет идти дальше. И даже когда ты ее перестаешь ощущать, то все равно точно знаешь, что она есть, и стремишься ее вновь испытать. Счастье в тебе самом, словно какое-то семечко, которое в благоприятных условиях может прорасти. Иногда это просто глоток воды. Для птицы счастье - летать в облаках. Для крота - зарыться под землю. Для каждого оно свое. Каждый рожден быть счастливым. Для меня это резервуар энергии, где можно заряжаться и отдавать.

Материал записан 9 мая 2007 года.

Людмила ГРЯЗНОВА

Заместитель председателя Объединенной гражданской партии, создатель и руководитель неправительственной организации «Правозащитный альянс» Людмила Грязнова хорошо известна тем, кто занимается политикой. Однако этот ракурс несколько необычен для широкой публики.

- По месту рождения вы не минчанка?

- Совершенно верно. Я родилась 8 июня 1953 года в Дзержинском роддоме, наша семья жила километрах в двадцати от самого города, в деревне Путчино.

Папа, Прокопенко Николай Федорович, был директором машинно-тракторной станции. Мама, Камилия Каземировна, рожденная в семье житомирского поляка, работала тогда учителем математики в местной сельской школе. С детства помню дремучие леса, грибные места и земляничные поляны, рассказы о волках, которые подходили к самому забору. Потом семья жила в Фаниполе и Плещеницах. Более сознательные воспоминания уже связаны со Старобином.

- Ныне Солигорск?

- Не совсем так. Старобин остался. Солигорск – это построенный в советские времена калийный комбинат и вокруг него многоквартирные панельные и кирпичные дома. Поначалу полное отсутствие зелени, так как она там не росла. Соль.

В Старобине было иначе. Все жило. Река Случь, где дети с поздней весны до ранней осени купались. Парк над рекой, где люди без пьянок отдыхали, гуляли и танцевали. Название «Старобин» произошло от двух слов: «старый» и имени еврея «Бин». Евреев там когда-то было много, и какая-то часть их культуры усвоилась жителями поселка. Старобин – это и партизанский край. Помню, как вместе с другом нашей семьи Федором Алексеевичем Романцовым, тогда уже пенсионером, бывшим первым секретарем райкома партии, которого все сильно уважали и который рисовал картины, мы выехали солнечным утром в лес за грибами и ягодами. Он вышел из машины. Не спеша, не суетясь, вытащил мольберт и начал рисовать лесной

пейзаж. Мы стояли и смотрели словно зачарованные. Теперь подобное даже представить сложно. Первый секретарь райкома партии жил в обычном деревянном доме. Все стены были завешаны картинами, собственными и репродукциями любимого Шишкина. К слову, у нас до сих пор есть четыре подаренные им работы.

- Вы одна в семье? Если нет, то как сложились судьбы остальных детей?

- Одна моя младшая сестра Лена, с которой у нас разница год и восемь месяцев, уже давно живет в Америке. Она окончила весьма престижное философское отделение БГУ, куда набирали только 25 человек. После аспирантуры работала на кафедре философии. Считалась очень хорошим лектором. Была на стажировке в Японии. В совершенстве владеет английским, французским и немецким языками. По гранту ей предложили поработать в США. Оттуда не вернулась. Не вышла за кого-то замуж, а осталась работать. Не из тех женщин, которые видят смысл своей жизни только в замужестве. У нее характер очень сильного мужчины.

Еще одна сестра появилась на свет через восемь лет. Все мы очень хотели мальчика. Даже имя придумали – Сережа. Родилась девочка. Назвали Ириной. Ей, в отличие от нас, была определена чисто женская специальность товароведа. Поначалу все у нее было нормально. Потом грянула перестройка. Обувная база, где она работала, почти опустела. Мама по ночам занимала очереди в ЦУМе, где дежурил ОМОН и записывали номера на ладонях. Там что-то покупала. Ира ездила в Польшу на рынки. Таким образом, она смогла продержаться и «перепрыгнуть» в другой вариант экономики. Сейчас работает в хорошей коммерческой структуре. В нашей семье считается самой благополучной в материальном плане.

Все дочери разные, абсолютно непохожие друг на друга. Спартанский дух доминировал в семье. Только один штрих. Когда нам, старшим дочерям, было по четырнадцать-шестнадцать лет, иметь норковый воротничок на пальтишке считалось пределом мечтаний. На наши дни рождения мама предложила купить норки, чтобы сшить красивые пальто. Их у нас вообще не было, ходили и мерзли в болоньевых куртках. Вместо норок папа

нам купил... Полное собрание сочинений Ленина. Восприняли это вполне нормально, так как воспитывались не как все. Одежда была не на первом месте.

Я дважды выходила замуж. Неудачно. Сейчас чувствую себя намного лучше, чем тогда. Помню свои мечты о «принце», но реальность оказывалась другой, больше похожей на разбитые горшки. Мы тогда воспитывались так, что для девушки главное – выйти замуж. Муж должен был быть «каменной стеной», за которой ничего не страшно. Вообще представление о счастье меняется с течением жизни и общественными представлениями. Когда-то казалось, что счастье – это соответствие начертанным идеалам, т.е. быть отличницей в учебе и примерной девочкой в поведении. Шаг вправо или влево угрожал стабильности и благополучию. Потаенное, личное воспринималось как запретное и рискованное. Сегодня стало понятно, что надо больше прислушиваться к себе и исходить из собственных интересов, ради которых иногда стоит плыть против течения, наслаждаясь свободой и независимостью. Быть не как все – тоже удовольствие и ценность.

- Предлагаю опять немного вернуться в детство.

- В школу пошла в Старобине. Помню, свою первую учительницу. Мне всегда больше нравились математика и ... физкультура. Затем переехали в Слуцк. Пятый класс почти весь пропустила. В тот год что-то взорвалось в Полесье. Там были какие-то испытания. Заболела пневмонией, несколько раз лежала в районной больнице. У меня был так называемый астматический компонент. Если в квартире была какая-то пыль, то задыхалась. А пневмония появилась так - простыла, заболела, но скрывала от родителей. Районную больницу четко помню до сих пор. В одной палате лежали вместе мальчики и девочки, взрослые и дети. В соседней палате умирал десятилетний мальчик, который выпил предназначенное для коровы лекарство, и у него отказывали почки. Мы, дети, бегали смотреть в щелочку, как он умирает.

С 1965 года училась в «крутой» 42-й минской школе. Партийную номенклатуру переводили, также часто, как и военных. В Минске папа начал работать в Министерстве сельского хозяйства, а потом стал секретарем обкома

партии, где проработал 12 лет. Свою, как пишут в анкетах, трудовую деятельность он начинал в одной ремонтной мастерской, обнаружил там воровство, которое не стал скрывать. Его начали «двигать».

- Сейчас несколько иные критерии...

- Помню, когда он был первым секретарем райкома партии в Старобине, приезжал Машеров. Папа ему предложил переночевать у нас дома. Тот ответил – ни в коем случае. И поселился в хилой гостинице. Это такая большая комната, где стояло много-много кроватей и по случаю ночевали водители и трактористы. Туалет на улице. В таком гостиничном номере спал первый секретарь КПБ! Тогда начальники еще не знали роскоши.

После обкома отец возглавил НИИ, который занимался сельскохозяйственными проблемами. А после ухода на пенсию работал заведующим сектором. До последнего трагического дня, когда его сбила бронированная инкассаторская машина. Это было 24 декабря 2004 года. Вечером после защиты диссертации, где он был оппонентом, возвращался домой. Шел по дороге, так как сквер в то время ремонтировался. Внезапно вокруг пропало электричество. Смерть была мгновенной. Разрыв аорты. Судьба.

- Привычнее видеть женщин врачами, учителями. Почему экономиста?

- У нас был замечательный учитель Владимир Григорьевич Клебанов, который просто великолепно знал историю и вел обществоведение. Каким-то образом ему удавалось вдохнуть душу в этот мертвый предмет. Ученики смотрели ему в рот. Когда после школы, которая была закончена с медалью, передо мной стал вопрос, куда пойти учиться, то было несколько вариантов.

Архитектурный. Неплохо рисовала и чертила. Но на престижный факультет был высокий конкурс, и я немного струсила. Решила не рисковать. Выбрала политэкономия на историческом факультете БГУ. Профилирующей у нас была математика. Работу написала на отлично. Сразу же предложили перевести документы на новый факультет прикладной математики. Это польстило, но я опять решила не рисковать.

Вуз закончила с одной четверкой. Получила ее на госэкзамене по научному коммунизму. Автоматически это означало, что «красного» диплома не будет. Заведующий кафедрой предложил пересдать, но я отказалась. Уж больно не нравился предмет и то, как его читали.

Потом сразу же пошла в аспирантуру. На производстве сводить дебет с кредитом, бороться за выполнение планов – совершенно не мое. В аспирантуре поняла, что как такового предмета «политэкономия социализма» нет, но нужно было как-то защититься, что я и сделала. После аспирантуры читала капитализм, и ни одной лекции по социализму, только спецкурс по сравнительному анализу экономических систем.

- Известно, что вы десять месяцев были на стажировке в Венгрии?..

- Перестройка лично для меня началась в 1988 году, когда предложили поехать в Будапештский экономический университет. Там встретила с Анатолием Чубайсом. Стажировались вместе почти десять месяцев. Кроме нас были еще два молодых украинских экономиста. Только четверо, со всего Советского Союза. Накануне отъезда моей дочери исполнился год и четыре месяца. С ней осталась моя мама. В Будапеште мы увидели, что весь мир живет по-другому, и в Венгрии полным ходом идут экономические реформы. Никакого дефицита, в отличие от нашей страны.

В Венгрию нас послали для написания докторских диссертаций. Их не сделал никто.

Через несколько лет в Минске пошла в докторантуру, но тема была уже другой. В то время меня начали приглашать на разные женские конференции. Искала рациональное зерно в женских исследованиях, пыталась выстроить хоть какую-то теорию. Но наука не строилась, категориальный аппарат отсутствовал, и на научном совете так и сказала – предмета для исследований нет. Некоторые даже шептались: государство потратило деньги, а отдачи нет.

В политику ушла еще в Венгрии, поэтому, когда предложили стать кандидатом в депутаты, согласилась не колеблясь. Главным конкурентом был Олег Атрошенко, отец владельца фирмы «Серж», бывший коллега моего отца

и знакомый нашей семьи по общей служебной даче в Багуте.

- Вы сказали, что с мужьями не повезло?..

- К сожалению. Первого звали Юрий Владимирович Грязнов. Как Андропова. Он, кстати, и работал в КГБ. А познакомились мы студентами. Первый курс. Картошка. Едем в грузовой машине. Он сидит напротив.

Симпатичный молодой человек, на которого обращали внимание все девушки. Сердце ёкнуло. Смотрела только на него. Дружили все пять лет учебы. Вместе прожили семь лет. Развелись по моей инициативе, что для него было полной неожиданностью. Второго мужа тоже звали Юрий. Вышла за него, чтобы родить ребенка. Мне было уже 33 года. Надо было успеть в «последний вагон».

Материал подготовлен 14 апреля 2007 года.

Нина ДОВГУЧИЦ

Увы, мы больше привыкли писать о тех, кто является штатной оппозицией, и незаслуженно обходим вниманием тех, кому на самом деле есть что терять. Сейчас исправлю эту ошибку и представлю Нину Довгучиц, которую мои коллеги наверняка назвали бы бизнес-леди.

Впрочем, ее сложно считать новичком в большой политике. Нина дважды желала быть депутатом Палаты представителей. Сегодня является членом Национального комитета Объединенной гражданской партии, возглавляет организацию Ленинского района столицы.

Ее появление в данной книге неслучайно. Она из тех, кто реально желает что-то изменить. Нина хочет бороться, а не имитировать борьбу.

- Традиционно начнем с родословной.

- Я очень хочу о ней побольше узнать, чтобы все лучше понять. Предполагаю, что мои предки вряд ли приветствовали приход к власти большевиков. Мне об этом мало говорилось, всем понятно, какие тогда были времена.

Мой папа родом из Перми, работал в лесном хозяйстве. Он очень много думал, читал, был весьма эрудированным человеком и, наверное, научил меня философски относиться к жизни. В пять лет, благодаря ему, я уже самостоятельно читала книги, а в шесть пошла в школу. Я всегда знала, что есть человек, к которому можно обратиться за советом и который меня всегда поймет.

Маму звали Анна Федоровна. Она была шеф-поваром высшего разряда, ударником коммунистического труда. Ее знал весь курорт Усть-Качка, что в Пермской области, где мы тогда жили. К ней даже записывались загодя. И была она «кладезем» русских пословиц, песен, шуток и прибауток.

Наша семья происходит из России. В давние времена эта местность называлась Пермь Великая и входила в состав знаменитой и богатой Биармии. Мне снова и снова хочется туда съездить, в места, где жили бабушка с дедушкой, папа и мама. Не знаю, как это объяснить, но

когда я бываю там, то очень отчетливо чувствую мощь земли, некую ауру предков. Да и нам есть чем гордиться. Например, мой прадед со стороны был георгиевским кавалером. А родная сестра моей бабушки воевала во время ВОВ на 2-м Белорусском фронте, была снайпером.

Моя мама из деревни Баймура. По одной из версий название происходит вот откуда. В том месте жил бай, а его жену звали Мура. Там жили те, кого сейчас принято называть настоящими хозяевами. Среди них мои дед и бабушка. Рассказывают, ее большой дом стоял на горе и был очень гостеприимным. У нее было крепкое хозяйство. Во время каких-либо событий в доме собиралось более ста человек. У нее тринадцать детей, пятеро умерло еще в младенчестве.

Корни родословной так много дают человеку! Без знания своего прошлого невозможно, приношу извинения за банальность, создавать будущее. И сейчас нашему поколению самое время восстанавливать свои родословные, «связывать» прерванную когда-то нить из прошлого в будущее.

- А в школу пошли там же?

- Нет, мы переехали в другое место. В той же области.

Мне всегда больше нравилось обществоведение, история, хорошо давались математика, русский язык и литература.

Активно занималась легкоатлетическим многоборьем, немного гимнастикой.

Два раза с классом ездила в Артек на спортивные соревнования «Старты надежд», что в те времена было очень престижно, завоевали золотые медали.

Я была очень отчаянной ученицей. Всегда защищала слабых. Мне было обидно, когда кого-то унижали или оскорбляли.

- А потом?

- Первый раз я поступала на юридический факультет Пермского университета. Не поступила. Вышла замуж за военного и уехала с ним на Север, за Полярный круг. Мурманская область, поселок Луостари, что недалеко от города Заполярный. Там родилась моя замечательная и талантливая дочь Юля. Входила в женсовет.

Потом мужа перевели в Монголию, затем на Дальний Восток. Когда СССР разваливался, мы переехали в Пружанский район Брестской области, в военный городок Засимовичи. Муж уволился в запас в 1993 году по сокращению штатов. В Бресте окончила юридический факультет местного университета. В Пружанах вступила в ОГП.

- Как вы познакомились с мужем?

- В лифте.

Это я так думаю. Он убеждает, что заметил меня раньше и шел за мной следом. В лифт захожу я, потом он. Нажимаю нужную кнопку. Лифт никуда не едет. Возможно,

вмешательство неких «сил». Потом выяснилось, что лифт не работал.

Вышли, разговорились, пошли гулять. Всю ночь. Погода была замечательная, кружился снег, а из окон звучала популярная тогда песня «Снег кружится, летает и тает». С тех пор она стала нашим гимном. Через полтора года сыграли свадьбу. Мы с ним вместе проехали почти весь бывший Советский Союз. Быть женой военного непросто, а с другой стороны интересно - столько знакомых и друзей не приобретешь, сидя на одном месте.

- Слышал, что ваш муж - родной брат известной оппозиционерки Полевиковой? Он абсолютно аполитичен?

- Это довольно интересная история. Поначалу он действительно был вне какой-либо политики, совсем к ней равнодушен. Уволился из армии капитаном. Не то, чтобы его всё устраивало, просто военные не считают политику своим делом. А тут жена хочет стать депутатом. Он постепенно начал присматриваться ко всему, что я делаю, прислушиваться ко всем моим словам. Короче, начал втягиваться. Теперь, даже когда я устаю от политики, он все время чем-то интересуется в интернете и сообщает обо всем мне.

У нас очень хорошие отношения с Валентиной Тимофеевной Полевиковой, но она не влияет на мои политические убеждения и симпатии. Просто часто мы мыслим одинаково.

Мое поколение было готово к переменам, потому что легкостью их восприняло. Несмотря на то, что это и пытались уничтожить на генетическом уровне. У людей была внутренняя свобода, которая противоречила внешней среде. Когда мы выросли, слушали песни Высоцкого и «Машины времени», читали книги Солженицына. С грустью смотрю на то, что сегодня многое возвращается «на круги своя», на то, что происходит с нынешней молодежью, хотя, к счастью, наблюдается и другая тенденция. Мир открыт, есть Интернет, другие средства общения и коммуникации с людьми на планете и, надеюсь, что совсем назад мы не повернем.

Страусу, конечно, легче спрятать голову в песок, но что он там видит?

- Насколько мне известно, сейчас вы занимаетесь бизнесом?

- Совершенно верно. Муж уволился в запас, и мы решили начать свой бизнес. Перепробовали много занятий, пока не нашли свое. Открыли магазин по торговле запчастями для иномарок. Конечно, работать непросто, так как «правила игры» государство меняет довольно часто, приходится подстраиваться и перестраиваться, что, конечно, не на пользу предпринимательству.

- Запчасти для автомобилей вряд ли можно назвать женским делом...

- Я выбрала именно их. Причем, не случайно, мне нравятся машины, скорость, путешествия.

- А как вы оказались в Минске?

- Очень просто. Построили кооперативную квартиру в Лошице. Шесть лет стояли в очереди по спискам офицеров запаса. Получили кредит и еще несколько лет строили.

В Минске уже живем четыре года. Я иногда езжу в другие города и страны, и могу сравнивать. Если судить только обывательски, то следует подчеркнуть, что город очень чистый. Но лично для меня здесь мало исторического. В любом городе я стараюсь найти места, которые цепляют, которые ценны приятной атмосферой, историей. В Минске для меня это Лошицкий парк, район Немиги, Комаровский рынок, в меньшей степени Троицкое предместье и Верхний город. С другой стороны, большой город – большие возможности. Сравнить с прочими

европейскими столицами не хочется. Мы заметно уступаем. Это о городе, а не о людях. Мне не хватает туристов, художников, торговли, оживленности. Как-то в выходные мы решили с мужем погулять по центру. Почти никого нет, город практически пустой. Из торговых точек, только палатки с пивом. Такого в той же Варшаве нет.

А чистота? В тюрьме тоже чисто.

- Вы шли в депутаты в 2000 году и в 2004-м. В чем отличие?

- Беловежский округ номер семь.

Отличий много. Главное в том, что в 2000 году люди были более открытыми и было проще собирать подписи. Но в 2004 году наблюдался больший интерес к политике, избиратели пытались выяснить, понять, что происходит. Одновременно с этим наблюдалось и уселение у людей чувства страха, но иногда их «прорывало».

В одной деревне я разговаривала с бабушками, которые считаются самыми преданными избирательницами Лукашенко. Когда речь зашла о детях, одна из них не выдержала и с болью сказала все, что думает о нынешней власти. К людям сейчас нужно в буквальном смысле прорываться, и неправда, что в деревнях всем довольны. Когда прошли выборы, мне вновь довелось побывать в той деревне. Те же самые бабушки не понимали, почему они голосовали за меня, а победителем объявлен кто-то другой.

- В заключение хотелось бы узнать, в чем вы видите смысл женского счастья?

- Счастье, это когда ты живешь в гармонии с самим собой, с природой, когда на душе спокойно (но не равнодушно) и есть уверенность в завтрашнем дне. Счастье, когда в доме пахнет пирогами и за столом собирается большая семья.

Материал записан 13 сентября 2006 года

Вольга ПАТАВА

Зразумела, пісьменніца з такім прозвішчам прасябе мне расказала пісьмова. І зрабіла гэта, як заўсёды, вельмі добра. Яна ўвогуле не ўмее што-небудзь рабіць не на самым высокім узроўні.

-З чаго для вас пачынаецца Бацькаўшчына?

-Я нарадзілася ў Міры, у першыя хвіліны 1945 года. І, як мне здаецца, гэтае перапляценне розных акалічнасцей: чароўная навагодняя ноч, год Перамогі над фашызмам і, нарэшце, блізкасць Мірскага замку - вызначыла тое, чым я буду займацца ў сваім жыцці і якім яно будзе. Да таго ж, блізкімі партызанскімі сябрамі маіх бацькоў былі Янка Брыль і Уладзімір Калеснік – і абодва яны, жартуючы, гаварылі, што ведаюць мяне яшчэ да нараджэння. А гэта значыць, што зычлівыя іх пажаданні маёй маладой маме (яшчэ тады будучай) я, мабыць, так ці іначай адчула, бо, кажуць, нават не народжанае дзіця ўсё адчувае вельмі тонка і дакладна.

Я была першым дзіцём у гэтай сям'і, якая нарадзілася ў выпрабаваннях акупацыйнага жыцця (васемнаццацігадовая акушэрка Мірскай бальніцы ўхітрылася вызваліць з нядбайна зачыненага хлэўчука палоннага партызана), і, нажаль, апошнім: 12 снежня 1949 года мая маці памерла разам з ненароджаным хлопчыкам, а нас -- бацьку, маю цётку Зіну і мяне -- удалося выратаваць. Памірала мама ўжо ў Навагрудку, куды перавялі бацьку загадчыкам раённага фіналдзела (якраз жа гэтае ягонае павышэнне і святкавалі ў Міры, дзеля чаго забілі парсюка, які, як пасля высветлілася, быў заражаны трыхінелёзам). Яна гатавала каўбасы, печыва, каштавала фарш, першаю захварэла, і толькі ў Менску (што пасля выратавала ўсіх нас) вызначылі трыхінелёз -- загадкавую хваробу, якой не маглі даць рады ў раённай бальніцы

У першых маіх дзіцячых успамінах перамешваецца бязмерная радасць жыцця і яго трагізм. То я з асалодай грызу салодкія ільдзінкі з лужыны ля вялізнага чырвонага замка ў Міры, то з жахам адбіваюся ад медсясцёр, якія сілком ліюць мне, чатырохгадовай, у рот спірт (адзінныя на той час лекі). То радасна бягу да бацькі па велізарнаму

калідору (і цяпер не магу без хвалявання бачыць гэты даўні, яшчэ з даваенных часоў будынак у Наваградку), то з плачам упіраюся і не хачу ісці да чорнай купкі людзей на заснежаных могілках, нібыта мае супраціўленне не дасць пакласці ў разяўленую пашчу магілы худзенькае маміна цела...

Потым, праз нейкі год, адбылася няўдалая спроба бацькі знайсці мне маці. Няўдалая таму, што выхавацелька дзіцячага садка, куды я хадзіла, перастала быць ласкавай да мяне, як толькі зрабілася мачыхай. Калі яна нарадзіла сваё дзіця, мяне, як лішні рот, адвезлі да бабулі ў Бешанковіцкі раён. І гэта было шчасце. Бо каб не было гэтай даволі вялікай на тых часы вёскі Забелле з двума асяпяляльна сінімі азёрамі навокал, вясковай беларускай школке і бабулі Вольгі - у мяне не было б дзяцінства. А пасля, калі захварэла бабуля, давялося вярнуцца да мачыхі. І ад гэтай, амаль як у фільме “Папялушка”, мачыхі я збегла якраз пасля заканчэння пятага класа Таркачоўскай школы Дзятлаўскага раёна, куды бацьку паслалі як камуніста старшынёй калгаса. Зноў жа – гэтыя ўцёкі сталіся для мяне шчасцем, таму што мяне ўладкавалі ў Гродзенскі дзіцячы дом № 1, а гэта значыла, што пры ўсёй суровасці дзетдомаўскага побыту, гэта было раем у параўнанні з жыццём, якім я жыла дагэтуль. Там, у Гродна, я пачала пісаць свае першыя вершы, якія выбраў для друку Міхась Васілёк, там мною сталі апекавацца Васіль Быкаў, Аляксей Карпюк, Данута Бічэль, а праз іх я пазнаёмілася з Ларысай Геніюш і стала прыязджаць да яе ў Зэльву.

Іхняя мужнасць і любоў да Беларусі размылі ў маёй душы ўсе тых ідэалагічных штампы, якія пасляхова прывіліся ў душах большасці нашых грамадзян. Заканчваючы школу, я ведала, што Паўлік Марозаў быў не герой, а ахвяра свайго часу, што Сталін паклаў мільёны жыццяў у падмурак краіны СССР і што беларуская ідэя бязлітасна нішчылася стагоддзямі, як нішчыцца яна і зараз. Я чытала Салжаніцына і беларускую эмігранцкую прэсу, якую час ад часу недзе даставаў нястомны Аляксей Карпюк, а таксама бачыла цікаванне, якое ўжо тады ўсчынялі супраць Васіля Быкава. Але, канешне, у свае шаснаццаць гадоў (я скончыла школу ў 1961 годзе), я была

яшчэ даволі наіўнай і рамантычнай дзяўчынкай, бо марыла стаць не кім іншым, як...акторкай. Мой пыл астудзіў Аляксей Нічыпаравіч. “Оля, ты ж, мабыць, марыш граць ролі Джульет ці прынцэс, -- з’едліва заўважыў ён, калі я прызналася ў сваёй мары. -- А будзеш вечна граць чарапашак Тарціл: паглядзі на свой рост!”

-Такім чынам, у Гародне адбыўся ваш літаратурны дэбют?

-Так. Чарапашак граць я ніяк не хацела, таму выбрала філфак. Памятаю, як прыехала здаваць экзамены ў Мінск – у кішэні было дзесяць рублёў, якія выдалі ў дзетдоме, і білет ў Віцебск, які мне выслала цётка Зіна. Экзаменаў я не баялася, больш цікавым быў мне сам Мінск – вуліцы, музеі, асабліва гістарычны. У Мінску жыла сям’я Дуднікавых, якія сябравалі з маімі бацькамі: мама мая выратавала ў час вайны цяжарную маладзіцу Розу, якой пагражала небяспека і як яўрэйцы, і як жонцы чырвонага камандзіра, і цяпер гэтая сям’я прымала мяне як родную. Цётка Роза, здаецца, нават паглядала на мяне як на магчымую нявестку, але ейны сын Лёня ставіўся да мяне як да сястрычкі. Вось з Лёнем мы і гулялі па вуліцах Мінска ды хадзілі па музеях. У мяне было прадчуванне, што універсітэт нікуды ад мяне не дзенецца. Так яно і сталася, вось толькі пасля паступлення я даведалася, што мне трэба вяртацца назад – мы ж, былыя школьнікі, цяпер сталі “установачнікамі.” Што гэта значыла? Паводле нейкай чарговай вучэбнай рэформы былыя школьнікі мусілі год працаваць і адначасна лічыцца студэнтамі, дзеля таго, каб глыбей спазнаць жыццё.

Але куды было вяртацца дзетдомаўцам? Дзе жыць? Ніхто ж назад у дзетдом цябе не прыме, і нам трэба было застацца ў Мінску, у інтэрнаце. Але вырашыць гэтае пытанне мог толькі дэкан. Таму мы – мая новая сяброўка Саша Ровіна і я -- пайшлі да Міхася Рыгоравіча Ларчанкі.

- Які інтэрнат? – захахаў ён рукамі.—Тут і на сваіх месца няма, а вы яшчэ не нашыя...

Але безвыхаднасць надала нам мужнасці.

- А дзе мы тут знойдзем кватэру і хто нам будзе яе аплачваць? – кінуліся мы ў наступленне. -- Вы што, хочаце, каб мы на панэль пайшлі?!

Гэтае «панэль» (начыталіся літаратурных твораў!) моцна паўздзейнічала на Міхася Рыгоравіча. Ён замоўк і нейкі час углядаўся ў нас, асабліва чамусьці ў мяне, нібыта прымяраючы да той самай «панэлі». Пасля засмяяўся і стаў нешта пісаць на паперцы.

Ад яго мы выйшлі з распараджэннем гаспадарнікам уладкаваць нас у студэнцкі інтэрнат. А на працу сакратаркай у Дзяржарбітраж, які месціўся ў будынку сённяшняга аблвыканкама, уладкавала мяне цётка Роза. Так я год і адбарабаніла на машынцы, набываючы ўсё большы імпэт, розныя акты праверак ды юрыдычных рашэнняў па розных судовых справах. А восенню прыйшла на другі курс ужо як паўнапраўная студэнтка.

Універсітэт я скончыла ў 1967 годзе, перайшоўшы на трэцім курсе на завочнае аддзяленне. Вучыцца без аніякай падтрымкі было надта цяжка. Самыя бедныя студэнткі маглі паехаць у вёску і прывезці адтуль кавалак сала ці мясэчак бульбы, каб дацягнуць да мізэрнай стыпендыі ў 28 рублёў. Мне ж ехаць не было куды, хіба што да цёткі Зіны, якая і сама тулялася ў Віцебску па чужых кватэрах ды ў утрымлівала бабулю Вольгу. Туды я і паехала, калі вырашыла пераходзіць на завочнае, каб хаця недзе перабыць, пакуль уладкуюся на працу.

Жыла я ў яе тыдзень, і ён запомніўся мне на ўсё жыццё. Сырая «временка», бесперапынныя стогны бабулі – і снег на шыбах знутры, якраз перад маімі вачамі (мы спалі на адным ложку ўтраіх, я ля сцяны, а хворая бабуля пасярэдзіне, каб не замерзла). Грошай на дровы не было. Але не замярзаць жа нам усім! Выхад знайшоўся: за тры прыпынкі размяшчаўся дрэвабудаўнічы камбінат, дзе пад снегам макрэлі тоны трэсак, нікому не патрэбных. Ды былі яны на ахоўваемай тэрыторыі. І таму мы з цёткай, набываючы два мяхі гэтымі вільготнымі трэскамі, бесперастанку азіраліся, каб не заспеў нас які вартаўнік, бо за «расхищение социалистической собственности» маглі даць па поўніцы. Аднак жа як ярка гарэў у той вечар агонь у нашай «буржуйцы», і як мы, тры жанчыны, зачаравана глядзелі на агонь і радаваліся цеплыні! Я адчувала, што ў гэтай цёмнай начы ў мяне ёсць нейкі прытулак – і ўсё жыццё мне хацелася збудаваць свой дом, свой асяродак, дзе было б заўсёды цёпла і добра...

За тыдзень я ўладкавалася на працу ў недалёкім ад Віцебска пасёлку Руба, дзе стала працаваць настаўніцай. Праца мне падабалася, аднак жа я адчула, што сумую па Гродна, па тым літаратурным асяродку.

І зноў жа сваю ролю і на гэтым этапе майго жыцця сыграў Аляксей Карпюк. Неяк, наведваючы Віцебск, запытаўся:

- А ў Гродна хочаш?

- А ці гэта магчыма?

Але для Карпюка магчымым было ўсё (так мне тады здавалася). Ён нават паабяцаў здабыць для мяне нейкі свой куток – ці то пакой у інтэрнаце, ці нават і кватэру (калі выйдзе кніжка). Акрыленая гэтымі надзеямі, я паехала ў Гродна.

Было лета, і Аляксей Нічыпаравіч уладкаваў мяне старшай вожатай у піянерскі лагер у лясной зоне пад Гродна. Была дамоўленасць, што восенню я пайду працаваць настаўніцай (у Віцебску я не магла і марыць уладкавацца ў гарадскую школу). Але да восені ён знайшоў мне іншы варыянт: працу ў гарадскім камітэце камсамола. Тое, што гэта для маладой дзяўчыны нечуваная ўдача, ён растлумачыў мне коратка і катэгарычна:

- Пойдзеш, нікуды не дзенешся! Бачыш, яшчэ выкаблучаецца! Я столькі кабінетаў прайшоў, і Брыль сюды тэлефанаваў, што з тваімі бацькамі разам у партызанах быў!

Я здалася, тым болей, што працаваць у гаркаме, пасля ў абкаме камсамола было мне лёгка: я змалку была прывучаная ў любую працу ўкладаць сябе ўсю, ды і прынялі мяне там добра (з некаторымі з былых супрацоўнікаў па камсамолу я доўгія гады падтрымлівала добрыя адносіны, нягледзячы на маю «апазіцыйнасць».) Ездзіла па арганізацыях, праводзіла розныя сходы, займалася культурна-асветніцкай працай у раёнах. Усё гэта надта прыдалося мне пасля, у час працы на тэлебачанні.

Тым часам наладжвалася і маё асабістае жыццё: у піянерскім лагеры са мной працаваў інструктар па фізкультуры Юры, які праз нейкі час прапанаваў руку і сэрца. Ён шчыра апекаваўся мною, і на той момант здалося, што так будзе заўжды. Усё ж я была досыць

адзінокай у гэтым свеце: маладая мая цётка ўладкоўвала сваё жыццё, бабуля памерла. Наіўна верылася, што сям'я мужа стане для мяне роднай, што тут мяне палюбяць і даруюць мне мой яршысты характар, крывдлівасць і бескампраміснасць, якія ўвогуле характэрныя для дзетдомаўскіх дзяцей. Аднак жа сталася не так. Я была «паэткай», і ў гэтым вымаўленні адчувалася нешта сумніцельнае, аперэатчна-балаганнае, што не пасавала прыстойным людзям і выклікала насцярожанасць. Я гэта адчувала, прыходзіла ў адчай і часам таксама дазваляла сабе эпатажнасць. Як ні дзіўна, для нашых адносінаў пераломнай аказалася дыскусія... па Пушкіну. Неяк у прысутнасці гасцей мой свёкар стаў цытаваць радкі Аляксандра Сяргеевіча, якога ён надта любіў, лічыўся вялікім знаўцам ягонай паэзіі, і назваў крыніцу цытавання. І што тузанула мяне ціха, але выразна яго паправіць! Свёкар мой узгарэўся і стаў настойваць на сваім. А я, замест таго, каб адступіць, з ім не пагаджалася. Урачыста быў выцягнуты з «Полнаго собрания сочинений» адпаведны том, і які ж быў канфуз, калі высветлілася, што памыляецца ён, а не я! І цяпер, калі я ўзгадваю позірк, якім мяне тады ўзнагародзіў гэты, увогуле, неблагі чалавек, адчуваю глыбокае раскаянне. (І пасэння, калі бачу выбрыкі маладых, памятаю сябе ў тым узросце і схільная многае ім дароўваць.)

Адным словам, праз нейкі час я засталася з сынам Русланам (памяць пра свёкра-пушкініста) і першай кніжкай паэзіі, якой магла колькі заўгодна суцяшаць сябе ўзамен надзей на добрую і вялікую сям'ю.

- І ўсё ж вам пашанцавала?

- Так. Свайго нарачонага я сустрэла даволі позна і, ўзгадваючы акалічнасці нашай сустрэчы, упэўненая: лёс існуе, і многае ў нашым жыцці прадвызначана. Трэба толькі прыслухоўвацца да свайго сэрца, і многіх памылак у жыцці можна было б пазбегнуць. Праўда, калі сінявокі фізік –ядзершчык запрасіў мяне на вальс, я і падумаць не магла, што буду кружыцца ў гэтым вальсе воль ужо хутка дваццаць гадоў і што запаланю яго сэрца менавіта пры дапамозе музы Тэрпсіхоры! Мы танцавалі ўвесь вечар, нібы ўсталёўвалі нейкі свой, адрозны ад іншых рытм, які і дасюль дае нам моц змагацца з рознымі нягодамі – заўсёды

разам. Яго першая жонка была таксама дзетдомаўкай, і, паміраючы, прасіла Бога, каб чалавек, якога яна кахала, яшчэ раз сустрэў сваё пчасце. Так і сталася, і мы заўсёды ў дзень ейнага нараджэння ходзім да магілы гэтай невядомай мне, але блізкай па духу жанчыны.

Мой муж таксама зрабіў мяне пчаслівай – сваім добрым сэрцам, адданасцю і душэўнай чысцінёй. З ім немагчыма пасварыцца, ён бачыць ува мне толькі самае лепшае, і я стараюся гэтаму адпавядаць, хаця для жанчыны літаратура і сям'я часта бываюць несумяшчальныя. Аднак жа без ягонага клопату і імпэту я наўрад ці стварыла б свае гістарычныя раманы ці выстаяла ў час шалёнага цкавання, калі была старшынёй Саюза пісьменнікаў.

...Лёсу раптоўны і радасны дар,
З вуснаў сціраеш жыццёвую горыч,
Фізік і лірык, мудрэц і гусар --

напісала я пра яго ў адным з вершаў, і спадзяюся, што да самага скону гэтая радасць блізкай душы будзе са мной побач.

Матэрыял падрыхтаваны 25 кастрычніка 2006 года.

Кася КАМОЦКАЯ

Заўжды, калі гаворка ідзе пра беларускі рок, нагадваюць яе прозвішча. І таму ёсць падставы. Кася Камоцкая – самая вядомая выканаўца.

- Нарадзілася ў Мінску. Бацькі таксама адсюль. 22 чэрвеня 1963 года. Дзень пачатку ў 1941-м вайны. Гэта для адных. Для іншых свята Святога Яна. Кася – Кацярына.

Мой дзед па бацьку загінуў на фронце. Ён зусім малым стаў бежанцам з Заходняй Беларусі падчас першай сусветнай вайны і нават не ведаў, як яго дакладна звалі. Ці Міколам, ці Васем. Імя выбраў сабе сам, таму мой бацька і стаў Васілевічам. Прозвішча ў яго Чалэй. Вельмі распаўсюджанае, асабліва на Беласточчыне. Зразумела, што яно было і маім дзядзючым.

Абодва, і маці і бацька, скончылі фізфак і, дарэчы, вучыліся разам з Шушкевічам. Бацька потым увесь час з ім працаваў ва ўніверсітэце. Выкладае і дагэтуль, толькі цяпер пагадзінна. Маці, калі зразумела, што фізіка – гэта не яе, перайшла працаваць на тэлебачанне. Спачатку вяла навукова-папулярныя перадачы, потым жаночыя. Працавала там вельмі доўга. Ведаеце праграму “Алеся”? Так што вы ў нейкім сэнсе працягваеце яе тэму.

Пазнаёміліся яны яшчэ ў дзяцінстве. Сябравалі. Разам сталі абітурыентамі. Як кажуць, “за кампанію”. Нічога ў жыцці не трэба рабіць “за кампанію”, асабліва калі гаворка ідзе пра адукацыю.

- Калі ласка, некалькі слоў пра дзеда па матчынай лініі?

- Ён нарадзіўся ў Вільні. Але пра сям’ю яго я ведаю мала.

А бабуля па матчынай лініі нарадзілася ў Асіповічах, там яе бацька на чыгунцы працаваў. Здаецца, таксама бежанцамі былі падчас першай сусветнай.

Бабуля, якая была маці бацькі, жыла ў Крыме. Яе айчыным служыў наглядчыкам маяка. Яна жыла на беразе мора, у школу плавала на чоўнах. Рамантыка.

Мабыць, у мяне ў генах ёсць нейкая настальгія. Нягледзячы ні на якія заморскія цуды, я ўвесь час, калі

ёсць магчымасць адпачыць, еду ў Крым. Хоць там і поўны савок, вакол бруд і гэтак далей, а па коштах – “поўная Турцыя”. Мяне туды нешта цягне. Мабыць, таму, што не маю блізкіх сваякоў у вёсцы.

Першы раз у вёску я паехала на першым курсе універсітэта, падчас “бульбы”. Уражанне было такім моцным, што мяне вельмі хутка адправілі хворай назад у Мінск. Такім чынам, з вясковай Беларуссю я сустрэлася ў вельмі стальым узросце і не магу сказаць, што гэта была вельмі пяшчотная сустрэча. Канешне, з часам прыйшло іншае разуменне, але не магу сказаць, што я любіла вёску заўсёды. Так, мне вельмі падабаецца беларуская прырода, а сялянскае жыццё выклікае іншыя асацыяцыі – бытавыя недасканаласці.

- Вы былі адзіным дзіцём у бацькоў?

- Не. Мая старэйшая сястра Алена загінула ў аўтамабільнай катастрофе. Гэта было вельмі даўно.

Па яе слядах пайшла ў 24-ю нямецкую спецшколу, якую я дзесяць год і “пратарабаніла”.

- Вы, мабыць, добра ведаеце нямецкую мову?

- Ва ўсякім выпадку, дагэтуль чытаю без слоўніка. Размаўляць не магу, таму што практыкі не маю. Была ў Францыі, Англіі, Даніі і яшчэ шмат у якіх краінах, але ніколі не была там, дзе размаўляюць на нямецкай мове. Проста дзіўна. Усё яшчэ наперадзе.

Вучылася добра. Здаецца, што ўвесь універсітэт прайшла на ведах школы. Наш дом стаіць на праспекце, насупраць цырка. Яго будавалі палонныя немцы. Толькі раней там былі камуналкі. Мая бабуля працавала на радыё. Менавіта ёй кватэру і далі.

У футбол не гуляла, але лялькі разбірала на анатамічныя “запчасткі”.

У нашым двары самая важная гульня была - партызаны. Сутнасць у наступным. Мы лезлі пад стол. Стол накрывалі шчыльным абрусам. Гэта была “зямянка”. Туды ставілі амаль вядзёрны самавар вады. Акраюшак хлеба і салонку з соллю. Было ўяўленне нейкай партызаншчыны. Часам мы рабілі вылазкі - паўзком да бліжэйшага акна. Мабыць, нешта ў гэтым адпавядала рэчаіснасці, таму што мая маці са сваімі бацькамі сапраўды былі ў партызанах. Гэта быў так званы сямейны лагер. Там былі каровы,

нейкая гаспадарка. Туды пасля рэйдаў накіроўвалі байцоў адпачыць. Хутчэй за усё, за нашай гульні і стаялі ўспаміны маці.

Гулялі толькі ўдваіх з сяброўкай. Нікога не палохалі дзіцячай зброяй, не бралі ў палон. Проста сядзелі пад сталом і пілі ваду з хлебам. Гульня падабалася толькі нам. Ніхто не бачыў кайфу ў тым, каб сядзець пад сталом.

Яшчэ любілі праехацца на каньках па паркеце.

- І гэта не выклікала пытанняў?

- Не. Можна, калі б быў адзін гаспадар у кватэры, то яны і былі б. Але гэта была агульная кватэра. Калідор там доўгі, і ніхто не звяртаў увагі, што мы робім з паркетам. Так заўжды адбываецца, калі нешта нічыйнае.

Школу скончыла добра. У атэстаце было толькі некалькі чацвёрак. Напрыклад, па фізіцы. Настаўнік вельмі здзіўляўся – бацька з маткай фізікі, а дачка пайшла не ў іх.

Пасля школы пайшла на гістфак, але гэта абсалютна не маё. Увесь час, калі я рыхтавалася да ўступных экзаменаў, тэлефанаваў настаўнік матэматыкі і гаварыў, што я раблю вялікую памылку, таму што па думках я - матэматык.

Справа ў тым, што я на той час была вельмі хітрая, школа ўсё ж такі добрая. Прыйшла ў БДУ і паглядзела, куды трэба паступаць, каб не было ніякіх лабараторных, кантрольных і г.д. Таму і абрала гістарычны факультэт. Галоўнае, вывучыць даты, а ўсё астатняе – “бла-бла-бла”. Звычайная гаворка.

Такім чынам, выбар быў вельмі лагічным. І не шкадую аб ім ніколі. Я не захапілася гісторыяй, аднак некаторыя рэчы сталі больш яснымі і асэнсаванымі. А не проста на ўзроўні эмоцый. Таму я рада, што паступіла на гістфак. Аднак гэта было цалкам выпадкова, звязана з маёй асабістай лянотай. Я ўвогуле лічыла, што вучыцца - гэта глупства. А паступіць вырашыла, каб быць як усе. З нашага класа без вышэйшай адукацыі засталіся толькі двое.

- І кім вы павінны былі пасля гістфаку працаваць?

- Пасля БДУ я адразу ж пайшла ў аспірантуру. З трэцяга курсу ў мяне была іншая спецыялізацыя. Зараз

гэта называецца сацыялогіяй, а раней было навуковым камунізмам.

Калі б абаранілася, стала б кандыдатам філасофскіх навук. Але гэтага не адбылося – жыццё змянілася, і сэнсу ў тыя (другая палова васьмідзесятых) часы ніякага не было.

- Вельмі цяжка ўявіць, як вы вывучаеце навуковы камунізм... Бо яго на самой справе не было.

- Не было навукі, але былі вельмі цікавыя людзі. Выкладаючы навуковы камунізм, яны расказвалі проста дзіўныя рэчы. Напрыклад, пра Кастуся Каліноўскага.

Мой выкладчык Адам Пятровіч Мельнікаў вельмі сур'ёзна ілюстраваў свае тэзісы прыкладамі з твораў Васіля Быкава, якія нават я, “беларуская нацыяналістка”, на той час не чытала.

Дарэчы, былі лекцыі па беларускай мове, якія чытаў будучы першы пасол у Нямеччыне Пётр Садоўскі. Яны з'яўляліся факультатыўнымі, значыць, не абавязковымі, але заўжды збіралі поўныя аўдыторыі.

Пасля аспірантуры мяне размеркавалі ў сацыялагічную лабараторыю пры БДУ. А потым сваё ўзяў рок-н-рол.

- Як гэта здарылася?

- Я ўвогуле лічу, што чалавек спачатку пачынае спяваць, а потым размаўляць. І не толькі калі дзіця плача. Ёсць немывя людзі, якія не могуць гаварыць, але могуць спяваць.

У школе я сама навучылася граць на гітары, бо ў дзяцінстве ў музычную школу мяне не прынялі. Калі хацела сама, казалі, што не падыходжу. Праўдзіва кажучы, вельмі ўдзячная за гэтае, бо мне вельмі шкада дзяцей, якія пасля заняткаў у школе яшчэ і займаюцца “музыкай”.

Спявала. Зразумела, займалася мастацкай самадзейнасцю.

Ва ўніверсітэце пазнаёмілася з Алесем Камоцкім. Хутка пажаніліся і пачалі рабіць нейкія сумесныя дуэты. Якія доўга не пратрымаліся, бо ў нас цалкам розныя галасы.

Пачала спяваць адна, бо ўжо спыніцца было немагчыма. Каб зрабіць запіс на радыё, Камоцкі параіў мне свайго гітарыста. Так пачалося “Новае неба”, якое спачатку было цалкам акустычным – дзве гітары,

віяланчэль і скрыпка. Потым з'явілася і нешта электрычнае.

У той час (ды і зараз таксама) немагчыма было адначасова жыць рок-н-ролам і недзе працаваць. Нават калі работа і была вельмі добрай, як у нас.

Пасля звальнення спачатку была на “вольных хлябах”, а потым пайшла працаваць у часопіс “Спадчына”, дзе займалася ў большасці перакладамі з польскай мовы на беларускую. Дарэчы, польскую мову я нідзе не вывучала. Яна прыйшла “сама па сабе”. Тым больш, што там патрэбы ў асаблівых ведах не было – перакладалі гістарычныя метрыкі.

Калектыў падабраўся проста цудоўны – Вячорка, Ракіцкі, Чаропка і г.д. Словам, усе свае.

Класна!

Было гэта ў перыяд чарговай адлігі. І мяне запрасілі ў складзе гурта “Новае неба” працаваць у “Белканцэрт” пры філармоніі. Нават у працоўнай кніжцы ёсць запіс – салістка-вакалістка другой катэгорыі. Чаму не першай? Таму што не было музычнай адукацыі. Першую даць ніяк не маглі, таму што я была павінна прайсці нейкую атэстацыю. Таму я з задавальненнем і пагадзілася на другую.

Прабыла там даволі доўга. Нават калі прыйшоў Лукашэнка, нас адразу ж не звольнілі. У сягонняшній сітуацыі такое проста немагчыма.

Мы ў нейкім сэнсе не адпавядалі профілю “Белканцэрту”, таму выступленняў амаль не было.

За гэта нас вельмі жорстка крытыкавалі. Выратоўваў, царства яму нябеснае, Віктар Вуячыч. Ён заўжды падымаўся і з пафасам казаў – маладыя групы павінны быць у творчым пошуку. З намі зноў заключалі кантракт на наступны год.

- Чаму менавіта “музыка бунту”? Для кар’еры было лепш нешта папсовае?

- Я ніколі не лічыла сябе артысткай. Таму быць на эстрадзе для мене – не самамэта. І зараз не лічу гэта наркотыкам і не разумею, калі нехта кажа, што жыць без сцэны не можа. На сцэну трэба выходзіць, калі ёсць што сказаць. А не проста так. Менавіта таму я не люблю буйныя фестывалі, як, скажам, Басовішча. Там ніхто

нікога не слухае. Моладзь прыязджае балдзец і адрывацца. Асабліва калі ты хочаш сказаць тое, што вельмі важна для цябе, тое, што ты хочаш данесці да іншых людзей. А публіцы на гэта напляваць. У такіх умовах спяваць не жадаю. Таму аддаю перавагу маленькім залам і клубам.

- А як вы ставіцеся да таго, што рок-князеўна зараз іншая?

- Я была ёй два разы, а на трэці адмовілася. Справа ў тым, што “Рок-каранацью” задумвалі мы самі. Назва належыць Міхалу Анемпадыству. Гэта аўтар “Народнага альбома” і шмат якіх маіх песень. Канцэпцыя вельмі правільная – беларуская “Грэмі”.

“Рок-князеўну”, хутчэй за ўсё, прыдумалі для мяне, бо іншых жанчын на рок-сцэне тады не было. Таму я лічу, што гэты тытул не адлюстроўвае маю перамогу над кімсьці, а сведчыць пра ўвагу да жанчыны на беларускай рок-сцэне.

Зараз ёсць шмат гуртоў з жаночым лідэрствам, што ўзбагачае беларускую сцэну. Тытул для іх – арыенцір.

На трэці раз я адмовілася па прычыне таго, што для іншых гэта было важней. Вельмі рада, што трэцяй “Рок-князеўнай” стала Вераніка Круглова з “Крыві”.

- Наколькі я ведаю, у вас адна дачка?

- Так. Кася Камоцкая. Імя мы з Камоцкім выбіралі цэлы месяц, але да канчатковага варыянта тык і не прыйшлі. Часу больш не было, а Кася – слова знаёмае.

Так здарылася, што шмат гадоў таму мы развяліся.

Мой другі муж – рэжысёр дакументальнага кіно Віктар Корзун.

Алеся з Віктарам у вельмі добрых адносінах. Яны нават больш паміж сабой сябруюць, чым са мной. У іх больш агульных інтарэсаў.

- А ў чым сэнс шчасця, на ваш погляд?

- Мне падаецца, што гэта нейкае імгненнае адчуванне.

Матэрыял падрыхтаваны 23 кастрычніка 2007 года.

Людмила КАРПЕНКО

Жена безвременно ушедшего заместителя председателя Верховного Совета 13-го созыва Геннадия Дмитриевича Карпенко Людмила Филипповна всегда активно откликается на мои просьбы. Не стал исключением и этот раз.

Общеизвестно, что сейчас она живет в Германии. Весьма надеюсь, что наша заочная беседа поможет кое-кому понять, что жизни в эмиграции вряд ли можно примитивно завидовать.

- Думаю, многим будет интересно узнать несколько подробностей из вашей биографии?

- Родилась я в небольшом красивом белорусском городке Новогрудок. Отец мой, Филипп Миронович Любенко, украинец, двенадцатый ребенок своих родителей. К началу Великой Отечественной войны, после набора всего взрослого населения в ряды Красной армии, моего отца избрали председателем колхоза. Видимо, сыграло роль, что к тому времени он имел семь классов образования. Затем военное училище и фронт. В 1944 году отец был ранен, но очень редко об этом вспоминал. Наверное, из скромности.

Маму он встретил к концу войны при довольно интересных обстоятельствах. Мой отец, в то время старший лейтенант, искал для своего подчиненного квартиру. Все происходило в Гомельской области, в деревне Ельцы, где и родилась моя мама Татьяна Федоровна Павлюченко. Ее отец, мой дедушка Федор Фомич, был лесничим. Благодаря этому и выжила их семья, где было трое детей, во время голода. Старшей девочкой была моя мама и еще двое сыновей, Иван и Володя. Дедушка Федор во время войны был в партизанах. Бабушка Александра Ильинична росла сиротой. Во время войны она помогала партизанам, была их связной. За что эсэсовцы ее арестовали, избили. Чудом спаслась, помогла переводчица. После этого бабушка на одно ухо не слышала.

Когда молодой офицер вошел в их дом, увидел красивую девятнадцатилетнюю девушку, мою маму, то сам сменил место жительства. Мама в это время работала

медсестрой. Вот так и образовалась новая семья, в которой я родилась. После войны мой отец поначалу служил в органах НКВД.

Я была единственным ребенком, хотя и мать и отец хотели иметь еще детей. Мама была очень слабой, болезненной женщиной, и врачи еще рожать не разрешили. Сказались тяжелые военные годы, когда она была подростком. Мама рассказывала, как они, девочки-подростки, прятались на целый день в болото, чтобы их не угнали в Германию. Ночью выходили на берег, обсыхали, а с рассветом опять в болото.

Когда мне было около пяти лет, мы уехали из Новогрудка в Несвиж. Отец ушел из органов госбезопасности и стал работать пожарным инспектором. Насколько я помню, это была беспокойная работа. Он день и ночь разъезжал по всему району: протоколы, допросы, расследования, соревнования. На предложение переехать в Минск отказался, хотя впоследствии, когда я уже жила в столице, жалел. В Несвиже окончила среднюю общеобразовательную школу и поступила в Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В.В. Куйбышева по специальности «планирование промышленности».

Я очень часто вспоминаю свое детство. Хотя оно прошло и не в полном достатке, оно было счастливым. Работал один отец. Мама часто лежала в больнице, в это время я оставалась за хозяйку. Это у меня не очень хорошо получалось. Помню, приготовила суп для отца, который должен был прийти на обед. Перед самым его приходом решила суп немного остудить и поставила на подоконник. Кастрюля опрокинулась. Отец пришел, а супа-то нет. Были слезы, очень обидно.

На лето отец часто меня и маму отвозил в деревню. Это были или папины знакомые, что имели в деревне хороший дом, а также большой сад с пчелами. Или мамина приятельница, с которой она познакомилась в больнице.

Дружила я со сверстницами, это были шесть девочек на год или два старше меня. К слову, они были разных национальностей. Люся, русская, ее мать работала директором райпищеторга, а отец в милиции. Мы с ней по

сегодняшний день поддерживаем контакты, она живет в Москве.

Лиля белоруска. Ее отец был председателем райисполкома, мать не работала.

Была полька Света, родители работали в несвижском санатории. Была цыганка Зина, отец которой уезжал подолгу на заработки, мать не работала, у них было восемь или девять детей. Была Соня, еврейка, отец ее у нас в школе работал завучем, а мать учительницей. Я считалась украинкой по отцу. Чем мы только не занимались. В казаки-разбойники играли, спектакли, концерты устраивали, письма в детские газеты «Зорька» и «Пионерская правда» писали. И в сады за яблоками лазили, и в футбол играли.

Училась я хорошо. Легче всего мне давались точные науки - математика, геометрия, физика. Была старостой класса. Мечтала поступить в архитектурный институт, так как любила рисовать, чертить, но в последний момент передумала и вместе с одной девочкой из класса пошла в нархоз. К сожалению, она не поступила, а мне повезло. Когда я училась в старших классах, моя мама начала работать на трикотажной фабрике. Может, медикаменты появились новые, но она стала как-то лучше себя чувствовать. Буквально за пару лет стала депутатом городского Совета, а затем и областного Совета.

Началась моя самостоятельная жизнь в Минске. Жила поначалу у родственников, родители были категорически против общежития. Считалось, что общежитие развращает девушек. Училась хорошо, подружилась с минчанкой Тамарой Тыркич. Я очень часто бывала у них дома. Мы вместе готовились к экзаменам, ее мама нас вкусно кормила. Жила на полуголодном пайке, так как денег не хватало, было только 30 рублей в месяц, к тому же хотелось еще и модно одеться. Это у меня неплохо получалось, так как могла что-нибудь и сама сварганить. Например, из маминого летнего белого пальто сшить себе брюки, они только входили в моду.

- Наверное, на это «купился» Карпенко...

- Поклонников было много, но я как-то несерьезно к ним относилась, видно, все это было не мое. Трое ребят предлагали руку и сердце. Один из них был харьковчанин

Саша. Учился в Севастополе в мореходном училище, собирался после первого плавания приехать за мной. Постоянно писал письма и с родителями моими был знаком. Второй - Алексей из Ленинграда. Учился в техническом вузе, запомнила в каком. На втором курсе моего обучения приезжал за мной в Минск, даже всенародно на вокзале стал на колени при отъезде, ведь его родители ожидали возвращения сына с невесткой. Еще интересный случай был в Чернигове, когда я туда ездила на отдых к знакомым. На дискотеке познакомилась с парнем, который учился в военном училище, отец его был тоже военный, полковник. Почти каждый день мы встречались, причем он меня приглашал или в ресторан, или к себе домой, где мы ужинали вместе с его родителями. Спустя пару недель он мне вдруг говорит: «Завтра пойдем в загс, отец обо всем договорился». Я испугалась, утречком собралась и уехала домой. Не хотела замуж, хоть и женихи были вроде неплохие.

А вот с Геннадием было все иначе. Мое знакомство с ним произошло во время учебы на первом курсе. Произошло это так. Как и сверстники, я смотрела все фильмы, которые шли в кинотеатрах. При посещении очередного фильма в кинотеатре «Мир», когда стояла в очереди за билетом у кассы, ко мне подходят два парня с просьбой купить для них тоже билеты. Пока стояли в очереди, познакомилась. Один из них был Геннадий, он учился в политехническом институте. Его друг Анатолий занимался в медицинском. Места в зале кинотеатра у нас были не рядом, и после просмотра фильма я быстро убежала домой. Но вскоре мы встретились вновь. В таком большом городе! После занятий в институте, корпус которого находился на Партизанском проспекте, я пешком возвращалась домой, жила не так далеко, и вновь встретила Геннадия, и опять с этим же другом Анатолием. Они прогуливались по Партизанскому проспекту. Как потом выяснилось, Гена жил неподалеку на улице Нахимова. Мы немного поболтали, и Геннадий стал назначать мне свидание. Я не соглашалась, прежде всего, потому, что был парень, с которым я встречалась. Его звали Василий, чемпион мира по вольной борьбе. Но тут так называемый друг Геннадия, Анатолий, повел себя

очень непорядочно. Он сказал Геннадию, что хочет со мной пообщаться наедине и уговорить встретиться с ним, а сам, когда мы отошли, стал назначать мне свидание. Я разозлилась от такой наглости и назло ему сказала Геннадию, что он может встретить меня в начале нового учебного года после занятий у института. На этом и разошлись. Летом, после первого курса я и моя мама ездили отдыхать в Севастополь. По возвращении в Минск меня ждала новость - письмо от Геннадия. Как он нашел адрес моих родителей, для меня являлось загадкой. Оказалось, при разговоре с ним я назвала адрес родного дяди, который жил в Минске. Геннадий запомнил и, не зная даже моей фамилии, разыскал моих родных и написал письмо. Наступило 1 сентября. После занятий я выхожу на улицу и вижу - стоит долговязый двухметровый парень с цветами. Это было неожиданно и трогательно. С этого момента мы начали встречаться почти каждый день. Мы никогда не подыскивали тему для разговора, время при встречах пролетало быстро, и нам было интересно друг с другом. Он даже сочинял стихи, конечно, не профессиональные, но для меня они были самые лучшие, так как посвящались мне. Вот тогда я и влюбилась в него. На всю жизнь.

Через год я уже жила на улице Нахимова, вместе с Геннадием, его родителями и братом Александром. Свадьбы никакой не было. Мы скромно с ним и его однокурсником Олегом пошли в загс и расписались. А потом в близком кругу отметили это событие. Так началась наша нелегкая семейная жизнь.

- Если можно, несколько слов о вашей семье?

- Детей у меня двое. Старший сын Дмитрий. Ему 35 лет. Дочери Татьяне 30 лет. Дети у меня хорошие, самостоятельные, серьезные. Слишком уж много испытаний выпало на их долю. Как только Геннадий начал занимать ответственные посты, дети были в постоянном напряжении. Так называемые доброжелатели заискивали и в то же время следили за ними в ожидании проступков. Когда же Геннадий стал одним из основных оппонентов Лукашенко, вся семья мгновенно попала в опалу.

Дмитрий после окончания физического факультета Белорусского государственного университета работал в

концерне «Белнефтехим» рядовым инженером. Однажды начальник управления предложил ему возглавить отдел. Дескать, с руководством все согласовано. Дмитрий написал по этому поводу заявление. Его непосредственный руководитель вызвал к себе и сообщил, что необходимо написать еще одно заявление на увольнение. Оказалось, кто-то «наверху» так решил перестраховаться, чтобы не получилось как с Шереметом. Накануне состоялся суд над журналистами Павлом Шереметом и Дмитрием Завадским.

Иван Титенков, будучи управляющим делами президента, как-то предложил мужу: пусть твой сын у меня поработает, буду 1000 долларов платить в месяц. Так хотели «купить» отца через сына.

А как поступили с Татьяной? Она с отличием окончила экономический университет. Во время учебы Национальный банк республики заключил с ней и еще несколькими лучшими студентами договор, согласно которому выплачивал им стипендию, а после завершения учебы должен был принять на работу. Диплом был уже у нее в руках, а Национальный банк в трудоустройстве без объяснения причин отказал. Возможно, потому, что она - дочь Карпенко. Как только она нашла другую работу, то сразу же остальных выпускников приняли в Национальный банк.

- В чем суть счастья?

- Очень сложный вопрос. И думаю, у каждого есть свой ответ. Порой, имея его, мы не понимаем, что оно рядом. Кто-то считает здоровье главным показателем счастья. Но ведь и здоровые люди бывают глубоко несчастными. Деньги? Нет, и за них не купишь здоровье, любовь. Любить и быть любимой? Это прекрасно, но недостаточно для цельной натуры. Счастье в детях? Оно будет половинчатое, не полное. Работа? Нет, здесь, в Германии, я вижу много молодых людей, которые имеют и хорошую работу, и деньги, но одиноки и глубоко несчастны. Видимо, необходимо обладать всем в совокупности.

Женщина в жизни должна состояться как жена, мать, бабушка. Мужчина - как опора семьи. Я думаю, счастье, это когда спокойно на душе и сердце поет.

Да что обо мне говорить, я была обычная женщина, жена Геннадия Карпенко. Прожили мы вместе почти 30 лет и пролетели они молниеносно. О муже я могу вспоминать много и долго. Не только потому, что он был прекрасный отец и муж. Он был настоящим человеком, настоящим политиком. И говорю я это не потому, чтобы его похвалить, нет. Я имела возможность сравнить его с другими политиками. И поверьте, им очень далеко.

Да и политикой я стала заниматься после того, как моего мужа убили. Таково мое глубокое убеждение, что бы ни говорили власти. Этим я мстила за него. Это помогло мне выжить.

Были созданы две общественные организации, одна благотворительная, а другая просветительская. Основная ее цель, это посещение регионов страны и просвещение белорусского населения, что актуально по сегодняшний день. В рамках этой организации были объединены женщины. Жены и матери, чьи мужья и сыновья были убиты, похищены и содержались в тюрьмах.

- Почему вы выбрали за границу?

- Эмиграция - это жизненное испытание. Не все способны ее перенести. Почему я уехала? Однозначно ответить трудно. Прежде всего, психологически было тяжело. Я потеряла мужа, а дети - отца. Все окружающие отстранились от нас, боялись общаться, боялись нам позвонить, зайти в гости, хотя прежде дверь не закрывалась. Мы остались практически одни, изгой. Было очень обидно, ведь Геннадий столько делал для людей! Не оставили нас в покое и спецслужбы. За мной, не скрывая, следили. Посещали странные люди не только днем, но и ночью. Делали странные предложения и предупреждали. Я все время была в напряжении. Я боялась за детей, тем более был уже пример, как расправляются через них с родителями.

Дети боялись за меня. Кроме того, я была уверена, что Лукашенко отомстит за белые тапочки, которые выслала ему по почте на день рождения, после высказывания, что я обращалась к нему с просьбой похоронить мужа. Вначале я сделала попытку вывезти только детей, чтобы без оглядки продолжать работать, но безрезультатно. Должны были выезжать или все, или никто. Еще я думала, что в

свободной, демократической Европе будет больше возможностей заниматься политикой, борьбой против диктатуры. Но, увы, белорусской проблемой занимаются только те политики, кто по роду деятельности должен этим заниматься, и общаются только с теми белорусами, кто приехал к ним из Беларуси. Чтобы обозначить свою работу и поставить галочку. Одного я знаю политика, который составляет исключение. Это Ханс-Георг Вик.

Как долго я буду в Германии? На этот вопрос могу ответить однозначно. Как только в Беларуси произойдут соответствующие перемены, я вернусь.

Материал подготовлен 7 августа 2006 года.

Инна КУЛЕЙ

Многие знали о ней по тем полезным и нужным вещам, которые делала «Вежа». А после того как ее муж Александр Милинкевич стал единственным кандидатом от демократических сил на президентских выборах 2006 года, узнали даже те, кто вообще не занимается политикой. Она предпочитает быть не только супругой. Впрочем, обо всем по порядку.

- Вы родились...

- 11 ноября 1960 года в деревне Крюки Брагинского района Гомельской области. Почему там? Мама, Евгения Васильевна, тогда была учительницей белорусского языка и литературы в соседней деревне. А отец, Феликс Иванович, пионервожатый. Их фамилия – Кулей. В двух браках я ее не меняла. Отец в то время оканчивал юрфак БГУ. С мамой они познакомились в школе, где вместе играли «Паўлінку». Папа - пана Быховского, мама - Павлинку. Поженились и родилась я, единственный ребенок в семье. Это потому что у мамы большие почки, и она при родах чуть не умерла. Через десять дней у нее началась почечная эклампсия, то есть недостаточность. Целый год она лежала в больнице. Меня растила бабушка Анастасия Васильевна, мамина свекровь. Они тогда жили в Комарине Брагинского района. Бабушка умерла в 2006 году, 5 ноября. Через десять дней ей исполнилось бы 90 лет.

Моей родной деревни нет. Там сейчас Чернобыльская зона. Жаль, в Крюках росла очень большая клубника, в местной речушке водились угри.

Дедушка Иван Нестерович был прокурором, наверное, именно поэтому моего отца и назвали Феликсом. Они так не говорили, это мое предположение.

Мама сначала закончила Мозырский педагогический техникум. Она из деревни Старые Головчицы, что в Петриковском районе. Только в 2001 году я узнала, что Михаил Афанасьевич Маринич ей какой-то дальний брат. После семи классов она ходила в другую школу за семь километров. Очень хотела учиться. После поступления в техникум моя вторая бабушка Евдокия Филимоновна

носила ей за спиной картошку, сало и т.п. Потом мама окончила Могилевский педагогический институт.

Отца послали следователем в Ляховичи. Мама, славу Богу, выздоровела. Бабушка три раза в день возила меня на саночках к ней в больницу кормить. Это посоветовали врачи, чтобы был интерес к жизни.

В Ляховичи меня привезли в два с половиной года. Там пошла в школу. Потом мы переехали в Ганцевичи, где я в общей сложности прожила 23 года. Оттуда поступила в столичный пединститут. С третьего раза. Дело в том, что по совету мамы я выбрала, факультет дефектологии, куда всегда очень маленькие наборы. Таких вузов в СССР было только пять. Конкурс - 25 человек на место. Два года моих двух пятерок и двух четверок не хватало, а потом все же поступила, сказавшая трудовой стаж работы в библиотеке.

Я по натуре – сорванец. Учеба мне дается легко, но я не усидчивая. Даже сейчас люблю вязать и вышивать, но не умею хорошо шить, ибо для этого нужно от всего отвлекаться. Мое шитье ограничивается наволочками и прострочкой простыней.

Учиться было трудно и интересно. Наша специальность (на стыке медицины и педагогики) предусматривает постоянную практику. По утрам мы ездили по специальным детским садам, больницам, а после обеда – занимались. Но и стипендия была особая - 60 рублей. По тем временам очень много.

На четвертом курсе вышла замуж. Владимир – рижанин. Мы познакомились так. Со мной в одной группе училась и жила в одной комнате девушка, у которой в Риге был брат. Владимир его друг. Мы с ней вместе поехали в Ригу, где и познакомились. Владимир тогда учился в мединституте. Свой вуз он бросил, приехал в Беларусь. Поначалу работал грузчиком на камвольном комбинате, где можно было не иметь минской прописки, а затем по направлению поступил в Витебский технологический. Почему не в мед? Он хотел, но не приняли. Сказали, что в Латвии есть свои.

После своего вуза я тоже могла поехать работать в Ригу, но там было нужно учить латышский язык. Быстро и на очень высоком уровне, иначе я бы просто не смогла

работать. Была возможность остаться в Минске, но здесь тогда нужно было ждать квартиру минимум 14 лет.

Мы приехали в Ганцевичи. Через полгода папу перевели на работу в Брест, а мы остались. Вскоре у нас родился сын Игорь.

Через четыре года кого-то из сослуживцев отца направляли в Ганцевичи. Отец предложил посмотреть наш дом. Так мы оказались в Бресте. Обменялись, как говорится, не глядя. Впервые я увидела свою новую квартиру, когда перевозили вещи.

Муж пошел работать на обувную фабрику, а я в среднюю школу номер 12. Через несколько лет начались известные события начала 90-х годов, когда многие решили заняться каким-то предпринимательством. В том числе и Владимир. Возможно, именно поэтому и начались наши семейные проблемы.

- Насколько мне известно, вы и сейчас дружите?

- Совершенно верно. Мы дружим семьями. И все наши дети общаются.

...Не каждый может справиться с испытанием большими деньгами. Словом, все закончилось обычным служебным романом.

...Когда разводились, судья предлагал подумать, но мы ответили, что дело не в паспортном штампе.

Если супружество не есть вся жизнь, то что тогда? Мне захотелось в чем-то себя найти. Во многом помог священник Збигнев Короляк, которого потом депортировали из Беларуси. Именно он посоветовал сменить окружение и стиль жизни. Я активно начала заниматься общественной работой. Вначале создала и возглавила организацию «Семья семей», затем меня пригласили на тренинг фонда «Каунтерпарт». А вскоре и самой предложили стать тренером. Благодаря этому объехала почти всю Украину и Беларусь.

- И встретили Милинкевича?

- Да. С Александром мы познакомились в 1997 году. Я приехала в Гродно на тренинг. Это произошло само собой. Как говорится, душа не терпит пустоты. У Милинкевича что-то не ладилось в семье. Было заметно, как Александр задерживался на работе до позднего вечера. Так бывает, когда человек не спешит домой.

Да и в моей семье уже несколько лет были определенные проблемы.

До этого я никогда не обращала особого внимания на чужих мужчин, считала, что это как картина на стене или телевизор в холле. С чужими мужчинами могли быть лишь совершенно невинные дружеские флирты типа улыбок и знакомств. Никакие отношения меня никогда не интересовали.

А здесь была какая-то божья искра. Иначе и объяснить невозможно - он был женат, я замужем. Мы достаточно ответственные люди, в таком возрасте все ломать нелегко. Наши отношения развивались как бы по нарастающей. Стало понятно, что мы подходим друг другу, понимаем и дополняем один другого, но никто тогда не думал о некоем браке. Точно, что эти отношения не были «встретились-разбежались», и точно, что сразу не было мыслей создать новую семью. Такое в жизни случается лишь однажды, если случается вообще.

Расписались мы только через пять лет, хотя в своих семьях все рассказали практически сразу. Лгать и выкручиваться не хотелось. Мой муж говорил, что это через какое-то время пройдет, как было с ним. В семье Александра тоже все восприняли сложно, ибо за спиной более 20 лет брака. Его старший сын стал уже взрослым. Словом, было непросто. Никому не хотелось делать больно. Моим родителям, родителям его жены, так как у Александра их уже не было. А друзья, окружение? У каждого из этих людей свое виденье мира, и так вот просто сказать - у нас очень большое счастье, а вы, как хотите, так и живите - нельзя. Необходимо было это как-то доказать самим себе и всем окружающим.

Хочу подчеркнуть особо: мама готовила меня к тому, что женщина - дом, мать, тепло и так далее. Наверное, я так бы и прожила свой век, если бы не было неких неординарных поворотов, встреч с интересными людьми, самого лучшего знакомства в моей жизни. Скорее всего, жизнь бы прошла по схеме: дом-семья-быт. Меня карьера как таковая не интересует. Я не такая, как современная молодежь, воспитана в патриархальном духе. Если завтра муж скажет, что ему плохо, и он хочет уехать, чтобы

писать мемуары, я не буду делать карьеру. Уеду вместе с ним.

- Многие политики считают, что Кулей управляет Милинкевичем?

- Это проблема политиков.

- Что, нет никаких оснований?

- Нет.

Приклеить ярлык всегда просто. Мое твердое убеждение: для того чтобы понять, нужно узнать. Нельзя что-то утверждать, не зная истинного положения вещей. Недостаточно видеть, как Александр советуется, например, со мной, с Виктором Корниенко, с Павлом Можейко, Жанной Литвиной или Валерием Фроловым, и сделать вывод, что кто-то им управляет. Александром просто нельзя управлять, потому что это достаточно сильный человек. А сильный вовсе не значит нерешительный. Это значит – разумный, рассудительный.

Мы поженились только через пять лет после знакомства. Это вовсе не нерешительность. Это серьезный подход. Его нельзя к чему-то склонить.

Теперь, что касается меня. Одни говорят: лучше бы тебя не было рядом. Другие вспоминают Раису Горбачеву. Я никого не хочу напоминать. Ни Раису Горбачеву, ни Хиллари Клинтон. Жизнь научила меня быть сильной, хотя и росла в благополучной семье. Всего старалась добиваться сама. Кстати, Александр очень много помог, когда создавалась «Вежа». Это его предложение. «Ратуша» уже была, а «Вежа» нет. И это далеко не единственный подобный случай. Мне было приятно, что появился человек, который берет на себя ответственность. Все мужчины, которых я до этого в жизни встречала, были слабее меня. Кроме моего отца. Если Александр говорит: «Я так думаю», то понятно, что я могу замолчать. Или: «Я так считаю». Это не означает, что спор закончен. Я более эмоциональна и, бывает, еще пытаюсь что-то доказать, и он тогда повторяет, что считает иначе, а мне потом все объяснит. Им просто невозможно управлять.

- То есть это миф?

- Совершенно верно. У нас патриархальное общество. Все привыкли, что речь может идти только об управлении. В реальности все не так.

Если говорить об Александре Ивановиче Бухвостове, то его жена тоже ходит почти на все митинги. Мы с ней знакомы. Она очень активна, но не ведет никакой партийной работы. А жена Сергея Ивановича Калякина – абсолютно домашний человек.

То есть у каждого свое представление о том, какой должна быть супруга. И это их право. Если у нас с Александром представление другое, то это вполне нормально. Он знает, что я всегда готова «подставить плечо». В чем бы ни было. Или это политическая жизнь, или речь об обычной болезни. Я тоже уверена в том, что всегда могу полностью на него рассчитывать.

В тот момент, когда он делает политическую работу, а я могу себя реализовать в чем-то другом, то этим и занимаюсь. Почти год работает Комитет защиты репрессированных. Это часть движения «За свободу!», но не часть Милинкевича. Это общественная работа, которую мы делаем с группой других людей, и не все из них занимаются чистой политикой. Если я параллельно с деятельностью Александра занимаюсь полезным делом, то не думаю, что должна от чего-то отказаться.

Но я еще раз повторяю: если что-нибудь произойдет, всегда буду с ним рядом. Так прожили жизнь мои родители – всегда вместе, с любовью поддерживая друг друга. Как это было тогда, когда Александру сделали операцию. Я тогда еще работала в Бресте, но сразу же приехала к нему, чтобы быть рядом. Не все знают, что после нее начались первые собрания по конгрессу, и что Александр с трубочкой, соединяющей почку, из которой удалили камень, с мешочком на ноге объехал всю республику. Я в курсе потому, что была у него добровольным водителем и каждый вечер меняла бинты. Это было через пять дней после операции.

- В чем, на ваш взгляд, суть счастья?

- Быть в ладу с самим собой, близкими людьми, окружающим миром. Для меня очень важно, когда я не доставляю кому-то боль, но это вовсе не означает отказ от каких-то принципиальных поступков.

Как говорится, человек рождается и умирает один. В моем понимании мы приходим в этот мир для некоего самосовершенствования, внутреннего самовоспитания.

Счастье, когда твое «я» окружено другим «я», с которым хорошо и уютно. Когда рядом любимый мужчина, любимые дети, надежные друзья и товарищи по работе. Когда люди тебе улыбаются.

Материал записан 17 марта 2007 года.

www.kamunikat.org

Антонина КОВАЛЕВА

Эта женщина занялась политикой вовсе не потому, что сама этого хотела. Протестовать ее вынудили. Как и почему, понятно из нашего разговора.

- Это не допрос, но я все же поинтересуюсь местом и временем рождения...

- 12 апреля 1959 года. Деревня Окуневка Шкловского района Могилевской области. В некотором роде я землячка президента. Родилась в День космонавтики, в сельской семье, пятой, то есть самой младшей. Отец, Климентий Семенович, был рабочим в совхозе. Мама, Татьяна Ивановна, домохозяйка.

Со старшим братом Анатолием у нас довольно приличная разница – 20 лет. Его уже нет, он погиб в автомобильной катастрофе.

Двух других братьев зовут Владимир и Леонид, сестру - Людмила.

О детстве у меня самые хорошие воспоминания. Казалось, все меня любят, и я тоже всех люблю. В школу пошла там же. Причем очень этого хотела. Принимали с семи лет, а я научилась читать в пять, а то и раньше. Очень любила, когда мне читали книги, и ко всем приставала с такими просьбами. Мне не отказывали, но советовали научиться читать самой. Память у меня хорошей, наизусть знала много стихов, потому умение читать далось легко. Училась по газетным заголовкам. Взяла «Советскую Белоруссию», где была статья «Спасибо инженеру», и всех спрашивала где, какая буква. Потом были и другие статьи. Помню: раннее утро, топится печка, я сижу возле окна и по буквам читаю Л-Ю-Д-З-И-Н-А- Б-А-Л-О-Ц-Е.

Кто-то услышал и говорит: смотри уже читает. Запомнилось, что второй книжкой были «Три мушкетера». Буквы учила по газете, поэтому некоторых в книжном исполнении не знала. Например, что значит «б», ибо в заголовках всегда было «Б». Помню, мне было также непонятно сокращение «г-жа Бонасье». Я не понимала, что значит «г-жа», пока не сказали - это госпожа.

Вокруг деревни была очень красивая природа, правда, до леса далековато. Туда ходила за грибами с отцом. И вообще, я любила, когда он брал меня с собой. За дровами, пасти коров... Он мне много всего интересного рассказывал. У него была большая семья (десять детей, восемь братьев и сестра). Братья перебрались жить в Москву, а отец выбрал деревню.

«Первый раз в первый класс» ходила ... дважды. Мне было шесть лет. Я пришла, села за парту, начала что-то читать. Потом в класс зашел директор и сказал: извини, взять тебя не могу, приходи через год. Вторая попытка была, естественно, удачной. Хотелось пойти учиться пораньше, потому что у меня была подруга (ее тоже звали Тоня, на год старше меня), которую взяли в школу, а меня нет. Хотелось быть с ней в одном классе.

Училась очень хорошо. В нашей деревне была восьмилетка, а старшие классы в соседней, каждый день шли пять километров в одну сторону. Золотой медали не получила, одна четверка по сочинению. Свободной темой была роль коммунистов в каком-то процессе. Я взяла себе за основу «Поднятую целину» и слово «партячка» написала с твердым знаком.

После школы поехала в Минск поступать на юрфак.

- Почему?

- Несмотря на пятерки по точным наукам, была в душе гуманитарием. К слову, в школу пошла левшой. Там меня переучили. В начальных классах дома писала левой рукой, а в школе – правой. Таким образом, я переученная левша, а общеизвестно, что у левши строение мозга несколько иное. У них ведущим является правое полушарие, которое отвечает за воображение, языки, склонность ко всяким искусствам. Поэтому выбирала факультеты, где не нужно сдавать математику. Таким тогда был юридический. Кстати, на истфаке ее тоже не было, и я колебалась.

Старший брат Володя, который тогда работал в институте ядерной энергетики и жил в Минске, посоветовал попробовать стать юристом. Конкурс был крупнейший, в основном туда брали людей со стажем или после подготовительного отделения. Я подумала, что это

хороший шанс проверить себя – настоящая отличница или надо делать скидку на сельскую школу?

Учеба на юрфаке, как и в школе, давалась легко, хоть в университете не была отличницей. Честно говоря, меня привлекали «соблазны большого города», хотелось ходить на концерты, спектакли. Училась хорошо – нужно было получать стипендию. Брат Леонид отслужил в армии и поступил в институт, то есть в нашей семье было два студента, что в материальном плане непросто. Время от времени подрабатывала – по ночам сортировала письма на железнодорожном почтамте. Отличницей быть не хотелось. Этот груз надоел еще в школе. Учиться на пятерки было недостаточно, добавлялись еще и общественные нагрузки. Именно они меня и тяготили. Не хотелось заниматься комсомольской работой, ибо в ней многое было профанацией.

В комсомол я не хотела вступать. Была в деревне диссиденткой. Слушала по «Спидоле» «Голос Америки», который глушили. Отец рассказывал и про репрессии, и про Сталина. Кстати, про Сталина первый раз услышала еще до школы.

Читала всё, что попадалась под руку. Моя двоюродная тетя Варя, простая деревенская женщина, услышала, как я озвучиваю какой-то старый песенник, и на мой вопрос, кто такой Сталин, ответила: «Бандит. Ён людзей рэзаў».

Потом был более подробный рассказ отца про Беломорканал, на стройке которого несколько лет отработал один из его братьев.

В 14 лет пришлось поступиться убеждениями, ибо Володя сказал: если ты не будешь комсомолкой, то просто не сможешь дальше учиться. Единственное, что мне нравилось, так это клуб эрудитов типа «Что? Где? Когда?», и мы ездили в районный центр на соревнования. Думаю, не без моей помощи наша школьная команда там заняла второе место.

После юрфака меня направили в Шкловскую нотариальную контору, где проработала совсем недолго. «Открепилась» потому, что муж работал в Минске. В столице вначале работала в нотариальной конторе Первомайского района, потом в городской. В 1989 году

решила себя попробовать на чем-нибудь на частной ниве и перешла в правовой кооператив, который специализировался на адвокатских функциях. Быть адвокатом и нотариусом – разные вещи. Наверное, теперь подобное почти невозможно, а тогда мы выиграли дело, суть которого в возмещении человеку вреда, причиненного администрацией завода. Ему стали платить совершенно другую пенсию. Это была большая победа всего нашего кооператива. Как раз в это время мне позвонили из Министерства юстиции и предложили поработать вместо ушедшего на пенсию главного специалиста по нотариату.

Помню, на коллегии заместитель министра Ловчий отметил мои очень положительные характеристики и спросил, есть ли у меня намерение со временем вступить в КПСС. Я ответила, что для того, чтобы как-то закрепить мои положительные качества, пребывание в партии необязательно, лучше буду «сама за себя». С этого момента меня в министерстве начали считать неформалкой.

Осенью 1992 года из Министерства юстиции уволилась, и почти в это же время приняли постановление о частном нотариате. Мое заявление было самым первым в республике, а лицензия – пятой.

Частным нотариусом я проработала до 1 февраля 1999 года.

- Потом частные нотариусы столкнулись с законотворчеством небезызвестного Пласковицкого?

- 1 февраля 1999 года истек срок моей лицензии, которую не продлили на основании того, что у меня «недостаточно широкий кругозор». Не думаю, что проблема только в Пласковицком, который тогда возглавлял главное государственно-правовое управление (ГПГУ) администрации президента, хотя инициатива первоначально исходила именно от него. Говорили, что у него по поводу частных нотариусов был какой-то «пунктик».

Поползли слухи о неких чрезмерно больших деньгах, результатом которых стал президентский декрет «О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь» от 3 мая 1997 года, который жестко регламентировал наши доходы. Около 80 процентов выручки мы должны были сразу отдавать в бюджет, а из оставшихся средств

оплачивать все расходы и высчитывать доходы. Так проработали целый год. Только после этого нас обязали задним числом выплатить все, что мы якобы не заплатили за последние пять лет. Причем в каждом конкретном случае все решала специально созданная межведомственная комиссия. Именно она заочно решала судьбы и определяла, кто и сколько должен платить. Полный бред.

Я не согласилась с теми цифрами, что мне «от бабды» написали. Тогда они подали в суд. Примечательно, что нужное судебное решение было вынесено 3 декабря, а 14 декабря президентским указом «и.о. судьи» назначили судьей. То есть решение по моему делу вынесла та, кто на это вообще еще не имела права.

В конце января отклонили мою кассационную жалобу, а через несколько дней лишили лицензии. Кто-то, наверное, решил, что слишком много жалуюсь. Я действительно использовала все возможные способы правовой защиты, хотя и понимала, что, наверное, многие считают меня наивной, если не сказать хуже. Главным было не желание сберечь какие-то деньги, хотя и это немаловажно. Я была возмущена и потрясена тем, как вероломно поступила с нами власть. В конце концов, у каждого должно быть чувство собственного достоинства.

- А как вы понимаете суть счастья?

- Счастье – это краткие жизненные моменты, когда человек ощущает особый подъем и абсолютную гармонию с миром. Есть и другие чувства и состояния – удовольствие, радость, вдохновение и прочее. Так как я еще, надеюсь, не всю жизнь прожила, не могу судить о том, насколько она удалась.

С точки зрения простого обывателя мою жизнь можно считать неудавшейся. Работы нет, карьера загублена, в профессиональном плане потеряно много. Словом, одни руины.

Но я не кривлю душой, когда говорю, что у меня все нормально. Это не пафос. Я действительно полагаю, что человек чувствует себя счастливым, когда живет в согласии с самим собой. Приведу простой пример. Поскольку по профессии юрист, то теоретически вполне могла бы сегодня занимать должность судьи. Не могу себе представить, что на работе я отправляю в тюрьму парня

или девушку только за то, что они посмели выразить свое отношение к действующей власти, а вечером, придя домой, спокойно готовлю ужин для семьи и детей – может быть ровесников тех, кого отправила в заключение. Поэтому благодарю Бога за то, что мне не приходится ломать себя и идти против совести.

- Я так понял, что не вы пришли в политику, а политика пришла к вам?

- Я себя политиком не считаю. Никогда не занималась политикой, а по жизни просто являюсь диссиденткой. Человеком меньшинства.

Иногда думаю, что когда нынешние противники режима придут к власти, автоматически окажусь в оппозиции. Так уж я устроена.

Материал записан 17 октября 2006 года.

Ирина КОЗУЛИНА

Как и многие, я очень сочувствую этой женщине. Не стану еще раз напоминать, как и при каких обстоятельствах ее муж, бывший кандидат в президенты, Александр Козулин был лишен свободы. Отмечу только, что преклоняюсь перед ее мужеством и целеустремленностью.

- Я родилась 19 октября 1959 года в деревне Дявги Столбцовского района Минской области, где было сорок домов. Жила с родителями у бабушки с дедушкой. О детстве остались самые светлые и нежные воспоминания. У меня есть брат Сергей, который на четыре года младше.

Когда мне было пять лет, мои папа Иван Михайлович и мама Данута Викентьевна переехали в Дзержинск. Отец работал водителем. Мама, будучи заведующей клубом, окончила библиотечный техникум. После переезда в Дзержинск стала трудиться в книжном магазине.

Жили скромно. Мать была вынуждена пойти на работу, когда брату исполнился только год. Она прибегала на обед, чтобы нас накормить, и снова убегала. Мои родители не могли позволить себе роскошь не работать. Помню, прямо напротив нашего дома был детский сад. Когда брат спал, я смотрела в окошко и завидовала счастливым детям, которые могут в свое удовольствие гулять целый день.

В школе была отличницей, занималась баскетболом. Была активной девочкой, пионеркой, потом комсомолкой. Тогда все было искренним, шло от души.

После школы в 1976 году приехала в Минск поступать в Белорусский государственный университет на механико-математический факультет. Как и многим девочкам в то время, хотелось быть учительницей. В БГУ я поступала не только потому, что это – лучший вуз страны. На биологический факультет когда-то не прошла по конкурсу моя мама. Так как у меня была золотая медаль, сдавала только один предмет, получила по устной математике пятерку и стала студенткой.

Моя девичья фамилия Соболевская. Родители по-разному относились к нашему с братом образованию. Мама следила за оценками и строго спрашивала, если у

меня проскакивала где-то четверка. Папе не довелось выучиться полноценно в школе. Поэтому он не вникал в наши школьные дела. Он даже не знал, что я заканчиваю школу и «иду на медаль». Однажды он спросил у мамы: «Слушай, а что это наша Ира такого сделала, что ее наградили медалью? Меня все поздравляют, а я не в курсе. Что, она на пожаре кого-то спасла?»

На первом курсе каждый день ездила в Дзержинск. А на втором мне, как настоящей активистке, дали общежитие. Я была профоргом группы, затем – членом профбюро факультета. Там я и встретила Козулина.

- Он тоже был активистом?

- Да. Саша отслужил в морской пехоте и вернулся в БГУ, перевелся с вечернего отделения на дневное. У нас в одном помещении был профком факультета и комитет комсомола. После занятий мы всегда бежали туда. Было интересно, весело.

Позднее Саша рассказывал, почему внимание обратил именно на меня, а всего на факультете было полторы тысячи человек, из них тысяча девчонок. Однажды дежурила в комитете комсомола. Дежурство предполагалось до четырех часов дня, но Саша попросил немного задержаться. Я пообещала. Козулин пришел почти к семи часам вечера и не мог скрыть удивления, увидев, что я его жду. В ответ изумилась не меньше, ибо не понимала, как можно не сдержать слово.

Этим его, наверное, и покорила. Мы встречались год, а затем 25 ноября 1978 года, в его день рождения, поженились. Я была на 3-м курсе, а Александр на 4-м.

Мы, правда, пообещали родителям, что пока не закончим университет, детей заводить не будем. Но 15 февраля 1980 года появилась старшая дочь Оленька. Так что на защиту диплома я шла уже с годовалым ребенком.

Так как училась хорошо, были предложения остаться в университете, но я до сих пор считаю, что тогда поступила правильно, выбрав конструкторское бюро точного электронного машиностроения, где работала программистом. Более известное название – НПО «Планар». На мой взгляд, муж с женой, особенно в первое время, должны работать в разных местах. Когда они «варятся в одном котле», то это не идет на пользу семейной жизни.

Мне с людьми всегда везет. Я попала в замечательный коллектив. Была интересная, востребованная работа. Было взаимопонимание и уважение в коллективе. За 16 лет работы не припомню ни одного конфликта. Мы жили насыщенно: занимались народными танцами, ездили на турслеты. Кстати, это весьма показательный момент. Многие замужние женщины не могли себе подобное позволить. Их не отпускали ревнивые мужья. У нас же в семье никогда даже не ставился так вопрос: отпускаю - не отпускаю. Я всегда ездила на мероприятия без каких-либо намеков на ревность. Точно такое же уважительное отношение было и с моей стороны к Александру.

После окончания БГУ с красным дипломом он работал секретарем комитета комсомола механико-математического факультета, а с 1983 года - секретарем комитета комсомола БГУ. Затем стал деканом подготовительного отделения, в 1987 году защитил диссертацию по дифференциальным уравнениям. С 1988 года Александр начал работу в Министерстве образования. Вначале был начальником отдела перспективного развития и информации и занимался организацией лицеев, колледжей и т.п. Кстати, в своей книге «Лицэй» Владимир Колос вспоминает, с какой энергией работал Козулин. Я помню, как активно шло создание учебных заведений нового типа.

Затем Союз развалился, связи разорвались, в КБТЭМ стало меньше заказов. Дошло до того, что мы, приходя на работу, не могли снять верхнюю одежду: так было холодно. Из конструкторского бюро мне пришлось уйти.

- У вас две дочери?

- Совершенно верно. Ольге 26 лет. Когда она заканчивала лицей БГУ, хотела пойти на юридический факультет. Ее отговорил отец. Дескать, по возрасту она еще совсем юная. Оля послушалась и пошла на отделение иностранных языков филологического факультета. После третьего курса вновь решила выбрать юрфак. Было два варианта: пойти сразу на третий курс, доздав кое-какие экзамены, или идти на первый и учиться пять лет. Оленька обратилась к отцу за советом. Муж ей сказал, что если речь идет только о дипломе, нужно идти на третий курс. Если же целью является доскональное освоение профессии, то

учебу следует начинать с первого. Ольга поступила на первый курс. Я ей горжусь, ибо к тому времени, когда она заканчивала филфак и была на втором курсе юрфака, уже вышла замуж и родила ребенка.

Юленька получила диплом юриста с отличием в 2005 году, когда фамилия отца с подачи властей шла «красной строкой». Ей было очень трудно найти работу. В результате пошла на предприятие, которое уже обанкротилось. Теперь она в судах защищает интересы этой компании.

Юлии сейчас 20 лет. Она учится на факультете международных отношений. Изучает международное право. Поступала, когда уже над мужем сгустились тучи и всем было ясно, что вопрос его руководства БГУ уже решен, а снятие с должности - дело всего лишь каких-то месяцев.

Юленька училась в лицее, занималась с репетиторами. Мы понимали, что контроль за ней на вступительных экзаменах будет особым. Так и произошло. Историю Беларуси сдавали письменно. Прямо перед ней сел проверяющий и, как только она сдала свою письменную работу, он попросил все отксерить для того, чтобы никто ничего не смог поправить. На экзамене по английскому языку он несколько раз просил ее пересесть, чтобы спутать какие-либо возможные варианты. Мы с мужем были очень рады, что Юленька сумела проявить самообладание, не дала поводов проверяющим из Комитета государственного контроля усомниться в своих знаниях.

- Вопрос несколько философского плана. В чем суть счастья?

- В каждый период времени человек понимает его по-разному. Для меня сейчас - это быть вместе с мужем.

Я благодарю судьбу, что свела меня именно с ним. Несмотря на все трудности, я не поменяла бы ни одного дня нашей жизни.

Я счастлива, потому что у меня есть мужчина, которого я люблю и которым горжусь. Все негативное, что происходит сейчас, расцениваю как временные трудности и уверена, что они скоро закончатся.

Материал подготовлен 3 ноября 2006 года.

Людмила ПЕТИНА

Сразу же хочу оговориться, что планировал поговорить с Людмилой Петиной только о ее жизни, а не об общественной и политической работе. Но разговор повернулся в эту сторону. Почему? Очень надеюсь: ответы есть и в этом интервью.

— Я родилась в мае 1950 года в Минске. Это было нелегкое послевоенное время, помню развалины в центре города. Быт был предельно скромным, люди только начинали заново обустраивать жизнь. В каждой белорусской семье были большие человеческие потери. Репрессии и война прервали связь поколений, это коснулось и нашей семьи. Родители моей матери и отца ушли из жизни еще до моего рождения. Из детства вынесла разные воспоминания и впечатления. Некоторые моменты вспоминаю не слишком охотно: у меня были тяжелые взаимоотношения с отчимом. Очень рано я поняла, что мужчина может быть не защитником, а деспотом в семье. К тому же в детстве я очень много болела, иногда по полгода пропускала учебу. Но училась хорошо, много читала, даже была отличницей в некоторых классах. С того времени осталось много светлых воспоминаний, связанных со школьными друзьями, вечерами, походами. С детства любила путешествия, и эта страсть осталась навсегда. Несколько раз меня отправляли в крымские санатории. Помню, когда мне было всего 11 лет, самостоятельно добралась с пересадками до детского санатория в Феодосии. Маму не отпустили с работы, чтобы меня сопровождать, да и стоимость дороги в Крым была ощутимой для семейного бюджета. И я гордилась своей самостоятельностью и независимостью.

После школы поступила в БГУ. Поступала на геолого-географический факультет, но геологическое отделение позднее перевели в Гомель, где открылся местный университет. Заканчивала учебу в БГУ как географ, но интерес к профессии геолога все же смогла реализовать — после вуза работала в инженерной геологии, была в экспедициях, много ездила в командировки. Думаю, что выбор этой профессии был связан с поиском личной

свободы. Меня никогда не привлекала административная карьера, мне хотелось независимости, живого общения с людьми, личного развития. Позднее это интуитивное желание привело меня на курсы экскурсоводов, и экскурсии надолго стали моей профессией. Это была любимая работа, которая дала много. Прежде всего, глубокие и разнообразные знания. Я не любила пользоваться чужими текстами, всегда готовила собственную версию экскурсии. Самостоятельно изучала архитектуру, читала много разнообразной литературы по истории, в том числе и редкие архивные документы. Могу сказать, что хорошо разработанная экскурсия равносильна написанию кандидатской диссертации. Проводила экскурсии по 15 разным темам и маршрутам. Особо любимыми маршрутами были экскурсии по историческим местам — Мир, Несвиж, Слоним, Новогрудок и др. Работа в экскурсионном бюро дала также возможность путешествовать по всему Союзу.

Не следует забывать, что в советское время вся деятельность в сфере культуры, образования и просвещения имела жесткий идеологический контекст и ограничения. И, несмотря на то, что у меня была любимая работа, я постоянно чувствовала рамки этой несвободы. Однако постоянное общение с множеством интересных людей, которые были в туристических группах, коллегами-экскурсоводами в разных городах страны давало возможность прикоснуться к запретным темам. Пришло понимание истории, а также роли тотальной пропаганды в советской жизни. Я понимала, насколько фальсифицирована вся советская история, и особенно наша белорусская.

— И в это время наступила перестройка?..

— Как и для большинства людей моего поколения, перестройка — это водораздел в жизни. Внутренне была к ней готова, хотелось перемен, личного участия и влияния на жизнь.

Уже в конце 1990 года открыла частную туристическую фирму «Сусвет-тур». Учитывая большой и разнообразный опыт работы в туристической сфере, дела пошли сразу. Мы отправляли туристов за рубеж, проводили экскурсии по Беларуси. Я даже открыла курсы

экскурсоводов, где подготовка велась на белорусском языке. На наших курсах преподавали известные белорусские историки А.Грицкевич, В.Скалабан, З.Шибeko, приглашались лидеры белорусского национального возрождения.

В это же время была в водовороте политических событий. Стала членом Белорусского народного фронта. Позднее из этого общего национально-демократического русла выделилось много новых партий и организаций.

— Вы были одной из тех, кто создавал христианско-демократическую партию?

— Главная идея христианской демократии — примирение после прощения — была наиболее близкой политически. После второй мировой войны идеи христианской демократии на фоне побежденного тоталитаризма позволили гражданам Германии, Италии построить новое общество, наладить отношения между людьми внутри и с близкими странами-соседями. Именно эти идеи положили начало созданию Европейского Союза. Ситуация после крушения советского тоталитаризма была подобной, и мне казалось, что идеи христианской демократии будут адекватны нашему обществу. Поэтому и стала активно участвовать в создании Белорусской Христианско-демократической партии. Позднее была избрана заместителем председателя. Наша партия вошла в состав Интернационала Христианской Демократии (ИХД), штаб-квартира которого находится в Бельгии. Мне доводилось участвовать в заседаниях политбюро ИХД.

К середине 90-х годов наша партия стала заметной в большой политике, она была в числе основателей Христианско-демократического союза Восточной Европы, который, по сути, был первым формальным политическим объединением демократических партий в странах СНГ. В этот союз входили известные политики России, Грузии, Армении, такие как депутаты Российской Думы — Виталий Савицкий, Глеб Якунин, Валерий Борщев, член парламента Грузии — Георгий Чантурия. На первом конгрессе, который проходил в ноябре 1994 года в Тбилиси, была избрана вице-президентом ХДС ВЕ.

Судьба христианской демократии на пространстве СНГ была не простой. Трагически погибли ключевые

фигуры восточноевропейского союза. В конце 1994 года убили генерального секретаря ХДС ВЕ Георгия Чантурия, а в 1995-м была подстроена автомобильная авария президенту ХДС ВЕ Виталию Савицкому. К моему глубокому сожалению, уже к 1996 году деятельность ХДС ВЕ была приостановлена, идеи христианской демократии так и не смогли глубоко пустить корни на выжженной атеизмом постсоветской почве. На этом огромном пространстве пока нет примирения ни внутри общества, ни между бывшими республиками. Как не может быть полного согласия и прощения без покаяния.

— Ваша женская организация одна из первых общественных объединений. Как вы начинали?

— Да, нашей организации исполняется 15 лет. Создавали ее в начале 90-х годов активные белорусские женщины, которых волновали проблемы экологии, культурное и духовное возрождение страны. Я не была инициатором создания женской организации. В то время у меня была очень активная жизнь в бизнесе и политике. Но поддерживала постоянные контакты с большой женской группой, которая участвовала во всех политических акциях. Они предложили возглавить женскую организацию. Так возникла первая женская общественно-политическая организация Беларуси. Вначале она так и называлась — Женское Христианско-Демократическое Движение. Такое название организация носила до 1999 года, а позже была переименована в Женское Независимое Демократическое Движение. Это было связано с рядом причин — с изменением статуса организации, расширением спектра партнерства и др.

Следует сказать, что не в партии, а именно в женской организации удалось реализовать много полезных и важных дел. В девяностые годы помимо политической деятельности мы инициировали и проводили разнообразные культурные и гуманитарные акции. В течение многих лет совместно с театром «ЗНЧ», которым руководит Галина Дягилева, проводили театральные вечера в Минске и поездки в Зельву, посвященные памяти белорусской поэтессы Ларисы Гениуш. Мы помогали пожилым сельским женщинам, проводили акции для детей в онкологических клиниках. Еще в 1993-м родилась идея

создания женского бизнес-инкубатора для поддержки безработных женщин, и ЖХДД выступило инициатором создания женского предприятия «Пялёстак».

В то время мы находили средства внутри страны у белорусских предпринимателей и банкиров, среди которых было немало женщин. Государство еще жестко не вмешивалось во взаимоотношения общественных организаций и бизнеса. Но уже тогда власть игнорировала открытое сотрудничество с неправительственными организациями. Например, в апреле 1994 года мы проводили Международный конгресс «Женщина — Общество — Семья». По приглашению нашей организации в Беларусь приехали известные женщины-политики из 15 стран мира — США, Франции, Бельгии, Италии, Норвегии...

— Как сейчас живет Женское независимое движение?

— Трудно, но мы не теряем оптимизма, продолжаем работать, меняем формы деятельности.

Цели у нашей организации остались прежними: защита прав женщин и демократизация

общества. Ситуация в Беларуси не изменилась к лучшему, наоборот, в последнее время обострились проблемы женщин на рынке труда, резко обозначилась дискриминация в карьерном росте. За два последних года в государственной политике по гендерному равенству образовался полный провал — не действует Национальный совет, отсутствует национальный план. Наша задача заставить власть выполнять международные нормы и стандарты в отношении женщин.

Делать это сейчас совсем не просто. С каждым годом пространство свободы действий для неправительственных организаций сжимается. По сути, мы работаем в условиях репрессивного режима. Власть загоняет нас в замкнутое, порой андеграундное пространство, лишая доступа к медиа, возможности общаться с широкой аудиторией.

Говорить о будущем организации сейчас чрезвычайно сложно. Есть угроза потери легального юридического статуса по любому формальному поводу. Но организация — это прежде всего люди, идеи, действия.

— Вы счастливый человек?

— У каждого человека свое понимание счастья. Для меня это, прежде всего, состояние свободы. Возможность заниматься тем, что интересно и важно. Это удается, и я считаю себя вполне счастливым человеком.

Мне многое довелось увидеть, пережить, прочувствовать, побывать в разных ипостасях. Жизнь давала много возможностей, но и часто испытывала на прочность. Мы приходим в этот мир, чтобы понять и реализовать себя, а также научиться быть счастливыми.

Я всегда была ответственна за себя, не перекладывала свои проблемы на других.

Это касается и личной жизни. Сейчас она такая, какой ее выбрала, сохраняя личное пространство, вкус и радость жизни.

Подготовлено к печати 1 сентября 2007 года.

Татьяна ПРОТЬКО

Иногда я даже удивляюсь совсем не женской твердости этой женщины. В Беларуси ей грозит лишение свободы, такое впечатление, будто кто-то подсказывает именно вариант отъезда. Татьяна Протько явно не торопится с эмиграцией. Хотя ей и есть куда ехать.

- Предлагаю банально начать с самого начала...

- С удовольствием.

Я родилась 8 февраля 1951 года в Минске в семье журналиста. Отца звали Сергей Софронович, маму Ираида Ивановна.

- Довольно редкое имя...

- Бабушка объясняла, что оно состоит из двух имен. Говорят, это к счастью.

В жизни маму все называли Ириной, почти никто про запись в паспорте не знал.

Жили мы на улице Старовиленской, дом 18. Хорошо помню «старый город».

Отец работал в «Минской правде», затем перешел в журнал «Сельское хозяйство Белоруссии».

В семье кроме меня были брат Андрей и сестра Наташа. Сначала училась в 27-й школе, потом родители построили свой дом, что на втором Слепнянском переулке, в этом районе сейчас открылось новое здание Национальной библиотеки. Там пошла в 103-ю школу, которую и закончила с золотой медалью. Являлась одной из самых первых выпускниц. Поступила на физический факультет Белорусского государственного университета на вечернее отделение. Активно занималась комсомольской работой, возглавляла организацию сотрудников физического факультета. Ездила в стройотряды командиром и мастером. И в Беларуси, и за рубеж. Там же на факультете вступила в компартию и 15 лет была членом КПСС.

Была проффоргом нашей кафедры, которая все время соревновалась с кафедрой Станислава Станиславовича Шушкевича, поэтому его хорошо знаю.

Затем поступила в аспирантуру Института философии и права по специальности «Философские проблемы в естествознании». Научными руководителями у меня были Вячеслав Семенович Степин, ныне директор Института философии Российской академии наук и Михаил Александрович Иляшевич. Теперь он известный белорусский ученый, академик, человек просто огромной эрудиции. Когда-то именно он руководил фактическими наблюдениями за испытаниями водородной бомбы. Я считаю, что мне, как будущему ученому, очень повезло.

- А замуж?

- Замуж вышла, когда еще училась на физфаке.

Мой муж Дмитрий учился со мной в школе и с восьмого класса был в меня влюблен. Он утверждает, что все произошло в четвертом классе, но это было так давно, что сейчас, наверное, точно никто не скажет. После того как он отслужил в армии, мы поженились. Тогда нам было по 21 году, совсем молодые...

На последнем курсе учебы в БГУ у меня родился первый ребенок - дочь Анастасия.

Второй ребенок родился через 12 лет. Дарья.

Они разные, но обе очень хорошие девочки.

Однако вернусь к теме.

Учебу в аспирантуре, совмещал с работой в Институте истории Академии наук.

Там мы делали весьма значительную работу. «Мы» - это довольно большой коллектив, 105 человек, объем рукописи был около ста условных печатных листов. Были собраны материалы по истории науки Беларуси, по всем направлениям знаний. Несколько человек вызвали в ЦК КПБ (все начальство и меня), выразили «фэ». Дескать, есть установка, что до революции в Беларуси никакой науки не было. Все решили «свалить» на «мальчика», то есть на меня.

- ???

- В кавычках.

Ввиду того, что была одной из главных виновниц разноса, доверили выступить именно мне. Возможно, для публичного покаяния. Но его не произошло. Несмотря на столь высокий уровень слушателей, я еще раз заявила, что все написанное является правдой. Возникло замешательство, все понимали, что я права. Проблему

решили «спустить на тормозах». Никого наказывать не стали. Потом книга вышла объемом меньше 18 условных печатных листов, все остальное осталось невостребованным.

Естественно, после этого случая особого развития нашего отдела не было, и я ушла в докторантуру, полностью поменяв тему диссертации. Так появилась моя книга «Становление советской тоталитарной системы в Беларуси».

В процессе работы увидела, что в политической, экономической и социальной сферах жизни советских белорусов огромную роль играли спецслужбы. Традиционное виденье всего вокруг только через призму партийных решений является в корне неверным. Я стала интересоваться деятельностью спецслужб. Очень многое тогда не понимала, по сути была в этой области первой, прочесть где-то что-либо было невозможно, ибо его просто не существовало.

Я обратилась в Комитет государственной безопасности с просьбой разрешить работать в архиве с целью написания докторской диссертации. Мне очень повезло. Именно тогда начиналась первая волна демократизации общества. Появился парламент «времен перестройки». Там депутатом был заместитель председателя КГБ Геннадий Михайлович Лавицкий. Он пригласил меня на беседу, мы с ним разговаривали несколько часов. В итоге получила «добро».

Вначале работала следующим образом. Мне давали дела, в них лежали закладки, где я могла читать. Рядом сидел сотрудник КГБ, который следил за тем, чтобы читала только там, где разрешено. Конечно, это создавало определенный дискомфорт. Однажды пришел Лавицкий и спросил, как мне работается. Я ответила, что происходит почти полное воспроизведение той обстановки, о которой читаю. В ответ он предложил дать честное слово не читать там, где нет закладок. Отказалась. Это было выше моих сил. Если я нарушу обещание, то потом буду мучиться. Если не посмотрю, тоже буду мучиться от осознания: что-то важное упустила. Он ушел, с кем-то посоветовался и мне разрешили работать в полном объеме, но только не делать никаких выписок с тех страниц, где нет закладок, а читать

можно везде. К слову, меня это вполне устраивало, ибо подобный опыт уже был. Дело в том, что Бюро ЦК КПБ, чтобы внести свой вклад в перестройку, поддержало кампанию по ликвидации «белых пятен» в советской истории. Я работала в партийных архивах и научилась отделять зерна от плевел». «Оттепель» в Беларуси очень быстро закончилась, и в КГБ меня пускать перестали. Посоветовали ехать в Москву. Дескать, в Минске больше ничего нет. Я так и поступила. На Лубянке вообще не знали, что со мной делать. С начальником местного архива мы беседовали пять с половиной часов. В результате доступ к документам разрешили.

- А как появился Белорусский Хельсинкский комитет?

- В 1995 году прошел референдум, где, в частности, один из вопросов касался национальной символики. На следующий день гражданин Титенков забирается на крышу здания президентской администрации, разрывает на куски флаг и что-то на них пишет. В это время проходил очередной Съезд белорусов мира, ко мне подошли журналисты и рассказали, что сделанное Титенков решил увековечить с помощью телекамер. Я не поверила. Понимала, что совершенно уголовное преступление, но потом осознала, что они не шутят. Обратилась в республиканскую прокуратуру, где потребовала возбудить уголовное дело. Следствие шло месяц, самое интересное, что его вел некто Станислав Новиков, который сейчас курирует подготовку закона о СМИ. Меня вызывали на допросы, словно это я что-то нарушила. Титенков в одной из газет утверждал, что ничего подобного не совершал вообще, поэтому я обрадовалась, когда принесли пленку, которая разоблачала эту ложь. Ее кто-то затем «размагнитил», но с нее вовремя были сделаны копии. Смотреть видеозапись собралась почти вся прокуратура. Новиков был вынужден предложить вариант «утилизации». Титенков лишь нарушил какую-то инструкцию, о чем его поставили в известность. Словом, уголовное дело возбуждено не было.

Подобный вариант очень сильно возмутил, и я поняла, что для поисков правды нужны другие способы. Так возник БХК.

**-А как муж относится к занятиям политикой?
Насколько я помню, он фермер.**

- Был.

Мой муж окончил вечернее отделение в РТИ, учился уже после службы в армии. В это время он работал в управлении пусконаладочных работ Министерства автомобильной промышленности. Жили в небольшой двухкомнатной квартире в Серебрянке. Уже росли две девочки. Было понятно, что они выйдут замуж, и с нами, возможно, будут жить два зятя. Муж принял решение перебраться работать в сельскую местность, тогда была такая кампания, и стал заместителем директора колхоза. Там начал строить дом. Для строительства мы взяли в банке кредит, как говорится, успели в «последний вагон». Строим его уже много лет. Не закончен он и сейчас. Думаю, кто знает эту тему, меня поймут.

Колхоз сначала развалился вместе со смертью председателя. Потом опять воссоздался как «Ленинский путь». Муж ушел в фермеры, а недавно перестал быть и им.

К моему занятию политикой он относится нормально. Старшая дочь вышла замуж за американца.

- С этого места, пожалуйста, поподробнее.

- Это очень романтическая история.

Стася окончила «английскую спецшколу» и хорошо знала язык.

В начале 90-х у нас было модно приглашать читать лекции иностранных педагогов. Так приехал отец Шона Билл Келли. Манера читать лекции у них отлична от нашей. Преподаватели рассказывают разные истории, излагают свое мнение по поводу происходящих событий и смотрят, как на это реагирует аудитория. Профессор Келли именно по этой причине решил сменить переводчицу. Временно ему стала помогать Анастасия. Реакция аудитории стала своевременной и адекватной, он решил больше никого не искать.

Приблизительно за месяц до истечения контракта он пригласил в Минск свою дочь и сына. Так Шон попал на папину лекцию. Больше они со Стасей не расставались. Потом Шон звонил каждый день, говорили они по часу. Мы понимали, сколько это стоит, и бранили дочь. Она брала телефон в свою комнату и разговаривала с Шоном под

одеялом по ночам. Через полгода он приехал и попросил ее руки, чем нас очень озадачил. С ответом мы решили повременить, отложили это на год. Шон по-доброму оказался очень настырным.

В 1995 году мы сыграли две свадьбы. Здесь и в Америке.

У них четверо детей. У меня три внучки и внук. У всех имена чисто славянские - Анна, Александр, София и Маруся. Шон этим очень гордится и любит акцент, который у дочери еще остался. Он хочет, чтобы мы с мужем переехали в США. Причем больше своей жены. Меня он сразу начал называть мамой. Хитрый.

Вторая дочь сейчас учится.

- Традиционный вопрос насчет сущности счастья?

- Это целая философия.

Кстати, в американской конституции написано, что каждый человек имеет право на счастье.

Это очень индивидуально. Одни купили машину, построили дом – и счастливы.

Представление о счастье для каждого возраста и социальной группы свое. И оно, как и отношение к жизни, меняется.

То, что для меня было счастьем 20-30 лет назад, и сейчас – разные вещи. Но это счастье одного человека.

Сейчас я считаю счастьем, когда живы и здоровы все мои близкие. Когда мы все вместе. Когда понимаем друг друга и все происходящее вокруг. Суть счастья, на мой взгляд, состоит в том, чтобы жить в соответствии с тем, чему учил иудеев Иисус.

Материал записан 16 июня 2006 года.

Галина СЕМДЯНОВА

Фотография, где она изображена с одним из главных коммунистов республики во время процесса запрещения КПСС в Верховном Совете, почти так же популярна, как и известное фотоизображение поцелуя Кебича и Черномырдина. Но сегодня Семдянова немного ушла в тень. С этого наш разговор с Галиной Георгиевной и начался.

- Многие считают, что вы отошли от первых ролей в политике?..

- А можно ответить вопросом на вопрос? Вы больше десяти лет работаете в белорусской политической журналистике, а берете у меня интервью впервые. Почему?

- ...

- Когда была депутатом Верховного Совета, заместителем председателя Партии БНФ, журналисты особо не баловали меня своим вниманием. А сейчас, когда я просто обычный член Сойма Партии БНФ, все наоборот. Звонят домой, интересуются мнением. Так что ваш вопрос, в некотором смысле, риторический.

В общем-то цену себе знаю. И не только я. Когда в БНФ происходит нечто экстраординарное, ко мне часто обращаются за советом и помощью.

Я ведь не первый раз как бы уйду в тень. Когда в 1996 году окончили депутатские полномочия, стала работать в секретариате Верховного Совета и партийной работой не могла заниматься даже по закону. После того как в начале 1997 года Верховный Совет разогнали, Шарецкий предложил мне работать в секретариате уже оппозиционной структуры. Почти никто об этом не знал.

- Большинство контактировало с Валентиной Святской и о вас действительно не знало.

- Она была моим начальником по работе.

- Вскоре и сам «фронт» раскололся.

- Совершенно верно. В 1999-м. У меня был выбор между КХП-БНФ и Партией БНФ. Я выбрала второе.

- Почему?

- То, что делала КХП-БНФ и продолжает делать, если она реально существует, очень похоже на какую-то

мышиную возню. Это что-то несерьезное, политику так не делают. Я очень уважаю Позняка тех времен, когда мы вместе работали в парламенте. Он многому нас, и меня тоже, научил, но после того как Зенон Станиславович уехал и остался за границей, лично для меня он как политик стал неинтересен. Нет, я его не осуждаю, но и не возвожу в культ. Наверное, он выполняет нужную функцию, но я предпочла другой вариант поведения.

Позняк, как известно, остался руководить той частью, которая называется КХП-БНФ. Те люди, которые тогда осуществляли его идеи и программные установки, на мой взгляд, действовали неправильно. Мне подобное не нравилось.

Думаю, что в нашей структуре все гораздо лучше. Партия БНФ – открытая,

демократическая организация. У нас один из лучших лидеров во всей оппозиции.

Поэтому и выбор был таков.

Когда речь зашла о регистрации, я в Министерство юстиции ходила, как на работу, целых полгода. Проверяли все «от» и «до», но решение в конечном итоге было положительным. А потом КХП-БНФ подала в хозяйственный суд иск о нашей ликвидации. Потратили много времени, но дело выиграли. Наша задача не состояла в том, чтобы задушить ту структуру, нужно было отстоять свою.

- То есть вас «прессовало» не только государство, но и бывшие единомышленники?

- К сожалению.

Считаю, что после разделения мы выиграли. Стали более демократичны. И образованней. Сейчас в руководстве партии почти все с высшим образованием. Раньше было не так. Дело в том, что в числе сторонников БНФ, когда он был только движением, находились люди самые разные. В том числе с нездоровой психикой или обиженные на власть. Те, кто считал: «фронт» непременно встанет на их позицию. Кстати, власть бывает не права не во всех случаях. Например, если кто-то совершил преступление, то любая власть обязана его наказать. К сожалению, в движении БНФ были и такие факты.

Разбирались, если кто-то был не прав, ему об этом говорили.

В движение путь был открыт всем. Партия нечто более ответственное. В свои ряды мы принимаем всех желающих, но некий отбор все же есть, существует партийная дисциплина.

- Вы родились?

- 28 февраля 1947 года в городе Гдыня. Родители – участники войны. Мама, Елена Демьяновна, работала в госпитале старшей операционной сестрой. Отец, Георгий Степанович, воевал на торпедных катерах, а затем преподавал в военно-морских училищах. Много переезжали: Берлин, Лиенае, Ленинград, Астрахань, Батуми, Киев. Воспитывал меня отчим, Яков Иванович, военный летчик. Во время войны его сбили, был серьезно ранен, хотели даже комиссовать, но он отлежал в госпитале, прошел медкомиссию и опять летал. Закончил службу командиром дивизии, генерал-майором. О нем хочется сказать очень много теплых слов. Для меня он – образец порядочности, рассудительности, доброты. Я никогда не чувствовала себя неродным ребенком. Он меня любил, а самое главное, что очень нравилось, уважал. Видел во мне личность. У нас были до конца его дней просто уникальные отношения. Гены, конечно, влияют на развитие, но мои положительные качества воспитаны, прежде всего, им. Причем отчим не читал мне занудные нотации, как нужно себя вести. Просто его мысли, рассуждения, действия очень сильно на меня повлияли. Я не была с ним запанибрата, однако с моим мнением считались, как со взрослым членом семьи, с самого детства. Я не люблю, когда на меня кто-то давит, к чему-то принуждает, это приводит к совершенно противоположным результатам.

У меня три сестры. Старшая - Виктория, живет в Москве. Лилия младше меня, сейчас живет в Киеве. Марина, самая младшая, живет в Алуште.

Родители уделяли нам много времени: читали книги (вслух они прочитали нам почти всего Ж. Верна), ходили с нами в лес, на рыбалку, в кино, театр, на выставки, экскурсии и т.п.

Родители многому нас научили, что очень пригодилось в жизни. Умею практически все: шить, вязать, чинить водопроводные краны, красить, пилить, и т.д. Не могу только шить обувь.

Школу я окончила с золотой медалью. Поступила в Куйбышевский политехнический институт.

- Почему политех, женщины чаще выбирают мед или пед?

- Я «технар» по натуре. Кроме того, это семейная традиция. Мой дедушка по отцовской линии, Степан Петрович, был минером. К слову, находился вместе с лейтенантом Шмидтом на Очакове, когда там началось восстание. Его, как неблагонадежного, потом сослали в Харьков. По характеру он был спокойный, а бабушка, Анастасия Степановна, наоборот, очень энергичная.

Мой отец пошел по стопам своего отца, то есть на море. А дядя, Виктор Степанович, выбрал взрывное дело. Он окончил Ленинградский технологический институт, потом защитил кандидатскую и докторскую диссертации, занимался наукой, известный в своей сфере ученый. Во время войны дядя был в блокадном Ленинграде, затем в Куйбышеве (нынешней Самаре) организовал кафедру, ее возглавил, одно время был ректором института.

- Это же «железо»?

- Не железо, а химия, взрывчатые вещества. Совсем не женская работа, но мне очень нравилось, всем занималась с большим удовольствием, имею даже авторские свидетельства за изобретения. Кстати, кроме боеприпасов, мы занимались и абсолютно мирными взрывами.

- И личной жизнью?

- Да. Мой бывший муж, Борис Семдянов, окончил авиационный институт, его на два года призвали служить, и он остался в армии. Пришлось поехать по бывшему СССР. У нас двое детей: Дмитрий и Юля, разбежка между ними большая. Они уже взрослые, окончили вузы, имеют свои семьи.

К слову, одна из причин, по которым я сейчас меньше занимаюсь политикой, внук Женя. Ему сейчас около четырех лет, «работаю» бабушкой.

В Беларусь приехала из Перми, поменяла квартиру на Новогрудок.

- Почему именно Беларусь?

- Я когда-то с родителями в шестидесятые годы жила в Барановичах. Помню, как раз в это время в космос полетел Гагарин, и мы бегали, кричали «Ура!». Мне довелось побывать во многих местах, но нигде не было так комфортно, нигде не чувствовала, что дома. Странно, но даже в Украине, где часто бывала у бабушки с дедушкой, такого чувства не было. Люблю бывать в Украине, но мой дом здесь.

- Напомните, пожалуйста, как вы стали депутатом и вообще пришли в БНФ?

- В Новогрудок приехала в начале января 1983 года. До того как стала депутатом, проработала там семь лет. Устроиться на работу в райцентре сложно. Сначала была на заводе металлоизделий инженером-стандартизатором, потом агрохимиком в местной сельхозхимии, возглавляла там парторганизацию.

Затем работала инспектором комитета народного контроля. По большому счету, есть правоохранительные органы, которые должны заниматься тем, что делали мы, поэтому у меня было много вопросов о необходимости этого органа. В реальности все происходило следующим образом. Народный контроль обнаруживал нарушения законности и передавал документы в прокуратуру. Таких случаев было очень много, но прокуратура реагировала по звонку из горкома партии. Поэтому уже тогда понимала: что-то тут не так. По жизни я человек принципиальный, а те, кто меня знают, добавляют еще и честный. Во времена тотального дефицита я часто проверяла магазины, базы и т.д., но никогда, нигде, ничего не брала, даже если что-то было очень нужно. Об этом в Новогрудке все знали, поэтому, когда начались выборы, меня выдвинули от райкома профсоюза госучреждений. Горком партии тут же выдвинул, мне как бы в пику, очень сильную альтернативу – детского врача, заведующего отделением. Всего было зарегистрировано 8 кандидатов в депутаты. Первоначально вопрос даже ставился так, чтобы меня вообще не регистрировать, но работники автопарка собрали собрание и предложили мою кандидатуру от

своего трудового коллектива. Не зарегистрировать в такой ситуации стало вообще невозможным. Конечно, палки в колеса ставились, но существенно помешать они уже не могли.

Самое интересное, что я в тот момент была членом КПСС, более того, являлась членом парткомиссии горкома партии, то есть, по идее, должна была быть той, чью кандидатуру партийные органы должны поддерживать. БНФ ненавидела и считала, что это фашистская организация, то есть думала все то, что утверждала официальная пропаганда. Никаких структур «фронта» в Новогрудке не было, поэтому БНФ мной воспринимался как нечто страшное-престрашное. Не могла понять, почему в горкоме партии считают, что я приду в БНФ. Когда впервые в Верховном Совете увидела Позняка, только укрепились в своем негативном отношении. Буквально через несколько дней общения увидела, что бэнээфовцы выражают те же самые мысли, что и я, а Позняк совсем не страшный.

Поначалу это стало серьезным поводом для размышлений о том, правильную ли я информацию имею или нет. А через пару недель поняла: все, что нам говорят в СМИ, не соответствует истине. В это время начала формироваться группа единомышленников, которая впоследствии стала основой для фракции БНФ. Я в нее и вошла, вначале не будучи членом БНФ. Позже стала ходить на заседания Соймов и увидела, что людям о БНФ говорят неправду. То же самое происходит и сегодня. Пропаганда работает постоянно и здорово дезинформирует.

Будучи депутатами, мы много ездили по стране, встречались с людьми. Кстати, на эти встречи приходили как сторонники БНФ, так и недруги. После нескольких часов общения многие противники говорили: вы же, оказывается, совсем не такие, как нам объясняли. В общем, полностью повторялось то, что было со мной.

Из КПСС вышла в 1990 году. Уплатила взносы, полностью со всем рассчиталась. За свою деятельность в рядах КПСС мне не стыдно, но обидно, что верила в порядочность организации.

БНФ не отражает абстрактные, отвлеченные мысли, не волнующие народ. БНФ – та организация, которая

отстаивает взгляды всех. В первую очередь простых, обыкновенных людей, а не неких рафинированных интеллигентов. Тех, кого у нас больше 80 процентов, то есть значительного большинства. Это действительно **народный фронт**. В нашей партии есть все – от академиков до конюхов. Образование здесь не самое главное. Мне повезло повстречаться с интересными людьми. Иной раз я просто удивлялась старикам, тем, кому в девяностые годы было уже за семьдесят (многих из них, наверное, уже нет в живых), их правильному пониманию ситуации, наверное, это житейские мудрость, опыт. Молодежь про таких говорит – продвинутые. Это о семидесятилетних. Те, кто был моложе на 20-30 лет, так не рассуждали. А то, старое, поколение, которое помнит и хрущевскую «оттепель», и военное детство, многие вещи воспринимало правильней, чем более молодые.

- Вы сами говорите о работе пропаганды по созданию негативных образов. Один из них – националисты.

- Очень часто смеялась, когда меня в прессе того времени называли белорусской националисткой. Для меня это большая честь, ибо я с Украины. У меня мама – украинка, отец – русский. Родной язык – русский, так как отец был военным, и мы ездили по всему бывшему Советскому Союзу, училась в 18 школах. Если б не русский, я бы никакого языка не знала вообще, потому что во всех республиках язык был, естественно, свой. Родилась, повторяюсь, в Польше. Белорусский язык никогда не изучала. Освоила его, будучи в Верховном Совете. Пришла туда, как и многие другие, русскоговорящей. На белорусском вообще разговаривали только считанные единицы. Никакого дискомфорта в беседах со своими коллегами никогда не ощущала. Даже когда беседовала с Позняком, которому национализм приписывали чаще других. Когда он видел по реакции, что я чего-то не понимаю, сразу же делал перевод.

Когда в 1991 году произошел путч, была в Крыму, точнее, в Алуште, и изучала там язык. Делала это очень просто. Брала словарь, читала все подряд, а потом с сестрой говорила по-белорусски. Проверить она, конечно,

не могла. С теми, кто языком не владеет, всегда проще, их не стесняешься.

Из Крыма добралась с большим трудом. Билет у меня был на сентябрь, пришлось покупать новый, по просто сказочной цене. Мне было поручено написать постановление о роспуске КПСС. Помню, что, когда его прочитал Борщевский, то закричал: «Братцы, Галіна напісала па-беларуску». С тех пор я начала выступать только на белорусском. Это, кстати, было очень тяжело.

На собственном примере знаю, что в БНФ никогда и ни к кому не относились плохо только потому, что он говорит по-русски. Да, идиоты есть в любой партии, в любой семье. Наверное, они были и у нас. Я считаю, что это просто не умные люди. Ни к чему принуждать никого нельзя. Если бы меня **заставляли** учить белорусский язык, я бы изучать его не стала из принципа.

Сделать это заставила сама жизнь. Я ведь была депутатом **белорусского** парламента. Принуждать нужно только чиновников. Ибо они за работу в белорусских государственных учреждениях получают деньги. Это государственные люди. Остальных заставлять не нужно, особенно тех, кто уже в возрасте. Помню, одной знакомой было уже 65 лет, когда ее захотели научить белорусскому. Успехов не было, да и не нужны они вообще.

Здесь нет проблемы. Ее выдумали.

Те, кто часто выступают за белорусский язык, делают это не потому, что они такие «отморозки», а потому что отстаивают свои права. Это право человека говорить на языке той страны, где он родился. И запрещать ему нельзя. Если еще в девяностых годах прошлого века на улицах можно было услышать белорусскую речь, то сейчас ее почти не слышно. Это плохо. Нация тем и отличается от других, что имеет свой язык. Знаю по своему опыту. Когда перешла на белорусский, у меня даже характер немного изменился. Есть вещи, которые каким-то образом влияют на всех нас. Многим русским не нравится, когда кто-то рядом говорит по-белорусски, но это их личное дело. Не нравится – езжай туда, где белорусского языка не будет вовсе. Ведь когда кто-то приезжает в Германию, Польшу или Францию, он же не требует, чтобы все с ним говорили только на русском. Так и здесь.

Кстати, в нашем Сойме некоторые и сейчас говорят на русском языке, когда хотят точнее выразить мысль. И никто им не высказывает претензий.

Я бы не говорила, что в БНФ одни националисты, в брутальном понимании этого слова. Там люди, у которых просто болит душа за нацию.

-Традиционно спрашиваю о вашем понимании счастья?

- Я когда-то ее читала, и фраза очень понравилась – счастье, это когда с радостью утром идешь на работу, а вечером с удовольствием возвращаешься домой. То есть когда есть какая-то гармония. Счастье – очень сложное понятие. Считаю, что в этом отношении мне повезло. Я реализовала себя как человек и гражданин, приносила, как могла, пользу людям.

И еще - семья. Люблю свой дом, детей, внуков. Очень интересно наблюдать, как маленький комочек, который принесли из роддома, очень быстро превращается в смышленного человечка, который учится ходить, разговаривать, размышляет. Не перестаю удивляться этому превращению, всегда с интересом наблюдаю за детьми, а теперь за внуками. Их у меня двое, у сына- дочь, Наташа, 6,5 лет, умненькая, красивая девочка, занимается латиноамериканскими танцами. А внук живет со мной, мы с ним очень любим петь, танцевать, выращивать цветы. Это тоже счастье, видеть, как его глазенки горят радостью, когда он обнаруживает новый распустившийся цветок.

Материал записан 26 апреля 2007 года.

Валентина СВЯТСКАЯ

В последнее время о ней много заговорили в связи с тем, что Святская намерена судиться с бывшим министром внутренних дел, а также спорта и туризма, печально известным генералом Сиваковым, которого подозревают в исчезновении политических оппонентов власти. Дело в том, что он недавно опубликовал в журнале «Спецназ» статью, где открыто излагает свои профашистские взгляды. Однако наш разговор совсем не об этом.

- Вы родились в Беларуси?

- Нет. Я родилась 29 мая 1958 года в зерносовхозе имени КазЦИК в Казахстане. Мои родители, как тогда говорили, по призыву партии и правительства поехали осваивать целинные и залежные земли. Там же, в Казахстане, окончила школу и физико-математический факультет Целиноградского государственного педагогического института имени Сакена Сейфуллина. Теперь это Астана, и жив ли мой институт – не знаю. Там столько изменений! Мне кто-то сказал, что вроде бы на его базе создали Евразийский университет имени Гумилева. Когда где-то на международных семинарах или конференциях встречаю представителей из Казахстана, сразу начинает подтачивать червячок – так хочется посмотреть, что находится сейчас в родной альма-матер и как он там, город юности. Это своеобразное выражение ностальгии. Заглянуть в «замочную скважину» и снова вернуться в Беларусь.

После окончания учебы, хотя разных вариантов было много, работала в своей школе учительницей математики. Помню, был такой случай. Одна из коллег ушла в декретный отпуск, и мне поручили вести уроки в десятом классе. Как-то один из учеников приносит в учительскую журнал и, не видя меня, с явным недовольством говорит: всего лишь на каких-то несколько лет старше нас, а требует, чтобы обращались «по имени и отчеству». Это был Сережа Виноградов. Выхожу из ниши и обращаюсь к нему: если бы ты был на моем месте, то я также называла бы тебя по имени и отчеству.

Когда вижу хамящих милиционеров, то всегда почему-то думаю о том, что многие из них по возрасту могли бы быть моими учениками. Меня это возмущает и оскорбляет. Я своих учеников этому не учила.

Мои папа Анатолий Максимович и мама Ксения Петровна - уроженцы Беларуси. Помню, когда мама меня еще маленькой впервые привезла сюда, все родственники, и папины и мамины, собрались вместе в чьем-то большом доме и расселись в комнате вдоль стен, чтобы на меня посмотреть. Это был мой самый первый дебют.

Несмотря на свой еще совсем юный возраст, я уже тогда влюбилась в Беларусь. Когда же вернулась в Казахстан, то почти каждый день ныла и упрашивала родителей вернуться. Я просто бредила Беларусью. Если меня, как активистку, куда-то на каникулах не отправляли, то всегда их проводила только здесь.

Отец возглавлял рабочий комитет, то есть профсоюз рабочих в совхозе. Мама работала в Доме быта и оттуда ушла на пенсию. Когда позже я заполняла анкеты, то писала «из рабоче-крестьянской семьи». Отец, к сожалению, умер в 1987 году. Умер он в Казахстане, но хоронить его мы привезли на родину. Он лежит на кладбище рядом с бабушкой, его мамой.

Он умер в 59 лет от заурядного перитонита. Умирал в полном сознании, зная, что шансов никаких нет. Высокий, сильный, здоровый! Я не маленького роста (176 см), а на каблуках была ему едва до плеча.

После отработки в родной школе приехала в Беларусь и пошла работать на тракторный завод. Сожалею, что больше не пришлось быть педагогом. Хотя все мои помыслы поначалу были только об этом.

- Почему именно столица?

- Минск выбрала по очень простой причине - мои брат и сестра сюда уже переехали. Брата зовут Валерий, а сестру Вера, у нас все В.А..

Начинала работать оператором в информационно-вычислительном центре, потом была инженером-программистом. Наверное, карьерный рост там бы и продолжился, если б не «позвал комсомол».

Получилось так. Проходило какое-то очередное отчетно-выборное собрание. По возрасту я уже была, как

говорится, «на выходе». Сидела тихо, как все, рисовала «чертиков». Все шло формально, то есть одного вожака должны были заменить другим. В общем, по плану. Но вдруг во мне что-то «щелкнуло», сработал некий синдром педагога. Встала и сказала, что так быть не должно, что есть много всего интересного. Все оторвались от рисунков и стали меня внимательно слушать. И избрали наперекор мнению партбюро секретарем комсомольской организации. Отбиться не удалось.

Естественно, мне пришлось ходить на совещания в комитет комсомола завода, который у нас имел районный статус. Я не была освобожденной, поэтому часто выслушивала упреки от непосредственного начальника бюро насчет этих походов и отлучек. Активность не осталась незамеченной. Однажды меня пригласили на беседу к Владимиру Григорьевичу Галко, который потом был первым секретарем горкома партии, а в то время возглавлял партком завода. Он меня «запеленговал» и во время нашего разговора стал выяснять, почему я не в партии. Я в то время была итээрмом (инженерно-техническим работником). Вступать в нее мне просто не хотелось, ибо насмотрелась, как подобное делается ради неких материальных благ. И еще – не приемлю разнарядку. Для того чтобы можно было вступить в КПСС итээрмовцу, партсобрание должно было перед этим принять в партию четырех рабочих. Поэтому для этой категории граждан была своеобразная очередь. Очень не люблю очереди как таковые, а в данном случае вообще не приемлю. Естественно, я ему об этом не сказала, а ограничилась лишь цитатой из устава насчет того, что очевидно члены партийной организации научно-исследовательского центра МТЗ считают меня еще недостаточно морально и политически подготовленной. Через некоторое время звонит рабочий телефон, и секретарь партбюро НИЦ приказывает: быстро в сектор партучета, там возьмешь анкету, на собрании мы тебя будем принимать в партию. Я ответила, что сегодня не первое апреля (месяц был совсем другой) и такая шутка не пройдет. Положила трубку. Он мне еще раз позвонил и сказал, что не шутит, а партсобрание через 15–20 минут. Я ответила, что быть посмешищем не желаю, и вновь

положила трубку. После этого раздался звонок из парткома завода, и я поняла, что это не шутка. Так стала кандидатом в члены КПСС.

Вскоре меня вновь вызвал Галко и предложил перейти на освобожденную комсомольскую работу. Отказалась, мотивируя это тем, что мой комсомольский возраст скоро закончится. Он дал время подумать. Вновь услышал отрицательный ответ, и жестко заметил, что кандидатский стаж дается для того, чтобы проверить мои моральные и деловые качества, что и произойдет. Так я оказалась в комитете комсомола завода, потом попала в партком, а затем и в горком партии, где встретила роспуск КПСС, а потом и конец страны под названием СССР.

- Насколько мне известно, вы не изучали белорусский язык, но были избраны в «Товарищества беларускай мовы»...

- Совершенно верно. А получилось так. Я работала в партийном комитете тракторного завода. Предложила секретарю парткома на торжественном собрании по случаю очередной годовщины Октябрьской революции выступить на белорусском языке. Ему идея понравилась. Текст писали я и еще один инструктор, которая в отличие от меня много лет изучала «мову» и имела по ней пять. Однако это ей вовсе не мешало спрашивать, как переводится на белорусский язык то или иное русское слово. Выступление произвело полнейший фурор. От секретаря парткома подобного не ожидали. Заместитель директора Дворца культуры тогда лично меня поблагодарил.

При кабинете политепросвещения открыла курсы белорусского языка, на заводе проходили лектории по белорусской истории и культуре, благо для этого была хорошая база – Дворец культуры.

Когда появился БНФ, возникло предложение создать «Товарищества беларускай мовы». На заводе тогда работал Коля Жуковский, который был самым активным моим помощником, а где-то даже учителем (хотя по возрасту младше меня, но роль учителя ему нравилась). Коля был таким бэнээфовцем-неформалом. Именно он и предложил на съезде мою кандидатуру. Естественно, там были и

«лазутчики» от партаппарата, которые потом мне почти один к одному воспроизвели его слова: «Яна беларускую мову ведае значна хужэй, чым я, але ж яна шмат чаго робя на трактарным, каб мова прыжылася». Таким образом я оказалась в ТБМ.

Петр Кузьмич Кравченко тогда был секретарем Минского горкома партии по идеологии. Он поставил всех на уши, почему это бэнээфовцы проталкивают партаппаратчицу?

- А как вы оказались у Шарецкого?

- Случайно.

Нас познакомили в конце 1994 года. На тот момент я занималась бизнесом в одной из коммерческих структур, который, скажем так, шел не совсем успешно. Мне порекомендовали Шарецкого и сказали, что он может что-то подсказать, посоветовать. Тогда Семен Георгиевич создавал Аграрную партию, до этого был советником по аграрным вопросам у Кебича, а еще раньше лично руководил хозяйством. Я думала, что мы ограничимся только разговором про бизнес, но он говорил лишь о создаваемой партии. Кроме того, оказалось, что живем рядом. Надо отдать должное Шарецкому – уговаривать он умеет. Вскоре я стала референтом, а потом секретарем.

Пробыла там до конца ноября 1996 года. А потом и вовсе вышла из партии, которая полностью «легла» под президента. Перед новогодними праздниками возглавила секретариат опального Верховного Совета 13-го созыва. И проработала в нем до самого конца.

- Потом была партия БНФ?

- Да.

Я уже побывала в двух партиях, поэтому никуда больше вступать не собиралась и вежливо отказывалась от поступающих предложений.

В 2004 году приняла участие в избирательной кампании, хотя было изначально ясно, что никого из оппозиционеров в Палату представителей власть не пропустит. В своем избирательном округе выдвинулась путем сбора подписей. Партия БНФ решила меня поддержать. Когда уже окончательно приняла решение баллотироваться в кандидаты в депутаты (чтобы никто не мог обвинить в некой меркантильности), по собственной

инициативе вступила в партию БНФ, потому что поняла: это в некоторой степени отвечает моему внутреннему убеждению.

Подписи в округе собирались очень хорошо. Честно говоря, ожидала, что будет гораздо хуже, потому что официальная пропаганда много лет промывала мозги и результат мог быть самым негативным. Однако, слава Богу, в большинстве своем наш народ умеет отделять зерна от плевел, и это радует, вселяет надежду на лучшее будущее.

- А как насчет человеческого счастья?

- Иногда от безысходности хочется обнять себя и выть. Но несмотря ни на что, я все-таки считаю себя счастливым человеком! Почему? Потому что то, о чем думаю, я могу сказать вслух, громко, не озираясь по сторонам. То, что делаю – не вызывает у меня душевного дискомфорта. Я свободный человек. Мне не нужно так клонироваться. Жалко сегодняшних чиновников. Они ведь думают об одном, говорят о другом, делают третье, и при этом постоянно находятся в страхе, ведь в любой момент каждого из них могут отправить за решетку. Бедные люди. Думаю, что даже со своими мужьями и женами они не всегда откровенны, ибо опасаются «прослушки». Да и с друзьями тоже – боятся доносов. Боятся даже собственной тени.

Материал записан 22 октября 2006 года.

Галина СИВЧИК

У нее дома много иконок Божьей матери, что, впрочем, весьма просто объясняется. Она сама Мама. Это легко понять из ответов Галины Васильевны Сивчик на мои вопросы. Правильнее называть ее фамилию Лукашёва-Сивчик.

- У вас трое детей?

- Совершенно верно. Сыновья Вячеслав и Константин, а также дочь Галина.

Вячеслав очень талантливый человек. К сожалению, он целиком отдается политике. К сожалению, прежде всего, потому, что это очень опасное занятие. В БНФ его всегда представляли радикалом. Дескать, они интеллектуалы, а он бескомпромиссный революционер. Меня это всегда несколько коробило. Он очень образованный человек. Я всегда с самого раннего детства видела его только с книжкой. Он всем интересовался. Мои дети все окончили 50-ю математическую школу. Слава был способным учеником, мне директор (он вел математику) когда-то сказал, что он всегда самый первый был готов отвечать на самые трудные вопросы. Его очень любила и учительница истории, которая там преподает до сих пор. Наша семья в третьем поколении занимается геологией. Наверное, это оказало влияние на выбор Славы. Географическое образование в нашем БГУ на довольно высоком уровне. Кроме географии они там изучают физику, математику, химию, экономику, политологию и т.п. Для политика иметь такие знания всегда очень кстати.

В моей жизни есть три «черные полосы». В 1986 году случился Чернобыль, в 1996 году посадили Вячеслава, в 1998-м потеряла мужа.

... Перед тюрьмой стояли пикеты. Наверное, от меня ждали каких-то политических заявлений, а я говорила, что рядом роддом, где он родился. Он был такой красивый, что все сбежались посмотреть, весил 4 килограмма 600 граммов, у него были густые кудрявые волосы до плеч цвета красного дерева. Я говорила, что неужели его родила для таких мучений? Он никогда не ругался, был всегда

вежливым, спокойным, поэтому пребывание сына среди преступников на Володарке для меня было шоком.

К слову, Слава и Костя абсолютно одинаково пошли в первый класс. Повторился один и тот же эпизод. Когда заходили первоклашки, Костя шел рядом с девочкой. Он ее пропустил первой войти в школу, за ней последовали все остальные. Он входил последним, вместе с учительницей. Восемью годами ранее точно так же произошло и со Славой.

И тут вдруг – тюрьма. Я даже чувствовала себя виноватой, ибо ничем не могла помочь. Сейчас чувство точно такое же. Сколько бы ни было лет ребенку, мать несет ответственность за жизнь, которую ему подарила. Все дети у меня желанные, и мне очень горестно за тяжелую судьбу Славы, хотя он и никогда не жалуется. Знаю, что если бы была такая возможность, он еще раз все бы повторил. В том числе и ту голодовку, которую я осуждала. Возможно, с политической точки зрения это было нужно, но, на мой взгляд, в нашей стране объявлять голодовку просто бессмысленно. В нашем обществе сегодня нет независимых от государства тиражных СМИ, массового сочувствия и общественной солидарности. Голодовка является чем-то вроде гласа вопиющего в пустыне. Это ужасно, ибо голодовка является последним шагом отчаяния. Предпринимается она тогда, когда человек сделать больше уже ничего не может. Имеется в виду настоящая голодовка в знак протеста, а не голодание по системе Брега или Малахова. Для здоровья она очень вредна. Возможно, то, что у него тогда отказали почки, и стало причиной освобождения из тюрьмы.

Когда сын был за решеткой, мне хотелось голыми руками разрушить каменные стены. Наверное, если бы хватило физических сил, так бы и сделала. Это от осознания безысходности.

Никаких контактов с сыном не было. Из солидарности начала голодать и Аня, Славина жена. А у нее семимесячный ребенок. Я пошла к следователю и сказала, что за себя не ручаюсь, если что-то случится с моим внуком. Тогда от Славы передали записку, где он попросил Аню прекратить голодовку, и разрешили жене свидание.

Кстати, сейчас ровно 10 лет тем событиям, ибо было все в мае 1996-го. У меня с сердцем всегда были проблемы, но тогда я ни разу не приняла валидол. И вообще ничего не болело. И не плакала.

- Насколько мне известно, у него и сейчас есть определенные проблемы с отечественным правосудием...

- Однажды я посчитала, что на Окрестина он сидел больше 20 раз, там он провел около года. Три сотрясения мозга.

23 марта его цинично и жестоко выкрали с Октябрьской площади, которую участники палаточного городка называли площадью Калиновского. Кстати, именно в этот день «взяли» и меня. Самое интересное, что я туда еще не дошла. Поставила тесто для пирожков, чтобы к обеду отнести ребятам. Позвонила в музей Великой Отечественной войны, где с моей помощью открыли стенд про ленд-лиз (Константин Лукашѐв, отец моего мужа, возглавлял закупочную комиссию), и меня попросили прийти до 11 30. Возвращалась домой, на углу улицы Энгельса и проспекта (название говорить не буду, ибо его так часто переименовывают, что можно ошибиться) меня задержали несколько молодых людей, которые появились словно ниоткуда. Они не представились, на них не было формы, больно скрутили руки и поволокли к автобусу. У моей дубленки вырвали пуговицы. Я просила меня отпустить, дескать, в 64 года не убегу, но они не слушали. В автобусе возникло определенное замешательство. У меня была папка с документами 40-х годов на английском языке (потом ее забрали минут на сорок). Меня уже хотели отпустить, но потом кто-то по радиации грубо крикнул: «Эта мать Сивчика!». И я с ужасом подумала, в какой стране мы живем, ведь даже фашисты на оккупированной территории и во время войны не трогали матерей молодоговардейцев. Я поняла, что все мое «правонарушение» именно в том и состоит, что я являюсь мамой известного оппозиционера. Наверное, так кто-то думал повлиять на Славу. Заставить его понервничать, быть менее бдительным. На Окрестина меня не повезли, не осудили, как моих интеллигентных знакомых, за «нецензурные выражения и сопротивление милиции».

«Спасло» от всего этого сердце. У меня начался приступ, вызвали «скорую помощь». Я отказалась от больницы, поэтому оказали помощь в машине и потом отпустили домой. Было это около четырех часов дня.

Через час Вячеславу позвонили будто бы из американского посольства и голосом переводчицы посла сказали, что есть необходимость экстренной встречи с послом. Номер телефона не определился, но сын не насторожился. Сказал, что его арестуют сразу же после выхода из палаточного городка. «Американцы» это предусмотрели и послали за ним «дипломатическую» машину. Ребята сделали коридор, и он прошел в машину. Около «Журавинки» она внезапно остановилась, и неизвестные в масках переволокли его в автобус. Стали бить, угрожать, приставили к затылку пистолет.

- Прямо какой-то дешевый детектив...

- Это, к сожалению, наша реальность. Цена огромная – человеческая жизнь!

Как человек аналитического склада ума, Слава понял, что есть высокая вероятность стать пятым «исчезнувшим». Тем более что перед этим власть много раз говорила, что оппозиция сама готова кого-то убить из своих активистов. Сын услышал, как похитители кому-то говорили по рации, что за ними какая-то слежка. Несколько часов они пытались оторваться и даже предлагали начальству выбросить труп на ходу, но планы изменились, Славу решили везти в РУВД Центрального района. Там составили протокол задержания, где свидетелями были совсем не те, кто его задерживал, а потом отвезли на Окрестина. В камеру Славу бросили без сознания. На следующий день его повезли в суд, где судья поинтересовался причиной столь сильных побоев, а потом, за что могу быть ему только благодарной, вызвал «скорую помощь».

Утром Аня узнала, что ко всем происшедшим событиям американское посольство на самом деле не имеет абсолютно никакого отношения. У меня потемнело в глазах. Где-то в полдень позвонил сын и сказал, что находится в приемном покое третьей клинической больницы. Я очень быстро туда добралась. Лицо у него было отечным от побоев, но я абсолютно искренне благодарила Бога, что он остался жив.

Потом Славу положили в больницу, где у дверей его палаты круглосуточно были какие-то страшные люди. Я очень боялась, чтобы его снова не выкрали. Поэтому мой младший сын с друзьями дежурили во дворе больницы. Через несколько дней Славу выписали, хотя до выздоровления и было очень далеко. Перед палатой стояли неизвестные, которые никому не представлялись, даже послу ОБСЕ господину Петерсену. Всех, кого смогла, я попросила прийти к больнице. Неизвестные в штатском попытались Славу задержать, но не получилось. Люди не дали, затем в плотном кольце друзей и журналистов Слава прошел к машине. Машина резко рванула. За ней побежал милиционер. Потом стали фабриковать уголовное дело по поводу «наезда на работника милиции», хотя все видели, что на самом деле этого не было. Милиционер представил справку о «черепно-мозговой травме» из 9-й больницы. Никого даже не смутило, что инцидент якобы произошел возле 3-й. За рулем вроде бы был Константин. Одного сына им мало...

-Просьба рассказать о нем более подробно.

- Костя гораздо моложе Славы. Кроме них у меня еще дочь Галя, которая с детства является инвалидом. К слову, несмотря на это, она окончила обычную среднюю школу, хотя мне и советовали другое. Она училась в одной школе с Костей, он ее опекал. Это не детская нагрузка.

Честно говоря, я очень хотела, чтобы родилась девочка и была для дочки подруга. Вес Кости был 4.400. Судьба у него сложилась непросто, он несколько раз чуть не погиб.

У меня было сильное малокровие, и врачи опасались моей смерти во время родов. Поэтому меня положили для стационарного лечения и должны были сделать переливание крови. Я была уже на операционном столе, когда услышала, как медсестра говорит про четвертую группу. У меня вторая, и я об этом сказала. Что здесь началось! Медики поняли, что они меня чуть не убили.

Когда Костя родился, его пуповина была завязана на узел. В утробе он как-то перевернулся и мог сам себя задушить. Но Бог его сберег. Наверное, это судьба – ведь и я так сложно пришла для чего-то в этот мир, возможно, только для того, чтобы родить детей.

Я родилась в декабре 1941 года. Мама, Любовь Алексеевна, забеременела еще до войны и хотела беременность прервать, но отец, Василий Романович, был категорически против. Он уходил на фронт и хотел после возвращения увидеть своего ребенка. У меня еще был брат старше на четыре с половиной года. Образно говоря, мать взяла его за руку, собрала, что можно собрать, и отправилась в эвакуацию в далекий Петропавловск. Трудно даже представить, как ей было непросто. Тогда ей было только 26 лет.

Зимой пятидесятиградусные морозы. В Петропавловске мама получила «похоронку» на отца. В роддом ее отвезли на повозке. Она рассказывала, что после моего рождения просила главврача оставить ее до весны, оформив кем угодно, ибо не во что было одеть ребенка. Он ответил, что такой возможности нет. В этот момент сказали, что за нами приехали. Оказалось, это жены офицеров, с которыми воевал отец. Из солдатских портянок они сделали мне одежду. За нами приехал «студебекер» без стекол и отвез в тот дом, где ждал мой брат. Он был в шубке и играл дома в снежки, стены были покрыты льдом. Мама рассказывала: переодевает, а от меня идет пар. Я заболела, мама обложила меня ватой. Я кричу и кричу. Оказалось, вата была с марганцовкой. У меня до сих пор остались оспинки.

«Похоронка» пришла перед моим рождением. Более того, один из офицеров рассказывал, что собственноручно похоронил папу. И вдруг отец приезжает. Оказалось, его очень сильно контузило, больше он не воевал. Его оставили в тылу, он готовил солдат на фронт. Прожил только 64 года.

Константин хотел поступать в Московский университет, но его дедушка (он лежал в это время в больнице, и Костя вечером навестил его) попросил поступать в Минске. Он сказал, что ни один университет не сможет дать ему то, что дадут дедушка, папа и домашняя библиотека. Это был их последний разговор. Ночью дедушки не стало. Константин подал документы на геофак БГУ, который успешно окончили его отец и старший брат. Учился очень хорошо, потом серьезно заболел. Считаю, что это последствия Чернобыля. В

девятом классе они жили в палатках в Крыжовке. Там сын попал под дождь. Рассказывал, что трава была необычно липкая, с желто-белым налетом. Было это 26 – 27 апреля 1986 года, иммунитет организма ослаб. В 1989-м у него обнаружили мононуклеоз, то есть болезнь крови. Кстати, правильный диагноз поставили не сразу, а только через три месяца. Гематолог повела его на УЗИ. Печень и селезенка были сильно увеличены, и она тихонько говорит другому врачу: «Жалко. Такой красивый молодой парень. У него лимфогранулематоз». Костя это услышал. Дома залез в Медицинскую энциклопедию и сначала никому ничего не сказал. Потом как-то ночью говорит: «Мама, я хочу подготовить тебя. Я скоро умру, я слышал диагноз». Но я, чтобы его просто успокоить, сказала, что это не так, что у него, скорее всего, мононуклеоз, о котором мне сказала знакомая. К счастью, так и оказалось.

- А что это за история с блокированием вашей квартиры?

- Дело было 17 апреля. Около 10 часов утра мне позвонили в дверь, сказали, что сработала сигнализация, и попросились войти. Я очень удивилась, так как моя квартира не находилась под охраной, и позвонила в отдел охраны. Там мне объяснили, что у них произошел сбой компьютера, и предложили, чтобы я впустила милиционеров в квартиру посмотреть. Я отказалась. Через некоторое время милиционеры уехали, а неизвестные, внешне похожие на бандитов, на лестничной площадке остались. В моей квартире отключили электричество. Я позвонила в ЖЭС с просьбой прислать электриков. Через два часа электричество появилось. Электрики тоже попросили открыть входную дверь. Я ответила, что боюсь вероятных бандитов, которые стоят на лестничной площадке.

В мою квартиру никто не мог попасть, ибо неизвестные стояли еще в подъезде и во дворе. Перестал работать домофон, он не работает и сейчас.

В 20.00 мне позвонил Валерий Щукин и сказал, что скоро с корреспондентом «Народной воли» Виталием Гарбузовым приедет. По телефону я попросила соседей открыть им входную дверь.

Гарбузов успел войти, а Щукин нет. Его схватили и швырнули на пол, на лестничной площадке. Закрыть дверь мне мешали четверо неизвестных в гражданском. Они ничего не сказали, не показали никаких документов. Потом к ним присоединились спецназовцы, которые отвечали, что ждут дежурного по городу. Мои друзья вызвали милицию.

Около десяти часов вечера пришел наш участковый. Я ему разрешила осмотреть квартиру, где якобы скрывается «преступник», то есть мой сын Вячеслав. Естественно, он никого не нашел. После этого блокаду с двери сняли, и я смогла ее закрыть.

- Еще один плохой детектив. В чем, на ваш взгляд, суть счастья?

- Ответить очень сложно. Гораздо проще сформулировать, что такое несчастье, перечисление в данном случае может составить несколько страниц. А счастье? Неуловимая Синяя птица? Абстрактное отсутствие несчастья не воспринимается как счастье. Избавление от какой-нибудь беды иногда воспринимается как счастье. Какое счастье после долгой болезни почувствовать себя здоровым! Счастье - это очень субъективное состояние. Например, когда я прибежала 24 марта в приемный покой третьей городской клинической больницы и увидела опухшее от побоев лицо моего сына Вячеслава, я испытывала счастье от того, что он жив, ибо боялась, что его убили. Есть прекрасный еврейский анекдот про мудрого раввина и его советы купить и продать козу.

Я - дитя войны, и, наверное, поэтому с самого детства ждала, что после великой радости будут какие-то слезы. Отсюда и какой-то мистический страх быть счастливой. Но, оглядываясь на свою прожитую жизнь, уверенно могу сказать, что я человек счастливый. Мой отец вернулся с фронта в тот час, когда большинство моих друзей стали сиротами. Я встретила чудесного, мудрого, мужественного, сильного и нежного друга, единомышленника, свою половинку, любила и была любимой. А какое это счастье, когда ты можешь сделать что-то приятное! Даже с любовью приготовить вкусный обед или ужин, получить искреннюю благодарность и так

далее. И сейчас в минуты отчаяния я успокаиваю себя воспоминаниями. А какая я была счастливая мать, когда мои дети были маленькими! Они были такими красивыми и любимыми и так искренне отзывались любовью! Я помню и первую улыбку, и первые шаги, и первые слова, произнесенные, а потом и прочитанные, и написанные каждым. Их успехи и радости приносили мне больше счастья, чем мои собственные. Я помню, как плакала от счастья, когда моя дочь села и сделала «ладушки», хотя врачи сказали, что у нее атрофия мышц и она никогда не поднимется, а будет лежать. А Слава в этот день сделал свою первую запись в личном дневнике: «Мама сегодня очень сильно плакала, потому что Галочка сделала «ладушки». Такие мгновения счастья и помогают жить.

Материал записан 24 мая 2006 года.

Вера СТРЕМКОВСКАЯ

Шильда на входе «Общественное объединение «Центр по правам»» настораживает, ибо все знают об отношении к этой проблеме у нас в стране. Кажется, что столь серьезным делом должны заниматься преимущественно мужчины. Поэтому даже как-то не по себе, когда узнаешь, что руководит здесь Вера Стремковская. Известный адвокат. Женщина, которая пишет стихи.

- Предлагаю начать с фразы: «Ты помнишь, как все начиналось?»

- Эту тему я не очень люблю. Неважны место и дата. Каждому человеку при рождении как бы определяется задача, которую он должен выполнить. Смысл в ней, а не в некоторых биографических деталях.

- И все-таки?

- Я родилась в России, 21 ноября. Знак зодиака – Скорпион.

- Это считается весьма серьезным знаком.

- Вы об особенностях? Нельзя всех, родившихся под определенным знаком, воспринимать одинаково. Суть не в этом. На мой взгляд, это один из признаков, характеризующих людей с некоторыми лидерскими качествами, способных помочь другим, не отступать. Кстати, один из «скорпионов» - Козулин. Убеждена, он не отступит.

Я поздний ребенок. Единственный.

Мой отец, Валентин Федорович, был учителем математики и литературы, когда-то он закончил два факультета Витебского педагогического института, который сейчас является университетом. Он был мастером спорта по шахматам. Писал стихи, басни. Наверное, основу моего характера заложил именно он. Математический склад ума и некую лиричность. Даже в самые опасные советские времена у нас на книжной полке за воспоминаниями о Ленине, которые были едва ли не обязательным атрибутом, стояли книги Ахматовой, Мандельштама и т.п. Это был «второй слой», который сейчас стал первым и единственным.

Мама, Лидия Герасимовна, работала поваром в ресторане и прекрасно готовила. Как я помню, особенно вкусно она делала чебуреки. У нас в доме любили гостей. Умели принять – отец красиво пел, я играла на пианино. К слову, мой отец родился 7 ноября 1917 года, поэтому после демонстраций у нас всегда дома собиралась большая компания.

По линии отца мои предки были православными священниками. Даже его родные братья. В советское время это, мягко говоря, не приветствовалось. Чтобы я не проговорилась своим школьным друзьям, в семейных альбомах лица священников были вырезаны. Таким образом родители меня оберегали.

Вторая ветвь предков – католики.

Так что во мне как бы соединились и православные, и католики.

- А как вы оказались в Беларуси?

- Школы у меня были разные. Первая в Прибалтике, недалеко от Калининграда. Отец очень любил путешествовать. Часто переезжал, менял место работы. Так мы очутились в Беларуси.

Я поступила в БГУ на факультет правоведения. Тогда еще был СССР.

После окончания учебы я работала в Министерстве юстиции, в управлении систематизации законодательства и подготовки законопроектов. Очень благодарна своему первому начальнику Борису Михайловичу Дыменту. Он научил меня правильно ориентироваться в системе законодательства. Хороший юрист может и не знать абсолютно все. Иногда необходимо просто быстро и правильно найти нужный документ.

Затем перешла работать в адвокатуру. Это мое призвание.

- Возможно, выгодней было бы быть «при нынешней власти»?

- Кстати, я была первым адвокатом первого президента.

В 1994 году, когда работала в Центральной юридической консультации и участвовала в антикоррупционном процессе на стороне одного кооператора, ко мне обратились люди из команды Лукашенко и предложили

защищать его интересы в судах. У меня до сих пор хранится его доверенность.

В то время вела на телевидении несколько передач, печаталась в молодежных газетах. Впоследствии пригласили работать в правовое управление Управления делами президента. Мне, как и многим, казалось, что с новой властью можно сделать что-то полезное для общества. Я согласилась и в тот момент сломала ногу. Это был знак судьбы, которые всегда нужно уметь читать, а я тогда этого не сделала.

Стандартный годовой контракт. Уже через несколько месяцев поняла, куда попала. И стала общаться со своим руководителем Титенковым только с помощью докладных записок. Приходила на работу, писала: «Вы вчера издали распоряжение, которое противоречит закону...» и «проводила» докладную через канцелярию, ибо все хорошо понимала. Естественно, так долго продолжаться не могло. Титенков перестал со мной здороваться. Затем на моих записках стал писать о том, что предупреждает меня в последний раз... Словом, меня оттуда уволили. Очень некрасиво. С нарушением прав.

На работу после этого увольнения устроиться было непросто. Некоторое время спустя стала частным адвокатом. Но это продолжалось недолго, ибо как раз тогда в администрации президента появился приснопамятный юрист Пласковицкий. Все остальное общеизвестно.

Вскоре я опять стала просто членом коллегии адвокатов. Нахожусь в ней до сих пор. Не могу сказать, что это союз по любви. В коллегии меня воспринимают как некую падчерицу. Во всяком случае, так чувствую.

- В чем, на ваш взгляд, причина?

- С самого начала своей деятельности защищаю людей, которые не согласны с существующим положением вещей. Начиная с дела Василия Старовойтова. Мне близко их восприятие жизни. Я им сочувствую.

- Среди ваших подзащитных только оппоненты власти?

- Нет, конечно.

- Слышал, что вы занимаетесь не только защитой прав человека.

- Совершенно верно.

Я организовала клуб духовной интеллигенции, где регулярно встречаются люди творческих профессий. Веду концерты в филармонии, в частности цикл концертов под общим названием «Вера Стремковская представляет...», где читаю свои стихи, приглашаю оперных солистов, музыкантов.

- В разговоре со мной вы иногда употребляете глагол «влюблялась»...

- Все есть в моих стихах. Я очень сентиментальный человек, романтический. Через эту призму смотрю на мир. Конечно, часто влюбляюсь. И этому рада, ибо убеждена : « Все, что отдал – все твое ». В книгах моя жизнь.

Венец любви – мой прекрасный сын Дмитрий. Он математик, прекрасно знает компьютер, сочиняет истории, пишет картины, играет на виолончели, гитаре, фортепьяно. Сейчас он учится в институте.

- Что вы вкладываете в понятие счастья?

- Для меня счастье в ощущении гармонии с окружающим миром.

Одна из книг моих стихов называется «Мир звучит». Умение слышать это звучание, понимать его, по-моему, и есть счастье.

- Издано уже три книги ваших стихов. Когда состоялась премьера?

- Первое стихотворение я написала еще в школе. Первый сборник вышел в 1997 году.

- Зачем адвокату писать стихи?

- Это способ собственной реализации. И, кроме того, мне важно, пережив самой и пропустив через себя, донести нечто важное людям. Это определенный способ сосуществования, созвучия с этим миром. В стихах отражается мое видение происходящего в особенной форме.

На каком-то этапе трансформирование себя через творчество становится жизненной необходимостью, без которой невозможно существовать.

Мы живем вместе только благодаря доброте, которая всех объединяет. Слово, обращенное к человеку в момент, когда оно ему необходимо, тоже есть доброта.

Материал записан 18 июля 2006 года.

Нина СТУЖИНСКАЯ

Ее имя хорошо известно. Кандидат исторических наук. Одна из ведущих специалистов по очень неприятной для белорусских властей теме антисоветских выступлений в 20-х годах прошлого века в такой, как принято считать, толерантной Беларуси. Впрочем, слово самой Нине Стужинской.

- Вы родились?..

- В деревне Глинная Слобода тогда еще Калининковского (теперь Речицкий) района. Я самая старшая из детей. Сестра Людмила и брат Александр родились уже в Казахстане. Отец, Иван Павлович Северин, всегда был силен в технике, поэтому на целине работал шофером. Северин - это моя девичья фамилия. В нашей местности не добавляли окончание «а». В связи с этим однажды произошла довольно смешная история. Я уже поступила в аспирантуру, была беременна, а в это время военкомат начал искать призывника «Н.И. Северин». Гонцы пришли в отдел кадров и спросили: где Северин? Там ответили, что вот-вот должен родить... К слову, таких случаев было немало, ибо считается, что все женские фамилии должны быть на русский манер.

...Помню, когда у меня возникли определенные трудности с распределением после аспирантуры, то я пошла за содействием к земляку, писателю Ивану Науменко. Он, услышав название деревни, воскликнул: «Так вы же не белорусы. Я еще аспирантом изучал ваш «адметны» язык, все вокруг «акают», а у вас «окают». Дело в том, что в этом регионе Гомельской области есть три деревни, которые в основном возникли после прихода русских раскольников (по мнению И. Науменко) – Глинная Слобода, Большие Автюки и Малые Автюки. Малые Автюки – это те, из которых Липский тужится сделать белорусское Габрово...

Мне было четыре года, когда родители перебрались в Казахстан, на целину. Жили около Павлодара, в так называемом Седьмом ауле, который, наверняка, когда-то основали ссыльные поселенцы из политрепрессированных. К слову, недавно все мои родственники вернулись в

Беларусь, практически бежали. В Казахстане осталась только могила отца.

Там пошла в школу. Школа была интернациональная. Ингуши, чеченцы, немцы, белорусы, украинцы, русские и прочие. Она имела весь пестрый национальный состав. Именно та школа дала мне представление о многообразии мира и привила уважение к этому разнообразию. Неким культурным ориентиром в нашем ауле были немецкие семьи, высланные сюда из Поволжья и Закавказья. К ним «тянулись» мы - белорусы и украинцы. Старались селиться на «немецких» улицах.

Мне повезло. Большинство школьных учителей были хорошими педагогами. Из немцев. Многие из них выехали в Германию, большинства уже нет в живых. К слову, мое знание немецкого именно оттуда.

Тогда уже было понятно, что «пролетарский интернационализм» - это карточный домик, построенный на неуважении к национальному достоинству. Национальные конфликты, которые после развала Советского Союза вспыхнули, словно ядерные грибы, тлели уже тогда. Просто в то время их осмыслить было невозможно. Не хватало жизненного и социального опыта. На мой взгляд, политика «белых» людей, прежде всего русских, по отношению к местным была отвратительной. Безусловно, не всех, ибо многие помнили, что они в Казахстан приехали не по своей воле. Национальный вопрос был лакмусовой бумажкой культуры человека. Некоторые «гости» на бытовом уровне демонстрировали некое превосходство и презрение, не потрудившись познать культуру и особенности страны пребывания. Многочисленные национальные группы жили в основном обособленно, смешанные браки не приветствовались ни среди казахов, ни среди немцев, ни среди русскоязычных.

На эту тему я до сих пор помню такой случай. Мы, студенты, едем из Павлодара в Караганду. Мальчик-казак спрашивает: можно к тебе прийти в гости? Отвечаю утвердительно. Он опять спрашивает: а то, что ты белая девушка, ничего?

На первом курсе в общежитии жили в большой комнате. Четыре казашки, белоруска, наполовину молдаванка и две немки. Казахи по натуре очень

гостеприимный народ, поэтому, когда одна из них сказала, что нас никто в Казахстан не звал, мы были, мягко говоря, шокированы. Она заявила, что у казахов свой образ жизни, им не нужны наши заводы и фабрики, которые испортили их землю. Это был благополучный 1972 год! Именно тогда я и поступила в Карагандинский университет на истфак.

- Почему выбрали именно историю?

- Честно говоря - не знаю. Я, как говорится, «мастер разговорного жанра». Так «убаюкала» приемную комиссию, что мне там же предложили перейти на филфак, где конкурс был поменьше, но не согласилась.

В 1973 году перевелась в БГУ. Приступила к изучению истории Беларуси и испытала очень сильное разочарование. После истории Казахстана история Беларуси как предмет и наука оставляла впечатление сироты. Мне показалось, что есть плохая и немного подправленная калька с истории России. К слову, одним из моих преподавателей был небезвестный Л. С. Абецедарский. Потрясло также почти полное отсутствие белорусского языка. На нашем курсе на нем говорил один Коля Николаев, который сейчас возглавляет в Санкт-Петербурге белорусскую суполку.

К слову, в БГУ меня учил Петр Кузьмич Кравченко. Знаю, что у некоторых к нему отношение неоднозначное. Но я об этом человеке сохранила самые хорошие воспоминания. Он искренне любил историю и пытался эту любовь привить нам. Кстати, именно он мне предложил тему, которую тогда называли политическим бандитизмом, и которая потом трансформировалась в антисоветское движение. Он часто мне помогал, прекрасно понимая, что «волосатой лапы» у меня нет. Несколько лет подряд, будучи аспирантом, а потом преподавателем, возил нас «на картошку». Парни из нашей группы обижались, что Кравченко не дает возможности им расслабиться, и вместо выпивки в конце дня играли в футбол. В отличие от некоторых он не стоял «руки в брюки», всегда сам тоже работал.

Я часто болела. Наверное, сказывалась перемена климата. В Минске никого из родных не было, и

Кравченко, уезжая с группой из очередного колхоза, никогда не забывал меня забрать из больницы.

- После исторического факультета вы сразу же пошли в аспирантуру?

- Нет. По распределению я честно отработала положенные три года. Вначале в школе, что в деревне Пекари Молодечинского района. Она довольно далеко от Молодечно. Когда поехала туда первый раз, казалось, что попала на край света. Как сейчас помню: грязи по уши, а на моих ногах модные зеленые туфли на платформе. Всю дорогу из Пекарей в Молодечно (около часа) рыдала. Встретили в деревне меня неплохо, но с красным дипломом университета работы в «восьмилетке» не оказалось. Заведующий роно, который особо не жаловал молодых здоровых людей, прибывших по распределению, был непреклонен - я должна остаться. Потом поняла его обиду, не на меня лично, а вообще на белый свет. У него единственный сын был серьезно болен. Всем здоровым он как бы мстил. Для меня нашлись уроки истории и немецкого языка.

Из деревни, где проработала год, меня «забрал комсомол». Два года была освобожденным секретарем комитета комсомола Березинского ПТУ, что недалеко от Молодечно. В училище учились одни парни. В ПТУ тогда, как сейчас в частные вузы, брали всех, чтобы выполнить план набора. Контингент был еще тот. Но «хобза» позволила закалить характер.

Там купила свою первую машину, вышла замуж.

Это было восьмого марта. Я сказала завучу ПТУ, что нужно помочь с машиной. Он порекомендовал Николая Стужинского. Мне очень понравилась фамилия. Так мы познакомились и через год поженились. Уже вместе двадцать шесть лет.

- А как вы начали заниматься политикой?

- Женщина приходит в политику благодаря профессии либо любимому мужчине. У меня первая причина. В ту пору я начала разработку истории антибольшевистских крестьянских выступлений в Беларуси. А тут перестройка с гласностью. Очень хотелось принести свои знания на благо возрождающейся Беларуси. Выбрала крестьянскую партию (сама была

«аулдеревенской») покойного Лутина. Позвонила и высказала пожелание насчет вступления. В ту пору я очень мало разбиралась в партийном строительстве и партийной целесообразности. К сожалению, одна из самых многочисленных партий той поры не удержалась в политике, растворилась, не оставив сколько-нибудь заметного следа.

А к социал-демократам попала по «протекции» Михаила Михайловича Чернявского. Было это в 1995 году. С 1998 по 2004 гг. являлась заместителем председателя. С появлением в партии козулинской фракции и произошедшим расколом, выбрала для себя ту часть белорусской социал-демократии, для которой признанным лидером остается Николай Статкевич. Работа в партии была для меня совершенно новым жизненным опытом, который накапливается и, надеюсь, будет иметь какие-то законченные результаты. Это во мне заговорила неисправимая оптимистка, потому что по партийной линии благодарностей не помню, помню выговоры. Вообще, в партиях люди, имеющие склонность к практическим делам, наиболее уязвимы. Их есть за что критиковать. Женщины, которые отличаются практицизмом и желанием делать что-то конкретное, но плохо обученные политической риторике, прекрасный объект для беспощадной критики коллег-теоретиков.

Однако главное дело для сердца и души – продвижение женщин в политику. Их прагматизма и деловитости в этой сфере явно не хватает.

Правда, были и благодарности. В 2002 году стала лауреатом премии имени Ф. Богушевича Белорусского Пэн-центра. Так была оценена общественностью моя книга «Беларусь мятежная».

- Традиционно спрашиваю насчет вашего понимания смысла человеческого счастья?

- Гармония. Гармония моего внутреннего и внешнего мира. Сочувствую тем людям, кто вечно недоволен собой и всегда испытывает угрызения совести. Кстати, именно это часто становится первопричиной серьезных недугов.

- Буквально несколько слов о детях?..

- Дочь зовут Ольга. Ей недавно исполнилось 25 лет. Она уже известный человек. Нам часто звонят и

спрашивают, кто у телефона: я или она? Когда-то в детстве она говорила, что не будет заниматься политикой, а вышло иначе.

Мы дружим с семьей бывшего американского посла в Беларуси Спекхарда, который сейчас работает в структурах НАТО. Спекхарды и пригласили Ольгу учиться в Брюссель. Она там окончила местное отделение Мэрилендского университета и стажировалась в Европарламенте, в Парламентской ассамблее НАТО, в Стендфордском университете, а совсем недавно возглавила офис «За демократическую Беларусь». В сентябре стала восьмой в десятке восходящих политических звезд Европы.

В 1986 году родился сын Станислав. Как когда-то дед Иван, он водитель и учится в институте парламентаризма и предпринимательства.

Материал записан 20 октября 2006 года.

Зинаида ТИМОШЕК

Имена тех, кто всегда на виду, хорошо известны, но не только они попадают в немилость. Тем, кто живет в провинции, часто достается еще сильнее. А там ведь отстаивать свою точку зрения гораздо сложнее, нежели в столице.

В политике немало командиров, но именно их создают рядовые бойцы. Один из них – бывшая учительница Зинаида Тимошек из поселка Вежи, что в Слуцком районе.

- На русском или белорусском?

- **Большинство материалов будет на русском.**

- Тогда и я буду говорить на нем.

Родилась 27 июня 1955 года в деревне Аксамиты Копыльского района Минской области в семье учителей. Кроме меня было еще четверо детей, три сестры и брат. Что интересно, почти все – учителя.

Отец, Вячеслав Иванович, был учителем белорусского языка и литературы. Он преподавал на Гродненщине. Во время войны партизанил. Заболел. Долгое время был инвалидом. С партизанских времен, к сожалению, у него осталось пагубное пристрастие к спиртному, поэтому детство у нас было очень трудным. Это был умнейший человек. В юности он дружил с писателем Янкой Скрыганом. В конце тридцатых - начале сороковых у него были какие-то проблемы с властью на почве белорусскости, но об этом он не любил вспоминать, и мы тоже не спрашивали.

Я очень хорошо помню, что отец часто слушал радио «Свобода» и «Голос Америки», которые тогда глушили. Хрипящий старинный радиоприемник. Он прикладывал к нему ухо и ловил голоса. Даже про знаменитый слуцкий суд узнал именно оттуда.

Маму звали Мария Васильевна, по ее линии у нас были какие-то немецкие корни. Ее предки стоярили у Радзивиллов. Она преподавала географию. Жизнь ее была очень тяжелой. Пятеро детей. И за здоровье отца тоже нужно сражаться. Преподавать она ходила в школу за

пять километров от нашего дома. Хозяйство, коровы, свиньи.

Когда отца уже не было, пенсионерка-мать жила одна. Но ей не было скучно, она знала фамилии всех членов Политбюро, всех хоккеистов, футболистов. Всю жизнь мечтала куда-то поехать попутешествовать, но не сложилось. Дальше Речицы, где живет одна из дочерей, не ездила. Нашу маму смело можно считать героиней. Все дети получили высшее образование. Сама годы ходила в одной и той же кофте. Если в райцентре проходили какие-то семинары, могла там купить булочку, но не съесть, а привезти нам.

В детстве мечтала жить на берегу моря, которое видела только на картинках, и хотела быть моряком. У меня были немного мальчишечьи ориентиры, играла в футбол и хоккей. Куклы (початок кукурузы, завернутый в тряпочку) тоже, конечно, были, но больше лазила с мальчишками по заборам. Еще читала книги на верхушке высокого дерева, чем приводила в ужас ровесниц.

...Один раз повисла на заборе, за который зацепилась платьем, и там бы в шесть лет, наверное, закончилась моя жизнь, если бы не проходивший мимо сосед.

Учительской семье колхоз тогда не выделял сена. Нам приходилось самим заготавливать корм на зиму. Каждое лето запрягались в самодельную деревянную коляску, мать спереди, а мы сзади, и днем шли в государственный лес. Там под деревьями и кустами жали траву, вечером везли ее домой сушить. Почему лес? Не запрещали. Помню, по дороге справа и слева было поле, а на обочине росла трава, но ее брать не разрешали, она считалась колхозной. А лесники нас не гоняли. И так с конца мая по конец августа. Каждый год. Много раз резались серпами, у меня до сих пор шрамы остались.

Но детство есть детство. Больше все-таки приятных воспоминаний. В те времена даже свиней пасли. Выгоняли их из хлебов, как коров, и шли на поле скошенной ржи, где они особенно любили рыть землю, а дети в это время «дурели». Бежали за три километра купаться. Было весело и интересно.

По чистописанию у меня порой были даже двойки, но школу закончила на одни пятерки. У меня есть склонности к математике, языкам.

- И все-таки, почему вы стали учительницей?

- Иначе просто и быть не могло. Слишком много родственников были учителями. Когда все собирались за одним столом, получался «семейный педсовет».

Первоначально я попыталась пойти в институт иностранных языков. Сдала на пятерку немецкий и на три написала сочинение. Не хватило полбалла.

Около года я проработала шлифовщицей на Минском шарикоподшипниковом заводе в роликовом цехе. Там начальник предлагал поступать в РТИ. Дескать, для завода нужны кадры и общежитие мне гарантировано. Хотелось чего-то другого. Выбрала пединститут, историю и иностранный язык, набрала один из самых высоких баллов.

Начиная с первого курса, нас каждый год отправляли «на картошку». Дважды была в стройотрядах. Ездила в Молдавию на уборку урожая. Была в Присе, что под Смоленичами, среди тех, кто принимал студентов из четырех вузов ГДР. Там есть бройлерная фабрика, мы строили птичники. Точнее, студентам доверяли в основном санузлы. У меня до сих пор сохранилась фотография, где изображена часть санузла, куда вложен и мой труд.

Я знала немецкий язык, поэтому меня очень часто использовали как переводчицу, а в Минске еще и гидом.

В институте была комсомольским активистом.

- А после учебы?

- Получила распределение в деревню Веска Солигорского района. На распределении была тринадцатой. Выбор большой, поэтому Веску мне никто не навязывал.

Типичная деревня, вдоль улицы дома. Можно, конечно, назвать ее забитой, но самогон там гнали хорошо. Еще вспоминается местный клуб. Обычный, то есть заплеванной. Но мы, учителя, там были почти все молодые, не теряли оптимизма и энтузиазма.

Директор, почти наш сверстник, устраивал катания по полям на санях. Кто-то пошутил насчет колокольчиков. На что он тоже пошутил. Дескать, нас и так можно

принять за сумасшедших, а если еще и колокольчики будут звенеть, то сразу отправят в психиатрическую больницу.

Проработала там два года.

Потом вышла замуж.

Не очень люблю об этом вспоминать. Неплохой человек. Он работал бухгалтером в нашем колхозе. Я почти на пять лет старше. У него с детства была склонность к алкоголю. Вначале это казалось несерьезным, но потом проявилось очень сильно. После рождения дочери буквально через год мы расстались.

Моей дочери очень хотелось, чтобы в семье был папа, поэтому мы через три года после развода вновь сошлись. Вместе прожили еще семь лет. Первые годы он еще немного старался себя как-то контролировать, а затем и вовсе перестал.

Он часто переезжал по совету друзей на новые места работы. Так мы оказались в поселке Вежи, где построили новые дома для чернобыльских переселенцев. Здесь до сих пор и живу, двухкомнатная квартира со всеми удобствами, кругом лес. Очень красивые места.

Если писать историю нашего поселка, то это получится история репрессированных во время коллективизации жителей белорусских хуторов. После стальной аграрной реформы там их было много. В тридцатых годах прошлого столетия жителей насильно заставили покинуть свои дома, которые сразу разрушили. Мужчин в основном отправили в «места не столь отдаленные», а семьи были вынуждены поселиться в соседних деревнях.

Я собирала воспоминания и хотела поставить какой-то памятник, но мне сказали, что у нас в стране их почти нет, потому торопиться не нужно.

- А что выбрала дочь?

- После развода я поменяла фамилию на свою девичью, а ее зовут Евгения Прокопович. Часто приходится доказывать, что я на самом деле ее мать.

Она любит читать книги, хорошо рисует, окончила музыкальную школу. Купила ей баян. Когда приезжали в мою родную деревню, где у нас своеобразная дача, то она, по мнению местных старушек, скрашивала им все лето.

От Вежей это 35 километров. Когда Женя училась в институте (с мужа я не брала алиментов), там выращивала клубнику и продавала, чтобы дочь выучить. Когда другие отдыхали, она все время помогала мне полоть. Это было настоящим испытанием, ибо Женя очень боится червяков. Когда задерживали мою учительскую зарплату, которой хватало только на пропитание, клубника помогала выживать.

Дочь окончила технологический университет, работала на «Медпрепаратах». Два года снимала жилье. Поехала за границу работать официанткой в ресторан, чтобы себя материально немного обеспечить.

Там вышла замуж.

- 13 считается несчастливым числом, возможно, поэтому так получилось с вашим распределением. А в чем, на ваш взгляд, вообще суть счастья?

- Насчет моего распределения категорически не согласна.

Я тоже считаю (как в фильме «Доживем до понедельника»), что счастье, когда тебя понимают. Когда рядом с тобой есть настоящий друг. Для женщин это любимый и любящий мужчина. Тот, на которого можно положиться в любую минуту, с которым ты можешь быть самой собой.

- А политикой почему вы начали заниматься?

- Я очень люблю свободу. Стремлюсь всегда кого-то в чем-то защитить, не понимаю, как один человек может унижить другого.

Все учителя на каком-то генном уровне постоянно боятся проверок, и я не исключение. Несмотря на это, никому и никогда не позволяла себя и других оскорблять. Часто не сдерживалась и, начиная еще с советских времен, делала различным проверяющим соответствующие замечания. Также самое делалось и в отношении директоров школ.

Долгое время была совершенно аполитичным человеком. Кстати, когда Лукашенко в 1994 году пришел к власти, я даже проголосовала за него. Сейчас не стесняюсь в этом признаться, ибо так сделали очень многие. Во втором туре выбор был между ним и Кебичем, а про

партию тогда все узнали много нового. Лукашенко был неким символом надежд на перемены. Увы, мы ошиблись.

По гороскопу - я Рак. Считается, что он долго не вылезает из своего укрытия, выжидает. В нашем поселке черныбыльцы приватизировать свои квартиры не смогли и должны были скоро начать жить по новым законам, которые значительно ухудшали их материальное положение. Я вмешалась, и за два месяца прошла их трехлетний путь противостояния с властями. Прошла все этапы, в том числе и администрацию президента, где быстро поняла, что с коммунистическим прошлым у нас отнюдь не покончено, наоборот.

Потом уже осознанно подписала «Хартию-97». Вместе со мной это сделали свыше шестидесяти земляков, которых удалось сагитировать. Сразу же начали угрожать, обзывали всякими словами, упрекали за то, что я будоражу народ. Нужно было сделать выбор: или, испугавшись, отступить, или продолжить борьбу. Я решила не отступать.

Естественно, меня начали «прессовать». Арестовывали, судили, хотели уволить, пытались не продлить контракт.

После последних выборов пришлось досрочно уйти на пенсию, ибо уже имею необходимый трудовой стаж. Работать в подконтрольной государству структуре и иметь отличную от установленной государством позицию сегодня просто невозможно. Я ушла сама, а не потому что кто-то так захотел.

Материал записан 30 августа 2006 года.

Валянціна ТРЫГУБОВІЧ

БНФ лічаць адной з самых ідэйных структур. Валянціну Трыгубовіч адной з самых апантаных прыхільніц гэтай ідэі. Чаму? Адным з адказаў на гэтае пытанне і будзе наша гутарка.

- Вы нарадзіліся?

- У Бабруйску 13 студзеня 1947 года. На Новы год па старому стылю. Першае дзіця ў маладых бацькоў. Бацька, Андрэй Іванавіч Манько, прайшоў усю вайну – ад Паўночнага Каўказа да Берліна. На шчасце, ён яшчэ жывы. Мама, Вера Сцяпанаўна, была партызанскай сувязной у вайну, яна трагічна загінула, калі год назад згарэў іх дом. Мама родам з вёскі Ярышы Уздзенскага раёна, што над самым Нёманам. Ад мамы ў нас мова, пачуццё сям’і, роду, хрысціянскія пачаткі.

У мяне ёсць дзве сястры і брат. Рая (у яе цяпер знаходзіцца бацька, якому 87 гадоў) жыве ў Салігорску. Андрэй цяпер мінчук. Святлана нарадзілася ў 1961 годзе, у тым самым месяцы, калі Гагарын паляцеў у космас. У кожнага з нас па двое дзяцей. У іх таксама ўжо ёсць дзеці. У мяне ўнучка, а месяц назад у брата нарадзіўся ўнук. Пачынаем гадаваць новае пакаленне.

Старэйшы сын Сяргей з жонкай жывуць у Злучаных Штатах, у штаце Нью-Джэрсі. А я жыву з малодшым, Янкам. Яго дачцэ год і тры месяцы. Ірка – гэткая атаманша разбойнікаў. Усім у хаце кіруе, усё падпарадкавана ёй. Самы цікавы ўзрост. Раніца пачынаецца з таго, што яна прыходзіць і пачынае бабе разляпляць вочы. Ёй патрэбен партнёр для гульні. Альбо кошка, альбо баба.

Мой бацька па адукацыі аграном, вучыўся ў Горацкай сельгасакадэміі, а потым сам выкладаў навучэнцам розных тэхнікумаў і вучылішчаў. Так атрымалася, што на працы яго бясконца пераводзілі з месца на месца. Пакуль я скончыла сярэдняю школу, вучылася ў чатырох. Як вядома, сёння Беларусь – незалежная краіна і мае ясныя межы. Дык вось. У дзяцінстве я жыла на крайнім поўдні, ёсць там такая чыгуначная станцыя Славечна. Сёння гэта мяжа з

Украінай. Пайшла ў першы клас. Правучылася чатыры гады. Потым бацьку перавялі ў Нароўлю. Там Прыпяць... З таго часу ўмею лавіць вудачкай рыбу, ведаю, што такое заліўныя лугі, сапраўдны крыгаход. Прыпяць зрабіла вельмі моцнае ўражанне, яна дагэтуль з'яўляецца маёй любімай ракой. Пасля Нёмана, натуральна. Потым бацьку зноў «перакінулі», на Украіну. Адтуль мы пераехалі на станцыю Бігосава, гэта беларуская мяжа з Латвіяй. Калі сёння мяне пытаюць пра малую радзіму, то я ўзгадваю не толькі дзедаву зямлю па-над Нёманам (на месцы яго маёнтка Святы Двор – звычайнае калгаснае поле, а пра тое, што тут было калісьці, ведаем хіба мы ды старыя яршоўцы), але ўсю Беларусь: з поўдня да поўначы.

Школу я заканчвала ў апошні год хрушчоўскага праўлення, 1964-ы. Яна была рускамоўная. Дарэчы, ва Украіне давялося вучыцца на ўкраінскай мове. Праблемаў у сям'і з гэтага не рабілі. Так атрымалася, што мы прыехалі вясной, калі ўжо заканчваўся навучальны год. Я пайшла ў школу і амаль нічога не разумела: ні тое, што гаворыць настаўнік, ні тое, што гавораць дзеці. Другой школы ў тым маленькім Угнаве (Угнів – па-ўкраінску, гэта Львоўская вобласць) не было. Бацькам проста сказалі, што за лета я павінна засвоіць украінскую мову, бо інакш не змагу вучыцца. Акрамя гэтага трэба было перайсці на ангельскую, бо раней я вывучала нямецкую. Ну, і ўсё лета я займалася з двума настаўнікамі. Па сённяшнім часе гэта немагчыма ўявіць, таму што настаўнікі са мной працавалі абсалютна бясплатна. У сям'і было тры дзяцей і толькі адна бацькава зарплата.

Ангельскую мову пачыналі з літар, з украінскай было прасцей. Граматыка амаль тая ж самая, розніца найбольш у лексіцы. Таму настаўнік параіў больш чытаць кніжак. Спачатку сэнс прачытанага даходзіў слаба. Дакладна памятаю, як перайшла так званы моўны бар'ер. Чытала нейкі твор. Інтуітыўна адчуваю ў тэксце драматызм, трывогу, а словы банальныя: « сине, сине... ». Пры чым жа тут сіні колер? І раптам да мяня «дайшло», што ўкраінскае «и» вымаўляецца, як беларускае «ы», і гэта маці плача: «сыне, сыне... ». З гэтага моманту пачала ўсё разумець. Першага верасня пайшла ў школу. Усе прадметы выкладаліся на ўкраінскай мове, але ніякіх складанасцей

ужо не існавала. Як была ў беларускай школе выдатніцай, так ёй адразу стала і ва ўкраінскай. І па сённяшні дзень нармальна чытаю ўкраінскія тэксты.

У Бігосаве атрымала залаты медаль і паехала паступаць у Мінск на журфак.

- Атрымліваецца, што мы калегі?

- І даўно!

- Чаму менавіта журфак?

- Выдатнікаў заўсёды прымушалі быць нейкімі камсамольскімі актывістамі. У мяне гэта атрымлівалася кепска, але дадатковыя школьныя нагрузкі пастаянна былі. Пасля дзевятага класа трапіла ў чарговы маладзёвы лагер, дзесьці недалёка ад Віцебска. Па вечарах мне там было сумна. Пачала пісаць дзённік. Каб чымсьці заняцца. Адна мая віцебская сяброўка ўлезла, пачытала і кажа: «Гэта вельмі прыгожа, трэба дзе-небудзь надрукаваць». Яна мяне і спакусіла.

У той час адзінай газетай, якую для мяне выпісваў бацька, была «Знамя юности». Туды я сваю пісаніну і адправіла. А ў газеце якраз вырашалі рабіць старонку для старшакласнікаў – «Сверстнік». Мае нататкі «прышліся ко двору» і трапілі ў першы нумар. Гэта быў удалы дэбют, потым я друкавалася амаль кожны месяц.

У год, калі я прыехала паступаць у БДУ, з'явіліся дзве невыгодныя для мяне ўмовы. Па-першае, людзі, якія атрымалі залаты медаль, усё роўна павінны былі здаваць усе экзамены. Другое: на стацыянар журфака нельга паступіць адразу пасля школы, трэба было мець два гады стажу. Такім чынам атрымлівалася, што паступаць я не маю права. Жанчыны ў прыёмнай камісіі кажуць: «Ідзі на філфак, першыя гады вывучаюцца тыя ж самыя прадметы, а потым перавядзешся». Аднак калгаснаму дзіцяці зразумець гэтыя тонкасці было складана, мне патрэбен быў толькі журфак. Я ледзь не плакала. Тады нехта кажа: «Падавай дакументы на завочнае аддзяленне». Так і зрабіла. Адразу пасля школы!

На той момант мне не было нават васемнаццаці гадоў. З вялікай цяжкасцю ўладкавалася ў капільскую раённую газету «Слава праць». (Зноў пераехалі бацькі.) Добра памятаю, што на ўсю рэдакцыю быў адзін руска-беларускі слоўнік Кандрата Крапівы. Абсалютна ўся моўна-

даведачная літаратура! Як і большасць тагачасных раёнак, «Слава праць» выдавалася на беларускай мове, падпарадкоўвалася, натуральна, райкаму партыі. Рэдактарам быў цудоўнейшы чалавек – Віктар Адамавіч Семянкевіч. Дагэтуль удзячна яму за цярплівасць і тактоўную дабрыву. Яшчэ лепшымі настаўнікамі былі цёткі, якія працавалі ў друкарні і набіралі тэксты – ручным наборам (па літарках!) або на лінатыпе – цэльмі радкамі. Сённяшнія маладыя журналісты ці чулі пра гэтыя тэхналогіі? Звычайныя капыльскія жанчыны ў моўных пытаннях «абстаўлялі» амаль усіх прысланых выпускнікоў універсітэту. Не прапусkali ніякіх памылак, русізмаў і г.д. Яны далі мне не менш, чым сталічная прафесура.

Тым часам мая сярэдняя сястра Рая заканчавала восем класаў і паўстала пытанне, дзе ёй далей вучыцца. Мы з сяброўкай-цёзкай жылі ў Капылі на кватэры. Дзяўчына гэтая вывучылася ў мінскім ПТВ №32 на лінатыпістку. Яна і параіла мне скіраваць сястру туды ж. Мы напісалі сяброўчынаму настаўніку ліст, каб высветліць умовы прыёму. У адказ ён напісаў, што цяпер лінатыпістаў будуць набіраць толькі пасля дзесяці класаў і што адкрываецца новае аддзяленне – фотакарэспандэнтаў. Гэта зацікавіла мяне. У той час быў вельмі папулярны Васіль Пяскоў з «Камсамолкі». Я палічыла, што буду лепшым журналістам, калі навучуся яшчэ і фатаграфавать.

Калі на субяседаванні ў ПТВ даведаліся, што мой школьны атэстат ва універсітэце, то прынялі адразу. Я была такая адна, туды пераважна прыехалі фатографы-практыкі з раённых газет. Вучыліся цэлы год. З мяне нічога не атрымалася, тэхніка не слухаецца па сённяшні дзень. Напрыклад, у кампутары ведаю толькі, як трэба націскаць клавiшы для набору тэксту. Аднак я навучылася разумець фатаграфію (праз яе – і выяўленчае мастацтва), хоць сама зрабіць нешта прыстойнае ў фатаграфіі не магу. Мая стыхія – слова.

Праз год вышла замуж за хлопца, з якім разам вучыліся ў ПТВ. Яго сям'я жыла ў Мінску на Беламорскай. На жаль, Эдуарда Трыгубовіча ўжо няма ў жывых. Ад яго мне засталася прозвішча. Сорок гадоў таму праз гэтую

жаніцбу я апынулася ў Мінску. Было гэта ў красавіку 1967 года. Як хутка бяжыць жыццё.

Потым у нас нарадзіўся сын Сяргей. Універсітэт скончыла з усялякімі прыгодамі, бо ўсе курсавыя пісала самастойна. І пераздачы экзаменаў былі надзвычай рэдкія. Цяжка было мець працу і адначасова вучыцца. Плюс – малое дзіця. Лепш не ўспамінаць...

У 1970-м скончыла універсітэт і з дапамогай мужа, які працаваў фатографам у Таварыстве дружбы з замежнымі краінамі, уладкавалася ў тыднёвік «Голас Радзімы». Газета выдавалася пад пільным наглядом КДБ. Наш куратар прыходзіў на кожную вёрстку і паралельна з усімі чытаў. Як бы яшчэ адзін цэнзар. Але ў той час гэта ўспрымалася натуральна, іншага проста не ўяўлялася. Ён і на ўсіх рэдакцыйных вечарынках быў госцем. Сёння складана растлумачыць тагачасныя рэаліі, бо яны бачацца інакш.

У 1982 годзе я нарадзіла другое дзіця і з дэкрэту ў «Голас Радзімы» ўжо не вярнулася. А пайшла на працу ў часопіс «Мастацтва Беларусі», які з'явіўся ў 1983-м. Апошнія гады ў «Голасе Радзімы» я ўзначальвала аддзел культуры, даволі шмат пісала пра мастакоў, таму збольшага ведала і тэматыку, і праблемы. Аддзел выяўленчага мастацтва ў часопісе ад першага нумара вяла Таццяна Гаранская. Мая знаёмая, сяброўка. Добры навуковец, знаўца мастацтва, але літаратурны рэдактар без належнага досведу. Папрацаваўшы некалькі месяцаў, Таццяна зразумела, што гэта не яе справа, і ўгаварыла мяне пайсці на яе месца.

У часопісе, ён потым стаў называцца «Мастацтва», я працавала амаль дваццаць гадоў. Заяву на звальненне напісала, таму што прыйшоў новы рэдактар, з якім працаваць не хацелася. А пенсія ўжо была аформлена... З таго часу ў службовым плане я вольны чалавек.

- А чым займаецеся?

- Гадую ўнучку.

З канца васьмідзесятых, калі ўзнік аргкамітэт па стварэнні БНФ, 319 кастрычніка 1988 года па сённяшні дзень дастаткова актыўна працую ў Беларускай народнай фронце. Да 1995-га ўзначальвала камісію па замежных сувязях. Гэта атрымалася абсалютна выпадкова. Звалілася,

як снег на галаву. У мяне былі добрыя кантакты з беластоцкімі калегамі-журналістамі. Напярэдадні ўстаноўчага з'езду БНФ якраз збіралася ехаць у Польшчу, і сябры з аргкамітэта даручылі запрасіць каго-небудзь з «польскіх» беларусаў. Так і атрымалася. Зянон Пазыняк, відаць, гэта ўзяў на аловак, і калі пачалі ствараць розныя камісіі, прапанаваў мне ўзначаліць замежную. І я пагадзілася. Часова. Пакуль не знойдзецца хтосьці больш падрыхтаваны, бо замежнымі мовамі я не валодаю, а без гэтага праца будзе недасканалая. Як вядома, няма нічога больш пастаяннага, як часовае. Я напісала заяву і сышла з Сойму і замежнай камісіі толькі ў 1996-м, калі Зянон Станіслававіч з'ехаў за мяжу, а я пра яго ад'езд даведалася ад журналістаў, якія тэлефанавалі з просьбай пракаментавачь падзею...

Да 1999 года займалася толькі прафесійнымі клопатамі ды грамадскай арганізацыяй «Беларуская перспектыва». А на з'ездзе ў тым годзе многія з першых фронтаўцаў падтрымалі Вінцука Вячорку. З таго часу я зноў уваходжу ў Сойм. Толькі кола абавязкаў значна меншае, зважаю на ўзрост. Ахвотна даю дарогу маладым.

Акрамя гэтага займаюся даволі актыўна рэлігійна-асветніцкай дзейнасцю. Менавіта вера, я пераканана, дапаможа нам захавацца як нацыі.

- Будзе лагічным спытаць пра сэнс чалавечага шчасця?

- Самае галоўнае, каб было паразуменне чалавека з навакольным светам і ўласнай душой. Каб цябе разумелі блізкія людзі.

У мяне шмат гадоў ёсць такая нязбыўная мара: ляжу сабе на канапе, гляджу тэлевізар, п'ю каву – і нікуды не трэба спяшацца, ніхто нідзе не плача, ніякі рукапіс не «гарыць». Не атрымліваецца!

Ніколі не раблю працу, якую можа выканаць іншы. Бяруся толькі за тое, чаго ніхто іншы пакуль не бачыць, альбо за тое, што магу зрабіць так, як ніхто. І набіраецца гэтых «праектаў» столькі, што мне неабходна яшчэ не менш гадоў, чым пражыла.

Матэрыял падрыхтаваны 2 траўня 2007 года.

Юлия ЧИГИРЬ

Ее имя чаще всего упоминается в связи с мужем, который когда-то был премьер-министром, а затем являлся одним из самых перспективных противников президента А. Лукашенко. Я же хочу рассказать, прежде всего, о ней самой.

- Многие считают, что вы из Клецка?

- Это неправильно. В моем свидетельстве о рождении написано – Клецкий консервный завод. В годы моего рождения он находился в поселке Красная Звезда, но в метрике о поселке ничего не написали. Дореволюционное название Радзивилмонты. Моя школа располагалась в летней резиденции бывших магнатов.

Огромное влияние на формирование характера оказала первая учительница Франтишка Иосифовна Барановская. Кстати, мы у нее были последним классом перед выходом на пенсию. Умнейший человек, очень воспитанный. Не знаю о ее происхождении, слышала только, что у нее была очень интересная судьба. Франтишка Иосифовна хотела ее записать, но не успела. Она учила не только в школе, а приглашала нас, сельских детей, к себе домой. Показывала, как правильно пить чай из стаканов с подстаканниками, пользоваться салфетками, накрывать стол, встречать гостей и т.д. Эти уроки мне очень помогли, особенно тогда, когда муж стал премьер-министром. Например, я знала, что на приемы всегда нужно ходить в чулках, как бы не было жарко. В отличие от известной «светской львицы», мои окна не выходили на центральные площади Минска, но я всегда знала, что к посламу на официальные приемы не ходят в ботфортах и с открытой спиной. Что шляпу можно надевать только до шести вечера, а на вечерние приемы она не надевается вообще. Что для этих случаев требуются платья определенных цветов, длины рукавов. Этому всему научила обычная сельская учительница.

Отец, Станислав Андреевич Бабяк, был главным бухгалтером на консервном заводе. Он вел активный образ жизни и был известным человеком. Помню такой эпизод. Когда мы переехали с мужем и детьми в Минск, мой сын

Леша уже умел писать и сочинил письмо деду. Отправил точно так же, как в известном рассказе – город Клецк, дедушке Станиславу Андреевичу от Лещи. Самое интересное, оно дошло. На почте в Клецке «вычислили», что в районе есть один дед, которому могло прийти такое письмо, и позвонили отцу.

Мама, Галина Александровна, работала в бухгалтерии там же. Потом, когда родственникам запретили быть в подчинении, она перешла в отдел снабжения. Ее родителей репрессировали. Их реабилитировали только в начале 90-х. Я шучу, что у меня муж и мама жертвы политических репрессий.

Отец, наоборот, когда-то являлся чекистом. Был в партизанах, затем служил в войсках МГБ. Но я ни о чем не знала. Впервые обо всем услышала только тогда, когда в десятом классе нужно было написать сочинение про идеальных людей. Я выбрала маминого папу. Оказалось, учительница, которая у нас вела русский язык, с ними из одной местности, а ее родственники имели отношение к раскулачиванию и высылке деда. Получился скандальный конфуз. Маму вызвали в школу, и вернулась она оттуда зареванная. Так я обо всем узнала.

У меня две родные сестры и старший брат Валерий. Он остался в Клецке. Когда-то, во времена КПСС, был вторым секретарем местного райкома партии, а теперь работает на маслозаводе. В нашей семье все дети как бы пошли по стопам родителей и получили экономическое образование. Я тоже, но потом стала юристом только потому, что с мужем работать в этой сфере, как говорится, тесно. Сестра, Зоя, работает в Несвижском отделении Агропромбанка, а Наташа в - Столбцовском. Обе младшие. В банк они попали еще до того, как я вышла замуж за банкира, поэтому никаких «нюансов» здесь нет. В свое время компетентные органы это проверили хорошо.

Прежде чем стала писать и читать, освоила ручную счетную машинку «Феликс» и счеты. После школы мечтала быть учителем физики и математики, это любимые предметы. Я была немногословной, не любила уроки истории и географии. Если кто-то в моем присутствии ругался матом, я воспринимала это как отношение ко мне и плакала. Вопреки желаниям отца, который в нашей

семье был самым главным и строгим, поехала поступать в пединститут. «Пролетела» вот на чем. Я училась в белорусской школе, а на экзамене по математике меня что-то начали спрашивать про числитель и знаменатель. В итоге поставили двойку. В коридоре начала уточнять, что за понятия такие, и только здесь поняла, что спрашивали про «лічнік» и «назоўнік». Было очень обидно. Как начала плакать в Минске, то закончила только в Клецке. Когда говорят, что между белорусским и русским немного разницы и освоить всё легко, это неправда. Мне понадобилось десять лет.

После самостоятельного «провала» отец отвез меня в Пинск и заставил сдать документы в Пинский учетно-кредитный техникум, который считался одним из самых престижных заведений по подготовке специалистов банков. На его основе сегодня создан Полесский университет. Отец этот выбор сделал не случайно. На тот момент у нас в районе управляющим банком был Станислав Богданкевич. Отцу, работающему главным бухгалтером, приходилось часто контактировать с ним. Он не только уважал, но и обожал этого человека, и мне кажется, вместе с ним его должность, банк и банковских служащих. Поступила легко. Тогда тем, кто был победителем олимпиад и имел со школы грамоту по определенному предмету, при поступлении в техникум автоматически ставилась по этому предмету пятерка. Мне нужно было писать только сочинение. Выбрала вольную тему – мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути. Получила 5/4.

В техникуме была активисткой, старостой общежития, командиром стройотряда. Окончила его хорошо.

На противоположный пол внимания особо не обращала. В школе, когда все бегали на танцы, мы с подругой у нее в каморке занимались фотографией. Конечно, первая любовь у меня была. Одноклассник Володя. Он поступил в какое-то военно-морское училище.

После техникума ехать в Клецк не хотелось, но вмешался любимый папочка и нашел для меня место. К тому времени, как прислали Чигиря, проработала там около года.

-А как же школьная первая любовь?

- О ней пришлось забыть.

...Однажды гадалка на вокзале сказала, что у меня есть жених, но предложение выйти замуж последует от его полной противоположности. Вовка был коренастым, черненьким, с черными глазами, а этот, по ее словам, будет светлым, худощавым и т.д., который потом станет очень известным человеком. То есть она полностью обрисовала Чигиря. Даже нагадала, что мы познакомимся по работе, и он сделает предложение. Так и произошло. Правда, она не сказала, какой выбор сделаю. Типа, все решать мне. Только, говорила, о том, что ждет меня в каждом конкретном случае.

Через год вышла замуж за Чигиря. Потом родила одного сына, затем другого. Разница между ними полтора года.

В банк не вернулась. Не захотелось работать «при муже». Пошла главным бухгалтером на Клецкий промкомбинат. К слову, против воли отца. Он хорошо знал эту работу, считал ее сложной и ответственной, переживал за меня. В некотором смысле я действительно попала в «болото». Все запущено, пряжу списывали по нормам без учета влажности, при списании тканей умышленно занижалась ее ширина. Мои требования изменить порядок учета вызвали бунт у мастеров, которые пользовались незаконно созданными излишками. Первым добровольно сдался мастер трикотажного цеха и стал списывать пряжу по тем нормам, на которых настаивала. Мастера швейного цеха пришлось убеждать в своей правоте с помощью ОБХСС. Внезапная проверка у него дома обнаружила километры ткани, в отчетах – умышленные искажения. Его осудили к длительному сроку заключения. Понятно, что все эти события сопровождались спорами, доказательствами, стрессами. Через два с половиной года приняла решение оставить эту работу.

Наш сосед был председателем Клецкого райпотребсоюза. В райпо в недалеком будущем должна была уйти на пенсию главный бухгалтер, и мне было предложено это место. Чтобы вступить в должность главного бухгалтера не в «темную», мне предложили перейти в райпо заранее и поработать с действующим

главным бухгалтером. Освоиться. Свободных бухгалтерских ставок не было, и меня временно зачислили юрисконсультom. Однако «наверх» кто-то сообщил о таком «страшном» нарушении закона о труде, и эта анонимка сыграла решающую роль в моей жизни. Пока приехали ревизоры, за несколько дней подготовила все, чтобы отчитаться за работу юрисконсульта на должность которого была зачислена. Проверка жалобы закончилась успешно, меня восприняли как юрисконсульта и ошибок не обнаружили. В этот момент стало известно, что мужа посылают на работу в Москву и в Клецк он оттуда не вернется. Словом, смысла в неких бухгалтерских перспективах нет, и до переезда я выполняла в райпо работу юрисконсульта. Это вынуждало много работать. Когда встал вопрос об увольнении в связи с переездом к месту работы и жительства мужа, меня перевели через вышестоящую организацию (облпотребсоюз) на торговую базу юристом. И почти одновременно я попробовала поступить в БГУ на юридический факультет. Вопреки всем прогнозам знакомых и родственников. Поступила с первой попытки. Самое интересное, что когда мы в школе писали сочинение о том, кто кем хочет быть, я, чтобы ввести в заблуждение «русицу», о своих намерениях написала – юрист.

Училась, как положено, все сдавала абсолютно без блата. Помню, дети сидят у ног под столом, а я готовлюсь к экзаменам. Прошу их уйти спать, а они говорят – мы по тебе соскучились. Мы же молчим, не мешаем, разреши посидеть с тобой. Муж тогда работал в ЦК КПБ, но мои сослуживцы узнали об этом только перед тем, как я уволилась с базы.

- И куда вы ушли?

- На вольные хлеба. Началась горбачевская перестройка, появились возможности заработать деньги, начать свое дело, стать более свободным. Решилась на это не сразу. Вначале параллельно с работой на базе подрабатывала разными способами. Так, у меня одно из хобби – вязание. Купила нашу вязальную машинку «Северянка». После основной работы стала вязать трикотажные изделия. Пробовала многое. Остановилась на модных шапочках «петушки», потом «колпачки». Вскоре

вязальных машин стало три, добавились российская «Каскад» и японская «Тайота». Оформила все как положено. То есть получила патент, отчитывалась в налоговых инспекциях. Со временем машинное вязание освоили дети. Стали и сами подрабатывать. «Петушок» на рынке стоил 18 рублей, они вязали многим одноклассникам за 8. Так заработали на минский мотоцикл. От этого «бизнеса» я отказалась в знак протеста на новые налоговые правила.

Одновременно использовала свои знания юриста хозяйственного права. В конце 80-х открывалось много новых предприятий. Требовались специалисты, способные подготовить учредительные документы, зарегистрировать их. Искали разовых представителей в хозяйственных и общих судах. Меня часто просили выполнить эти работы.

В результате основная работа, работа юриста на базе, стала ограничителем возможностей в тех сферах, которые приносили мне большие доходы. Я объявила об уходе с базы. Устроилась на работу в частную фирму с неполной рабочей неделей, потом дважды учреждала (совместно с другими) собственные фирмы.

Когда Чигирь собрался уходить в отставку, предложила коллегам по фирме закрыть общее дело, предполагая, что уход мужа от президента может вызвать поиски против него и членов семьи компромата. Мне не хотелось, чтобы из-за меня переживали стрессовые ситуации люди посторонние. В мае 1996 года мы вызвали аудиторскую проверку, подвели черту, поделили имущество фирмы и разошлись. После ареста мужа, в мае 1999-го фирму начали «трясти», но безрезультатно.

- Многие считают, что Чигирь у вас «под каблуком»?

- Не стрицаю, что муж считается со мной и моим мнением. Между тем сказку о подкаблучнике выдумали те, кому хочется представить Чигиря таким безвольным и бесхарактерным. Основу для этой сказки сочинила в далекие годы Галина Гайдукевич, мама известного либерал-демократа. Не знаю, чем я не приглянулась этой влиятельной в конце 70-х - начале 80-х женщине. После отъезда мужа на учебу в Москву названная мадам пыталась выселить меня с детьми из квартиры, в которой мы жили. Тогда из минского банка в Москву, где после

учебы Михаила решался вопрос о его заграничной работе, было отправлено письмо и сообщались «компрометирующие» его сведения. В том числе говорилось и о подкаблучнике. Ответ на то, кто организовал грязную возню против нашей семьи дала сама Галина Гайдукевич в интервью «Белорусской деловой газете» в августе 2001 года. Она пояснила, что из Москвы в Минск после учебы Чигирь приехал потому, что я, Юлия, «наделала беды».

Слышал, что премьер-министром он стал вопреки вашему желанию?

- Совершенно верно. Я была категорически против. Это наглядный пример «под каблуком». После того как муж мне сообщал, что принял какое-то решение, я никогда и не пыталась изменить его. Знаю, что навязывать что-то бесполезно.

Еще пример. Когда Шарецкий с Гончаром уговорили его принять участие в альтернативных президентских выборах, это стало для меня полнейшим шоком. После того как визитеры объявили, зачем приехали, я вышла готовить чай. Даже не пыталась как-то влиять на выбор Чигиря, была убеждена, что на авантюры Михаил не способен. Увы, ошиблась.

Он тогда просто устал от бесконечных разъездов и несправедливостей судьбы.

- Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу того, в чем смысл счастья?

- Это только мое понимание. Если коротко, то это, когда твоя жизнь не осталась незамеченной и не нужной другим. Основные части этих понятий вижу в следующем.

Для женщины это - дети. Я счастлива, что вырастила настоящих мужчин. Горжусь, что они любое испытание переносят мужественно. Никогда, в самых сложных ситуациях не слышала от них жалоб, нытья. У них всегда один ответ - «все нормально». Даже находясь в сизо, Саша говорил при встречах мне эти слова. Я как-то пришла и говорю: прости, что у тебя из-за нас такие проблемы. Сын ответил: это проблемы не у нас, а у них, раз они пошли на подобные шаги.

Счастлива, что после меня остаются внуки. И благодарна своей судьбе за все, в том числе и за трудности.

Испытания появляются, чтобы нас проверить. Именно таким людям Бог дает длинную жизнь.

Счастлива, что у меня много друзей. Несмотря на трудные времена, я их не растеряла. Даже не бывает одного дня, чтобы не услышала чей-то голос. В сложные минуты они очень много поддерживали. Мне в этом смысле непонятны разговоры о том, что много друзей бывает только тогда, когда ты у власти.

Счастлива, что мама живет...

- Как известно, Чигирь любит пчеловодство, а чем предпочитаете заниматься вы?

- У меня два хобби – вязание и цветы. Даже не знаю, какое из них главней. Недавно увидела в каталоге объявление о продаже недавно выведенных желтых пионов. Денег не было. Сдала в скупку свои золотые украшения. Это как наркотик.

Материал записан 8 апреля 2007 года.

© Інтернэт-версія: Камунікат.org, 2010 год

© PDF: Камунікат.org, 2010 год